

ПРЕЦЕДЕНТЫ

ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА
ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

В НОМЕРЕ:

А. и другие против Соединенного Королевства 2
[A. and Others v. United Kingdom] (жалоба № 3455/05)

По делу обжалуется заключение под стражу на неопределенный срок иностранных граждан, подозреваемых в причастности к терроризму, а также сокрытие материалов, относящихся к вопросу о законности содержания под стражей по мотивам национальной безопасности.

По делу нарушены требования статьи 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

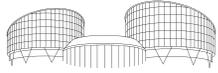
Молла Сали против Греции 64
[Molla Sali v. Greece] (жалоба № 20452/14)
(справедливая компенсация)

С учетом обстоятельств настоящего дела заявительница считала, что восстановление права на завещанное ей мужем-мусульманином имущество будет являться единственной приемлемой формой компенсации за допущенное нарушение Конвенции.

В отсутствие *restitutio in integrum* заявительница просила Европейский Суд присудить ей компенсацию материального ущерба и морального вреда.

Европейский Суд обязал власти Греции принять меры по восстановлению прав заявительницы на имущество в Греции или же выплатить ей компенсацию материального ущерба. В отношении имущества заявительницы в Турции требования заявительницы о справедливой компенсации отклонены.

EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS
COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME

ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

**Научное электронное
периодическое издание**

Прецеденты Европейского Суда
по правам человека.
Специальный выпуск
№ 5 (37) 2020

Свидетельство о регистрации СМИ
ЭЛ № ФС77-58098 от 20 мая 2014 г.,
выдано Федеральной службой
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

Учредители
ООО «Развитие
правовых систем»,
Ю.Ю. Берестнев,
Д.Ю. Давыдов

Редакция и издатель
ООО «Развитие
правовых систем»

Главный редактор
Е.А. Поворова

**Дата подписания
к использованию**
24.07.2020 г.

Перевод текстов
И.В. Артамонова

Адрес редакции
127050 г. Москва,
ул. Суцеская, д. 12, стр. 1
Тел.: +7 (499) 350-0015
E-mail: info@echr.today
www.echr.today

Объем выпуска 1.0 Мб

**Минимальные системные
требования**
Windows 2000/XP;
процессор с частотой 2,0 ГГц;
512 Мб ОЗУ; 20 Мб свободного
места на жестком диске

Свободная цена

Перепечатка материалов,
а равно иное использование
в коммерческих и некоммерческих
целях возможны только
с письменного разрешения
редакции. Мнение редакции может
не совпадать с точкой зрения
авторов статей и аналитических
материалов.

© «Прецеденты
Европейского Суда
по правам человека», 2020
© ООО «Развитие
правовых систем», 2020

В оформлении дизайна издания
используется символика Совета
Европы и Европейского Суда
по правам человека

© Совет Европы / Архитектура:
Партнерство Ричарда Роджерса
(Richard Rogers Partnership)
(Европейский Суд по правам
человека)

Уважаемые читатели!

Постановления, с которыми вы можете ознакомиться в этом выпуске нашего журнала, содержат правовые позиции, актуальные в сегодняшней российской реальности. К ним, в частности, относится вопрос о заключении и содержании под стражей. Эта тема особо чувствительна для граждан в их взаимоотношении с государством, отражая поиск разумного баланса между публичными интересами и частной жизнью, пределами вмешательства государства, особенно в уголовно-правовой сфере отношений, и соблюдением границ приватности. Насколько общество готово поступиться принципами гражданских свобод, позволяя заключать по подозрению в неблагонадежности под стражу лиц с выборочным подходом, исходя из их принадлежности к другому государству, и может ли мера уголовно-правового воздействия в виде заключения под стражу в своем развитии стать одним из основных инструментов эффективной работы следствия?

Так, в деле «А. и другие против Соединенного Королевства» государство в качестве одного из методов борьбы с террористическими организациями принимает оговорку к национальному закону о безопасности и противодействии терроризму, предусматривающую право заключать под стражу иностранных граждан, сертифицированных в качестве подозреваемых в международном терроризме, которые при этом не могут быть выдворены из страны в связи с угрозой возможности подвергнутся жестокому обращению в стране происхождения. Рассмотренный Европейским Судом по правам человека вопрос о правомерности подобного заключения под стражу, а также тонкости дела заявителей, связанные с закрытым характером материалов и значительными ограничениями доступа защитников и самих заявителей к ним, будет интересен и важен для понимания вектора дальнейшего развития соблюдения прав человека.

Второе постановление, публикуемое в этом выпуске нашего журнала, поднимает вопросы выбора применимого права и учета волеизъявления гражданина в отношении распоряжения собственностью. Дело «Молла Сали против Греции» дает понимание правовых позиций Европейского Суда в части взаимоотношений государства и гражданина, затрагивающих соблюдение частноправового волеизъявления, даже (или тем более) посмертного.

А. и другие против Соединенного Королевства (*A. and Others v. United Kingdom*)

Постановление от 19 февраля 2009 г.

Власти Соединенного Королевства после терактов 11 сентября 2001 г. в США сочли необходимым усилить режим национальной безопасности, для чего установили расширенные полномочия правоохранительных органов, допускающие содержание под стражей лиц, потенциально представляющих угрозу стране, которых, однако, невозможно выслать из-за риска того, что они подвергнутся жестокому обращению в стране происхождения. Многоэпизодное дело было рассмотрено Европейским Судом с учетом оценки открытости материалов, выяснения оправданности режима секретности и наличия или отсутствия спорных причин для нераскрытия информации в отношении заявителей, принимая во внимание общественный интерес к делу.

Молла Сали против Греции (Molla Sali v. Greece) (*справедливая компенсация*)

Постановление от 18 июня 2020 г.

Вернувшись к отложенному в Постановлении по существу дела вопросу о справедливой компенсации, Большая Палата Европейского Суда по правам человека решила, что власти Греции должны принять меры для обеспечения того, чтобы заявительнице в течение одного года было возвращено право владения завещанным имуществом, расположенным в Греции, или же выплатили компенсацию. Вопрос о праве владения имуществом, расположенным в Турции, должен решаться судами этого государства.

ИЗБРАННЫЕ ПОСТАНОВЛЕНИЯ БОЛЬШОЙ ПАЛАТЫ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

Дело «А. и другие (A. and Others) против Соединенного Королевства»¹

(Жалоба № 3455/05)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ^{2,3}

г. Страсбург, 19 февраля 2009 г.

По делу «А. и другие против Соединенного Королевства» Европейский Суд по правам человека, заседавая Большой Палатой в составе:

Жан-Поля Косты, *Председателя Большой Палаты Суда,*

Христоса Розакиса,
сэра Николаса Братцы,
Франсуазы Тюлькенс,
Йосепа Касадеваля,
Джованни Бонелло,
Иренеу Кабрал Баррету,
Элизабет Штейнер,
Леха Гарлицкого,
Ханлара Гаджиева,
Лилианы Мийович,
Эгберга Мийера,

¹ Перевод с английского языка ООО «Развитие правовых систем» / Под ред. Ю.Ю. Берестнева.

² Редакция и издатель «Бюллетеня Европейского Суда по правам человека», ООО «Развитие правовых систем», обращают внимание на то, что в случае воспроизведения в любом виде, формате и на любом носителе фрагментов текста перевода данного Постановления в соответствии со статьей 4 Закона Российской Федерации от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 (в ред. от 1 марта 2020 г.) «О средствах массовой информации» «Запрещается... распространение информации об общественном объединении или иной организации, включенных в опубликованный перечень общественных и религиозных объединений, иных организаций, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности по основаниям, предусмотренным Федеральным законом от 25 июля 2002 года № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»... без указания на то, что соответствующее общественное объединение или иная организация ликвидированы или их деятельность запрещена» (*примеч. редактора*).

³ Настоящее Постановление вступило в силу 19 февраля 2009 г. в соответствии с положениями пункта 1 статьи 44 Конвенции (*примеч. редактора*).

Давида Тора Бьоргвинссона,
Георга Николау,
Леди Бианку,
Ноны Цоцория,
Михая Поалелунжъ, *судей,*
а также при участии Майкла О'Бойла, *заместителя Секретаря-канцлера Европейского Суда,*
рассмотрев дело в закрытых заседаниях 21 мая 2008 г. и 4 февраля 2009 г.,
вынес в последнюю указанную дату следующее Постановление:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано жалобой (№ 3455/05), поданной против Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии в Европейский Суд по правам человека (далее – Европейский Суд) в соответствии со статьей 34 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция) 11 лицами, не являющимися подданными Соединенного Королевства (далее – заявители), 21 января 2005 г. Председатель Европейского Суда удовлетворил ходатайство заявителей о неразглашении их имен (пункт 3 правила 47 Регламента Европейского Суда).

2. Интересы заявителей представляла адвокатская фирма «Бирнберг Пирс и партнеры» (*Birnberg Pierce and Partners*), находящаяся в г. Лондоне. Власти Соединенного Королевства были представлены своим Уполномоченным при Европейском Суде Д. Уолтоном (*D. Walton*), сотрудником Министерства иностранных дел и по делам Содружества.

3. Заявители утверждали, в частности, что они незаконно содержались под стражей в нарушение статьи 3 Конвенции, пункта 1 статьи 5 Конвенции и статьи 14 Конвенции, а также что в их распоряжении не имелось адекватных внутригосударственных средств правовой защиты, что нарушало пункт 4 статьи 5 Конвенции и статью 13 Конвенции.

4. Жалоба была распределена в Четвертую Секцию Европейского Суда (пункт 1 правила 52 Регламента Европейского Суда). 11 сентября 2007 г. Палата, образованная в рамках этой Секции, в следующем составе: Йосепа Касадеваля, Николаса Братцы, Джованни Бонелло, Криштак Трайя, Станислава Павловского, Леха Гарлицкого, Лилианы Мийович, при участии Лоуренса Эрли, Секретаря Секции Суда, – в отсутствие возражений сторон уступила свою юрисдикцию в пользу Большой Палаты Европейского Суда (статья 30 Конвенции и правило 72 Регламента Европейского Суда).

5. Состав Большой Палаты Европейского Суда был определен в соответствии с пунктами 2 и 3 статьи 27 Конвенции и правила 24 Регламента Европейского Суда.

6. Заявители и власти Соединенного Королевства подали письменные замечания по существу дела. Кроме того, были получены комментарии от двух неправительственных организаций, «Либерти» (Liberty) и «Правосудие» (Justice), находящихся в г. Лондоне, которым Председатель Европейского Суда разрешил принять участие в письменной процедуре (пункт 2 статьи 36 Конвенции и пункт 2 правила 44 Регламента Европейского Суда).

7. Открытое слушание по настоящему делу состоялось 21 мая 2008 г. во Дворце прав человека в г. Страсбурге (пункт 3 правила 59 Регламента Европейского Суда).

В заседании Большой Палаты Европейского Суда приняли участие:

(а) со стороны властей Соединенного Королевства:

Д. Уолтон, Уполномоченный Соединенного Королевства при Европейском Суде,

П. Сэйлз (P. Sales), QC, королевский адвокат,

К. Ивими (C. Ivimy), консультанты,

С. Бравинер-Роман (S. Braviner-Roman),

К. Чалмерз (K. Chalmers),

Э. Адамс (E. Adams),

Дж. Эддт (J. Adutt),

Л. Смит (L. Smith), советники;

(b) со стороны заявителей:

Г. Пирс (G. Pierce),

М. Уиллис Стюарт (M. Willis Stewart),

Д. Гведалла (D. Guedalla), солиситоры,

Б. Эммерсон (B. Emmerson), QC, королевский адвокат,

Р. Хусейн (R. Husain),

Д. Фридман (D. Friedman), консультанты.

Европейский Суд заслушал выступления Б. Эммерсона и П. Сэйлза, а также их ответы на вопросы, заданные Европейским Судом.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

8. Обстоятельства дела в том виде, в котором они были представлены сторонами, могут быть кратко изложены следующим образом.

A. ОТСТУПЛЕНИЕ ОТ СОБЛЮЖДЕНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ

9. 11 сентября 2001 г. над территорией Соединенных Штатов Америки террористы захватили четыре коммерческих самолета. Два из них были направлены прямо в башни-близнецы

Всемирного торгового центра, а третий – в здание Пентагона, что привело к многочисленным человеческим жертвам и к уничтожению имущества. Ответственность за данный акт взяла на себя исламистская экстремистская террористическая организация «Аль-Каида»¹, возглавляемая Осамой Бен Ладеном. Соединенное Королевство присоединилось к Соединенным Штатам Америки в проведении военной операции в Афганистане, территория которого использовалась для размещения тренировочных лагерей «Аль-Каиды».

10. Власти Соединенного Королевства утверждали, что события 11 сентября 2001 г. продемонстрировали, что международные террористы, особенно связанные с «Аль-Каидой», имели возможности для организации нападений на гражданские цели в беспрецедентном масштабе и намерение сделать это. Кроме того, учитывая рассредоточенную глобальную структуру «Аль-Каиды» и связанных с ней организаций, их фанатизм, безжалостность и решимость, государству будет сложно предотвратить будущие нападения. По мнению властей государства-ответчика, Соединенное Королевство ввиду его тесных связей с Соединенными Штатами Америки было приоритетной целью. Они считали, что имело место чрезвычайное обстоятельство самого серьезного вида, угрожающее жизни нации. Кроме того, они полагали, что угроза исходила в основном, но не исключительно от ряда иностранных граждан, находящихся на территории Соединенного Королевства, которые оказывали поддержку исламистским террористическим организациям, связанным с «Аль-Каидой». Ряд этих иностранцев не мог быть выслан из страны из-за риска того, что они подвергнутся обращению, противоречащему статье 3 Конвенции в стране своего происхождения.

11. 11 ноября 2001 г. Государственный секретарь издал Приказ об отступлении от соблюдения обязательств (Derogation Order) на основании статьи 14 Закона 1998 года «О правах человека» (Human Rights Act, далее – Закон 1998 года, см. ниже § 94), в котором он изложил условия предлагаемого уведомления Генерального секретаря Совета Европы об отступлении от соблюдения обязательств в соответствии со статьей 15 Конвенции. 18 декабря 2001 г. власти Соединенного Королевства уведомили Генерального секретаря Совета Европы об отступлении от соблюдения обязательств. В данном уведомлении говорилось следующее:

«Государственное чрезвычайное положение в Соединенном Королевстве

Террористические акты, совершенные в городах Нью-Йорк, Вашингтон (округ Колумбия) и шта-

¹ Здесь и далее упоминается организация, запрещенная на территории Российской Федерации в соответствии с Решением Верховного Суда Российской Федерации от 14 февраля 2003 г. № ГКПИ 03 116, вступившим в силу 4 марта 2003 г. (примеч. редактора).

те Пенсильвания 11 сентября 2001 г., привели к гибели нескольких тысяч человек, в том числе множества британских подданных и граждан еще 70 стран. В Резолюциях 1368(2001) и 1373(2001) Совет Безопасности Организации Объединенных Наций признал эти теракты угрозой международному миру и безопасности.

Угроза, представляемая международным терроризмом, имеет длящийся характер. В Резолюции 1373(2001) Совет Безопасности, действуя в соответствии с Главой VII Устава ООН, потребовал от всех государств принятия мер для предотвращения терактов, в том числе путем отказа в предоставлении безопасного убежища лицам, финансирующим, планирующим, поддерживающим или совершающим террористические акты.

Лица, подозреваемые в причастности к международному терроризму, представляют террористическую угрозу для Соединенного Королевства. В частности, на территории Соединенного Королевства находятся иностранные граждане, подозреваемые в соучастии в совершении, подготовке или подстрекательстве к совершению актов международного терроризма, в членстве в организациях или группах, причастных к вышеуказаным деяниям, или в связях с членами таких организаций или групп. Эти граждане представляют угрозу национальной безопасности Соединенного Королевства.

В итоге в Соединенном Королевстве сложились чрезвычайные обстоятельства по смыслу пункта 1 статьи 15 Конвенции.

Закон 2001 года “О борьбе с преступлениями террористического характера и безопасности” (Anti-terrorism, Crime and Security Act)

В результате возникновения чрезвычайных обстоятельств в Закон 2001 года “О борьбе с преступлениями террористического характера и безопасности” внесено, *inter alia*, положение о расширении полномочий по задержанию и заключению под стражу иностранного гражданина, применяющихся в случае, когда стоит цель выслать или депортировать это лицо из Соединенного Королевства, но когда высылка или депортация в рассматриваемое время невозможна, вследствие чего заключение под стражу оказалось бы незаконным в соответствии с существующими в национальном законодательстве полномочиями. Расширенные полномочия по задержанию и заключению под стражу будут применяться тогда, когда министр принимает решение о признании лица подозреваемым, в котором подчеркивается убеждение министра в том, что нахождение конкретного человека в Соединенном Королевстве представляет собой риск для национальной безопасности и что он подозревает данного человека в том, что он является международным террористом. Данное решение можно будет обжаловать в Специальную иммиграционную апелляционную комиссию (*Special Immigration Appeals Commission*, далее – СИАК), созданную в соответствии с Законом 1997 года “О Специальной иммиграционной апелляционной комиссии” (*Special Immigration Appeals Commission Act*), которая будет иметь право отменить это решение в случае, если будет признано, что оно не должно было быть принято. Решение СИАК можно будет обжаловать по вопросам права. Кроме того, решение о призна-

нии подозреваемым будет регулярно пересматриваться СИАК. Кроме того, СИАК будет иметь право в надлежащих случаях освобождать лицо под поручительство при соблюдении определенных условий. Содержание заключенного под стражей может быть прекращено в любой момент, если он согласится покинуть Соединенное Королевство.

Расширение полномочий по задержанию и заключению под стражу в соответствии с Законом 2001 года “О борьбе с преступлениями террористического характера и безопасности” представляет собой меру, насыщенная необходимостью в которой определяется требованиями сложившейся ситуации. Это временное положение, вступающее в силу первоначально на 15 месяцев и прекращающееся в случае, если этот срок не будет продлен парламентом. Впоследствии парламент должен ежегодно принимать решение о продлении срока применения этой меры. Когда власти Соединенного Королевства придут к выводу, что чрезвычайное обстоятельство более не существует или что расширенные полномочия больше не представляют собой меру, острая необходимость в которой определяется требованиями сложившейся ситуации, то министр отменит данное положение своим приказом.

Полномочия по заключению под стражу в соответствии с законодательством Соединенного Королевства (помимо Закона 2001 года “О борьбе с преступлениями террористического характера и безопасности”)

Власти имеют право в соответствии с Законом 1971 года “Об иммиграции” (*Immigration Act*, далее – Закон 1971 года) выслать или депортировать лиц на том основании, что их присутствие в Соединенном Королевстве не способствует общественному благу по соображениям национальной безопасности. Также лица могут быть задержаны или заключены под стражу на основании Приложений №№ 2 и 3 к Закону 1971 года до момента их высылки или депортации. Суды в Соединенном Королевстве признали, что данное право на заключение под стражу может быть реализовано только в период, необходимый, учитывая все обстоятельства конкретного дела, для осуществления высылки, а также что, если станет очевидным, что высылка будет невозможна в разумный срок, заключение под стражу будет незаконным (*R. v. Governor of Durham Prison, ex parte Singh* [1984] All ER983).

Подпункт “f” пункта 1 статьи 5 Конвенции

Общепризнано, что подпункт “f” пункта 1 статьи 5 Конвенции разрешает заключение под стражу лица с целью депортации только при обстоятельствах, когда “такая мера принимается с целью депортации” (Постановление Европейского Суда по делу “Чахал против Соединенного Королевства” (*Chahal v. United Kingdom*) (1996) 23 EHRR413, § 112). В данном деле Европейский Суд по правам человека указал, что заключение под стражу перестает быть допустимым в соответствии с подпунктом “f” пункта 1 статьи 5 Конвенции, если процесс депортации не осуществляется с надлежащей тщательностью, а также что в таких случаях необходимо было определить, не была ли чрезмерной продолжительность процесса депортации (§ 113).

В некоторых случаях, когда сохраняется намерение выслать или депортировать лицо по соображениям национальной безопасности, продление срока содержания под стражей может не соответствовать подпункту “f” пункта 1 статьи 5 Конвенции, как его истолковал Европейский Суд в [упомянутом выше Постановлении по] делу “Чахал против Соединенного Королевства” (Chahal v. United Kingdom). Это может иметь место, например, в случае, если лицо доказало, что его высылка на родину может привести к тому, что оно будет подвергнуто обращению, противоречащему статье 3 Конвенции. При таких обстоятельствах, независимо от степени угрозы национальной безопасности, которую представляет собой соответствующее лицо, статья 3 Конвенции запрещает высылку или депортацию в то место, где существует реальный риск того, что лицо может подвергнуться обращению, противоречащему данной статье Конвенции. Если отсутствуют альтернативные места назначения, значит, высылка или депортация временно невозможны, даже если конечным намерением по-прежнему является высылка или депортация лица сразу же, как будут созданы удовлетворительные условия для этого. Кроме того, может оказаться невозможным преследование лица за уголовное преступление, учитывая строгие правила приемлемости доказательств, существующие в системе уголовной юстиции Соединенного Королевства, а также требуемый высокий стандарт доказывания.

Отступление от соблюдения доказательств в соответствии со статьей 15 Конвенции

Власти Соединенного Королевства считали, что реализация расширенных полномочий по заключению под стражу на основании Закона 2001 года “О борьбе с преступлениями террористического характера и безопасности” может быть несовместима с обязательствами в соответствии с пунктом 1 статьи 5 Конвенции. Как указано выше, могут существовать ситуации, когда, несмотря на являющееся намерение выслать или депортировать лицо, содержащееся под стражей, нельзя сказать, что “мера принимается с целью депортации” по смыслу подпункта “f” пункта 1 статьи 5 Конвенции, как его истолковал Европейский Суд в [упомянутом выше Постановлении по] делу “Чахал против Соединенного Королевства” (Chahal v. United Kingdom). Следовательно, в той мере, в которой реализация расширенных полномочий может быть несовместима с обязательствами Соединенного Королевства по пункту 1 статьи 5 Конвенции, власти Соединенного Королевства решили воспользоваться правом на отступление от соблюдения обязательств, предоставленным пунктом 1 статьи 15 Конвенции, и данное отступление будет действовать до тех пор, пока не будет сделано соответствующее уведомление о его отмене».

Далее в уведомлении об отступлении от соблюдения обязательств излагались положения части 4 законопроекта 2001 года «О борьбе с преступлениями террористического характера и безопасности».

12. 12 ноября 2001 г. законопроект «О борьбе с преступлениями террористического характера и безопасности», содержащий положения,

которые впоследствии стали частью 4 Закона 2001 года «О борьбе с преступлениями террористического характера и безопасности» (далее – Закон 2001 года, см. ниже § 90), поступил на рассмотрение Палаты общин. Законопроект был принят парламентом в течение двух недель, из которых три дня были выделены для обсуждения Палатой общин 125 положений законопроекта на основании ограничительного программного предложения, что побудило объединенный комитет по правам человека и специальный комитет по внутренним делам пожаловаться на скорость, с которой их попросили рассмотреть данный вопрос.

13. Закон 2001 года вступил в силу 4 декабря 2001 г. В период действия указанного закона в отношении 16 человек, включая 11 заявителей по настоящему делу, были приняты решения о признании их подозреваемыми в соответствии со статьей 21 данного закона, после чего они были заключены под стражу. В отношении первых шести заявителей решение было принято 17 декабря 2001 г., и вскоре после этого их заключили под стражу. В отношении седьмого заявителя решение было принято, а сам он был заключен под стражу в начале февраля 2002 года, в отношении девятого заявителя – 22 апреля 2002 г., восьмого – 23 октября 2002 г., десятого – 14 января 2003 г., в отношении одиннадцатого заявителя заключение было принято 2 октября 2003 г., после чего его оставили под стражей, куда он был помещен на основании другого закона.

В. ПРОЦЕСС ОТСТУПЛЕНИЯ ОТ СОБЛЮДЕНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ

14. В ходе производства в Специальной иммиграционной апелляционной комиссии (далее – СИАК, см. ниже §§ 91–93) первые семь заявителей обжаловали законность отступления от соблюдения обязательств, утверждая, что их заключение под стражу в соответствии с Законом 2001 года нарушало их права, гарантированные статьями 3, 5, 6 и 14 Конвенции. Кроме того, каждый из них обжаловал решение министра о своем признании международным террористом.

15. 30 июля 2002 г., рассмотрев открытые и закрытые материалы и заслушав выступления специальных адвокатов, а также представителей сторон и третьей стороны, «Либерти», СИАК вынесла решение о законности отступления от соблюдения обязательств. СИАК постановила, что, учитывая открытые материалы, она была убеждена в том, что угроза, представляемая «Аль-Каидой», создала чрезвычайное обстоятельство государственного значения, угрожавшее жизни нации, по смыслу статьи 15 Конвенции, а также что закрытые материалы подтверждали данный вывод.

Далее СИАК признала следующее: тот факт, что цель защиты общества от международных терро-

ристов, вероятно, могла быть достигнута альтернативными способами, не доказывал, что принятые в действительности меры не были строго необходимы. Кроме того, в связи с тем, что целью заключения под стражу была защита Соединенного Королевства, то обстоятельство, что заключенный мог свободно уехать, демонстрировал, что эти меры надлежащим образом отвечали состоянию чрезвычайного положения.

СИАК отклонила жалобы заявителей на нарушение статьи 3 Конвенции. Она решила, что в той мере, в которой они относились к условиям заключения под стражу, заявителям следовало обратиться в гражданские суды общей юрисдикции, а также что у СИАК не было юрисдикции рассматривать подобные жалобы в связи с тем, что они не относились к «вопросу об отступлении от соблюдения обязательств». СИАК также не усмотрела оснований в доводе заявителей о том, что их заключение под стражу на неопределенный период противоречило статье 3 Конвенции. По данному вопросу СИАК признала, что их заключение под стражу не было бессрочным, поскольку к нему применялись сроки, установленные для самого Закона 2001 года, и так как этот закон предусматривал, что решение о признании подозреваемым в отношении каждого заявителя автоматически пересматривалось СИАК каждые полгода. В любом случае тот факт, что еще не было установлено какого-либо срока для превентивного заключения под стражу, сам по себе не влек нарушение статьи 3 Конвенции.

СИАК не согласилась с тем, что статья 6 Конвенции применялась к процессу принятия решения о признании подозреваемым. Признание каждого заявителя в качестве подозреваемого в международном терроризме являлось не «обвинением», а констатацией подозрения, и производство в СИАК не имело цели рассмотреть уголовное обвинение. Кроме того, не было нарушено ни одно из гражданских прав, и статья 6 Конвенции не была применима, в том числе и в ее гражданско-правовом аспекте.

Однако СИАК не сделала вывод о том, что отступление от соблюдения обязательств не было незаконным, так как соответствующие положения Закона 2001 года необоснованно дискриминировали иностранных граждан в нарушение статьи 14 Конвенции. Предоставляемые Законом 2001 года полномочия надлежащим образом могли быть ограничены негражданами только в случае, если угрозу представляли исключительно или почти исключительно неграждане, и доказательства не подкрепляли данный вывод. В §§ 94–95 своего постановления СИАК указала следующее:

«94. Если должно существовать эффективное отступление от соблюдения права на свободу, предусмотренного статьей 5 [Конвенции], в отношении лиц, подозреваемых в международном терроризме (и мы можем увидеть веские доводы

в пользу такого отступления), отступление должно рационально распространяться на всех лиц, подозреваемых в международном терроризме, которых невозможно выслать. Оно надлежащим образом может быть ограничено группой иностранных лиц только в случае, если, как утверждает [представитель жалующих лиц], угроза исходит исключительно или почти исключительно от этой группы иностранных лиц.

95. Однако имеющиеся доказательства, бесспорно, свидетельствуют о том, что угроза не сводится к данной группе лиц. Уже выявлено много британских подданных, которые в основном содержатся под стражей за рубежом, которые попадают под определение “подозреваемые в международном терроризме”, и из замечаний, сделанных в СИАК, очевидно, что, по мнению [министра], в Соединенном Королевстве на свободе находятся иные лица, к которым может быть применено аналогичное определение. При таких обстоятельствах мы не видим, как можно рассматривать отступление от соблюдения обязательств иначе, чем дискриминацию по признаку национальной принадлежности».

СИАК, таким образом, отменила Приказ об отступлении от соблюдения обязательств от 11 ноября 2001 г. и приняла декларацию о несоответствии в отношении части 23 Закона 2001 года на основании части 4 Закона 1998 года (см. ниже § 94).

СИАК отложила рассмотрение индивидуальных жалоб семи заявителей на принятие в отношении них решений о признании их подозреваемыми (см. ниже §§ 24–69) до момента, пока не закончится рассмотрение жалобы министра и встречной жалобы заявителей по вопросам права на вышеуказанное решение.

16. 25 октября 2002 г. Апелляционный суд вынес свое решение (*A. and Others v. Secretary of State for the Home Department* [2002] EWCA Civ 1502).

Апелляционный суд решил, что СИАК имела право постановить, что имело место чрезвычайное обстоятельство, угрожающее жизни нации. Однако, вопреки мнению СИАК, Апелляционный суд счел, что подход, принятый министром, мог быть объективно оправдан. Существовала рациональная связь между заключением под стражу неграждан, которые не могли быть депортированы из-за страха за свою безопасность, и целью, которую пытался достигнуть министр, а именно высылкой неграждан, представлявших угрозу для национальной безопасности. Кроме того, заявители содержались бы под стражей не дольше, чем это было необходимо, до их высылки или прекращения чрезвычайного обстоятельства, или до того момента, пока они не перестанут представлять угрозу для безопасности государства. При этом не было допущено дискриминации, противоречащей статье 14 Конвенции, поскольку британские подданные, подозреваемые в терроризме, не находились в том же положении, что и подозреваемые в терроризме иностранные граждане, которые не могли быть депортированы

из-за страха за свою безопасность. Эти иностранные граждане не имеют право оставаться в стране, а всего лишь имеют право некоторое время не быть высланными для их же собственной безопасности. Апелляционный суд добавил, что в международном праве общепризнано, что в некоторых ситуациях государства могут проводить различия между гражданами и негражданами, особенно во время действия чрезвычайного положения. Далее Апелляционный суд сделал вывод, что парламент имел право ограничить предлагаемые меры таким образом, чтобы они распространялись только на иностранцев, подозреваемых в связи с террористами, поскольку он был вправе решить, что заключение под стражу только ограниченной группы иностранных граждан, затронутой данными мерами, учитывая имеющиеся обстоятельства, было «строгое необходимо» по смыслу статьи 15 Конвенции.

Апелляционный суд согласился с СИАК в том, что производство по обжалованию принятых решений о признании подозреваемым не являлось «уголовно-правовым» по смыслу пункта 1 статьи 6 Конвенции. Вместе с тем он отметил, что статья 6 Конвенции в ее гражданско-правовом аспекте была применима к разбирательству, но производство по нему было настолько справедливым, насколько это было возможно с разумной точки зрения. Далее Апелляционный суд указал, что заявители не продемонстрировали, что их заключение под стражу нарушало статью 3 Конвенции.

17. Заявителям было дано разрешение подать жалобу в Палату лордов, которая вынесла свое решение 16 декабря 2004 г. ([2004] UKHL 56).

Большинство лордов-судей прямо или косвенно признали, что заключение заявителей под стражу на основании части 4 Закона 2001 года не попало под исключение из общего права на свободу, предусмотренного подпунктом «f» пункта 1 статьи 5 Конвенции (см. лорд Бингем (*Bingham*), пункты 8 и 9, лорд Хоффман (*Hoffman*), пункт 97, лорд Хоуп (*Hope*), пункты 103–105, лорд Скотт (*Scott*), пункт 155, лорд Роджер (*Rodger*), пункт 163, баронесса Хейл (*Hale*), пункт 222). Лорд Бингем свою позицию обобщил следующим образом:

«9. ...В отношении лица, совершившего тяжкое преступление, запрещенное уголовным правом нашей страны, независимо от того, является ли оно подданным или иностранцем, конечно, может быть предъявлено обвинение, проведено разбирательство и, если оно будет признано виновным, назначено лишение свободы. Но иностранец, который в случае возвращения на родину может быть подвергнут пыткам или бесчеловечному обращению и который не может быть депортирован в какую-либо третью страну, и который не обвиняется ни в каком преступлении, на основании подпункта “f” пункта 1 статьи 5 Конвенции и Приложения № 3 к Закону 1971 года “Об иммиграции” не может быть заключен под стражу в нашей стране, даже если он признан угрозой для национальной безопасности».

18. Далее Палата лордов признала восьмью голосами против одного (лорды Бингем и Скотт голосовали со значительным колебанием), что вывод СИАК о том, что существовало чрезвычайное обстоятельство, угрожавшее жизни нации, не следовало изменять. Лорд Хоуп оценил доказательство следующим образом:

«118. Существуют обширные [открытые] материалы, доказывающие, что у правительства в ноябре 2001 года были все основания полагать, что имело место чрезвычайное обстоятельство, угрожающее жизни нации... Соединенному Королевству угрожали атаки сети “Аль-Каиды”, которая имела возможность через своих членов причинить большой ущерб с пагубным воздействием на жизнь нации. Это было продемонстрировано событиями 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке, Пенсильвании и Вашингтоне. В Соединенном Королевстве была большая группа иностранных граждан, у которых имелись воля и способности для организации скоординированных терактов, которые были бы такими же разрушительными для человеческих жизней и имущества. Имелось множество разведанных, свидетельствующих о том, что международные террористические организации, участвовавшие в недавних терактах и в подготовке других терактов, имели связи с Соединенным Королевством, и что эти и другие организации представляли для нашей страны угрозу. Увеличивается количество доказательств, подтверждающих, что велась подготовка к использованию оружия массового поражения в ходе данной кампании... [Министерство внутренних дел] считало, что серьезные угрозы для нации исходили преимущественно, хотя и не исключительно, от группы иностранных граждан.

119. Из этих показаний ясно вырисовывается картина текущего чрезвычайного положения. Это чрезвычайная ситуация, представляющая угрозу того, что эти теракты будут совершены. Она угрожает жизни нации вследствие ужасающих последствий, которые затронули бы всех нас, если бы они произошли здесь. Но всё же нельзя сказать, что эти теракты неминуемы. 15 октября 2001 г. министр заявил перед Палатой общин, что не было новых разведанных, указывающих на конкретную угрозу для Соединенного Королевства (см. дело Хансарда (*Hansard*, HC Debates, col 925). 5 марта 2002 г. эта оценка положения была повторена в ответе правительства на второй доклад специального комитета Палаты общин по защите от угрозы терроризма (Select Committee on Defence on the Threat from Terrorism) (HC348, para 13), в котором было указано, что неправильно было сказать, что имелись доказательства конкретной угрозы. Из материалов, которые мы видели, я бы не сделал вывод, что в настоящее время отсутствует чрезвычайное обстоятельство, но я бы и не сделал вывод, что чрезвычайная ситуация, которую составляют угрозы, имеет иной характер или уровень, нежели те, которые, несомненно, наступили бы, если бы угрозы когда-либо материализовались. Доказательства указывают на то, что последнее чрезвычайное положение нельзя считать неминуемым. Следует признать следующее: в связи с тем, что теракты, вероятно, будут совершены без предупреждения, невозможно определить стадию, на которой можно сказать, что они

неминуемы. Это важный фактор, и я не оставляю его без внимания. Однако в действительности стадия, когда нация должна столкнуться с подобным чрезвычайным положением, когда теракт неминуем, не была достигнута».

Лорд Хоффман, не согласившийся с большинством, признал, что имелись правдоподобные доказательства угрозы совершения серьезного теракта в Соединенном Королевстве, но считал, что она не разрушила бы жизнь нации, поскольку угроза не была настолько фундаментальной, чтобы угрожать «нашим правительственным учреждениям или нашему существованию как гражданскому обществу». Он сделал вывод, что «реальная угроза жизни нации... исходит не от терроризма, а от такого законодательства, как рассматриваемое».

19. Другие лорды-судьи (лорды Бингем, Ничоллс (*Nicholls*), Хоуп, Скотт, Роджер, Карсвелл (*Carswell*) и баронесса Хэйл, с особым мнением лорда Уолкера (*Walker*)) отклонили замечание правительства о том, что вопрос о мерах, необходимых для защиты безопасности общества, следовало решать парламенту и исполнительной власти, а не судам. Лорд Бингем высказал следующее мнение:

«42. Из этого анализа следует, что жалующиеся лица, на мой взгляд, имеют право обратиться в суды по основаниям соразмерности с ходатайством о пересмотре Приказа об отступлении от соблюдения обязательств и проверке соответствия Конвенции статьи 23 [Закона 2001 года], и фактически судам никакая доктрина почтения не запрещает рассмотреть поднятые вопросы. Из этого также следует, что я не согласен со всеми замечаниями Генерального атторнея. В частности, я не согласен с различием, которое он провел между демократическими учреждениями и судами. Безусловно, правда, что судьи в нашей стране не избираются и не подотчетны парламенту. Также, конечно, верно, что парламент, исполнительная власть и суды имеют различные функции. В то же время функция независимых судей, обязанных толковать и применять законодательство, общепризнана в качестве основополагающего элемента современного демократического государства, краеугольного камня самого принципа верховенства права. Генеральный атторней имеет полное право настаивать на надлежащем ограничении судебного органа, но он не прав, когда называет процесс принятия судебных решений чем-то недемократическим. Это особенно неуместно в случаях, как настоящее, когда парламент прямо выразил законодательную волю в статье 6 Закона 1998 года, признав незаконным любой акт государственного органа, в том числе суда, который не соответствует конвенционному праву, потребовав от судов (статья 2) учитывать соответствующую судебную практику Страсбургских органов, обязав суды (статья 3), насколько это возможно, вводить в действие конвенционные права, и предусмотрев право обжалования случаев отступления от соблюдения обязательств. Результатом, конечно, является не отмена суверенной законодательной власти Королевы в парламенте, так как, если первоначальное законодательство признано несоответствующим, это не влияет на действительность законодательства (пункт 6 статьи 4), и сред-

ство правовой защиты состоит в обращении к соответствующему министру (статья 10), который подотчетен парламенту. Закон 1998 года наделяет суды очень специфическим, всецело демократическим мандатом».

20. В связи с этим большинство судей изучили вопрос о том, являлся ли режим заключения под стражу в соответствии с частью 4 Закона 2001 года адекватным ответом на чрезвычайное положение, и сделали вывод, что он не решал рациональным образом угрозу безопасности и был несоразмерной реакцией на нее. Они сослались на три главные основания: во-первых, что схема заключения под стражу применялась только к негражданам, подозреваемым в международном терроризме, и не охватывала угрозу, исходившую от подданных Соединенного Королевства, которые также подозревались в терроризме; во-вторых, что она оставляла за подозреваемыми в международном терроризме лицами право на свободу уехать из Соединенного Королевства и продолжать свою угрожающую безопасности деятельность за рубежом; в-третьих, что законодательство было сформулировано слишком широко и поэтому в принципе могло быть применено к лицам, подозреваемым в причастности к международным террористическим организациям, на которые не распространялось отступление от соблюдения обязательств.

Что касается первого основания, лорд Бингем подчеркнул, что вывод СИАК о том, что террористическая угроза не сводилась к негражданам, не оспаривалась. Поскольку СИАК была ответственная за установление фактов судом, отсутствовала необходимость изучать мотивировку данного вывода, но имелись доказательства того, что «более тысячи человек из Соединенного Королевства, по оценке разведслужб, посещали тренировочные лагеря в Афганистане за последние пять лет», что некоторые британские подданные, как утверждалось, планировали вернуться из Афганистана в Соединенное Королевство и что материалы, относящиеся к заявителям, свидетельствовали о высоком уровне вовлеченности британских подданных и других лиц, связанных с Соединенным Королевством, в террористическую деятельность. Лорд Бингем далее отметил:

«33. ...Очевидно, что статьи 21 и 23 Закона 2001 года не распространяются на угрозу, представляемую подданными Соединенного Королевства, поскольку они не допускают принятие решений о признании подозреваемым в отношении британских подданных и их заключение под стражу. Не имеет значения, что другие статьи Закона 2001 года и Закона 2000 года применяются к подданным Соединенного Королевства, так как от их исполнения не было совершено отступление, они не были обжалованы, и они применяются одинаковым образом к иностранным гражданам. Опять же не сказано, что угроза, исходящая от подданных Соединенного Королевства, хотя

и количественно меньше, качественно отличается от угрозы, исходящей от иностранных граждан. Также очевидно, что статьи 21 и 23 позволяют лицу, в отношении которого было принято решение о признании подозреваемым и принята мера пресечения в виде заключения под стражу, покинуть Соединенное Королевство и уехать в любую другую страну, которая захочет его принять, как сделали двое жалующихся лиц, уехав в Марокко и Францию соответственно... Подобная свобода может быть всецело объяснена в рамках иммиграционного контроля: если органы власти Соединенного Королевства хотят депортировать иностранного гражданина, но не могут депортировать его в государство А из-за [упомянутого выше] дела “Чахал против Соединенного Королевства” (*Chahal v. United Kingdom*), их цель может быть также достигнута путем его добровольного отправления в страну Б. Но позволить подозреваемому в международном терроризме покинуть территорию нашей страны и отправиться в другое государство, в том числе в настолько близкое, как Франция, чтобы он там продолжал свои преступные замыслы, – такое сложно соотносить с верой в его способность причинить серьезный вред людям и интересам нашего государства...

35. Пятый шаг в аргументации жалующихся лиц допускает небольшое уточнение. Тем не менее представляется разумным предположить, что лица, подозреваемые в международном терроризме, являющиеся подданными Соединенного Королевства, не просто игнорируются властями. Когда [пятый заявитель] был освобожден СИАК из тюрьмы под поручительство... условием его освобождения (среди прочего) было соблюдение следующих обязанностей: постоянно носить электронный маячок; всегда находиться у себя дома; звонить в указанную службу безопасности пять раз в день в определенное время; разрешить установить у себя дома оборудование для наблюдения; ограничить круг посещающих лиц членами его семьи, солиситором, врачами и иными лицами, получившими соответствующий допуск; ни с кем не контактировать; не иметь дома компьютера, мобильного телефона и других электронных устройств связи; отказаться от подключения его дома к телефонной линии, а также подключить свой дом к специальной телефонной связи, позволяющей связываться только со службой безопасности. Жалующиеся лица предположили, что подобные условия при строгом соблюдении сделают террористическую деятельность практически невозможной. Сложно понять, почему бы и нет.

36. Обращаясь к фундаментальному значению права на личную свободу как на шестой шаг в рамках аргументации соразмерности, жалующиеся лица ссылались на либертарианские традиции свободы в английском праве, восходящие к главе 39 Великой хартии вольностей 1215 года, приведенной в действие древнейшим средством правовой защиты – *habeas corpus*, провозглашенным в Петиции о праве 1628 года, поддерживаемым в ряде судебных решений в течение веков и к настоящему времени воплощенным в материальных и процессуальных законодательных нормах... В рамках рассмотрения нарушений статьи 5 Конвенции Европейский Суд также признал основополагающее значение личной свободы...

43. Оспаривание жалующимися лицами приказа и статьи 23 на основе концепции соразмерности, на мой взгляд, правильно, исходя из всех причин, указанных ими, а также Комиссаром Совета Европы по правам человека и Комитетом Ньютона (*Newton Committee*). Генеральный атторней не смог дать убедительного ответа.

21. Кроме того, большинство судей постановили, что Закон 2001 года был дискриминационным и не соответствовал требованиям статьи 14 Конвенции, отступление от которой не допускалось. Заявители находились в той же ситуации, что и граждане Соединенного Королевства, подозреваемые в причастности к международному терроризму, с которыми у них были общие черты, заключавшиеся в том, что их было невозможно выслать из Соединенного Королевства и что они представляют собой угрозу для национальной безопасности. В связи с тем, что схема заключения под стражу была направлена преимущественно на защиту Соединенного Королевства от терактов, а не на миграционный контроль, отсутствовали объективные причины обращаться с заявителями каким-либо иным образом на основании их гражданства или иммиграционного статуса.

22. Хотя жалоба заявителей включала жалобы на нарушение статей 3 и 16 Конвенции, Палата лордов не сочла необходимым рассматривать их, поскольку признала отступление от соблюдения обязательств незаконным по другим основаниям.

23. Палата лордов отменила Приказ об отступлении от соблюдения обязательств и решила на основании статьи 4 Закона «О правах человека» (см. ниже § 94), что статья 23 Закона 2001 года не соответствовала пункту 1 статьи 5 и статье 14 Конвенции в той мере, в которой она была несоответственной и допускала дискриминационное содержание под стражей лиц, подозреваемых в международном терроризме.

С. ПРОЦЕСС ПРИЗНАНИЯ ПОДОЗРЕВАЕМЫМИ: «ОБЩЕЕ» РЕШЕНИЕ И АПЕЛЛЯЦИОННЫЕ ЖАЛОБЫ

24. Тем временем, в мае 2003 года, после вынесения Апелляционным судом постановления по поводу процедуры отступления от соблюдения обязательств, но до вынесения вышеуказанного решения Палаты лордов началось рассмотрение СИАК индивидуальных апелляционных жалоб заявителей на признание их подозреваемыми.

25. В отношении каждой жалобы, находившейся на рассмотрении СИАК, министр представил «открытое заявление», резюмировавшее факты, связанные с решением о признании каждого заявителя подозреваемым, а также максимум доказательств, которые, по мнению министра, могли быть раскрыты без риска для национальной безопасности. Также по каждой жалобе в СИАК были

поданы «закрытые» заявления о фактах и доказательствах.

26. 29 октября 2003 г. СИАК вынесла «общее» решение, в котором она сделала ряд выводов, применимых ко всем жалобам в отношении признания подозреваемыми.

Что касается предварительных вопросов, СИАК отметила, *inter alia*, что она обладает компетенцией рассматривать жалобы на признание лица подозреваемым даже в тех случаях, когда это лицо покинуло Соединенное Королевство, в связи с чем подозрения с него были сняты. СИАК признала, что критериям установления того, существовали ли веские причины для подозрения лица в том, что оно является «террористом», и для убежденности в том, что его нахождение в Соединенном Королевстве представляет опасность для национальной безопасности по смыслу статьи 21 Закона 2001 года, «немного недоставало доказательств даже при сравнении вероятностей». Далее СИАК заметила, что «веские причины могли быть основаны на материалах, которые являлись бы неприемлемыми в нормальном судебном разбирательстве, например, показания со слов неизвестного информатора». Значение, которое следовало придавать конкретному доказательству, было необходимо оценивать с учетом всех доказательств в совокупности. Информация, которая могла быть получена под пытками, не должна автоматически исключаться, но суд должен учитывать любые доказательства относительно способа ее получения и оценивать ее значение и достоверность соответствующим образом.

СИАК признала, что положения Закона 2001 года о заключении под стражу следовало толковать в свете положений об отступлении от соблюдения обязательств. Угроза жизни нации не ограничивалась деятельностью на территории Соединенного Королевства, поскольку жизнь нации включает ее дипломатическую, культурную и связанную с туризмом деятельность за рубежом. Кроме того, теракты против союзников Соединенного Королевства также могли создать риск для Соединенного Королевства, учитывая взаимозависимость государств, столкнувшихся с глобальной террористической угрозой. При отступлении от соблюдения обязательств было установлено, что угроза исходила от «Аль-Каиды» и связанных с ней организаций. Поэтому необходимо было в отношении обеих норм, содержащихся в статье 21 Закона 2001 года, о «национальной безопасности» и «международных террористах», привести разумные обоснования для подозрения лица в том, что оно является частью группы, которая прямо или косвенно связана с «Аль-Каидой». Несмотря на то, что основной целью этой группы может являться национальная борьба, если эта группа поддерживала хотя бы частично «Аль-Каиду», и частное лицо при этом поддерживало данную группу, из этого можно

было сделать закономерный вывод о том, что оно поддерживало и помогало «Аль-Каиде».

СИАК также сделала ряд выводов о фактах общего применения, касавшихся организаций, предположительно связанных, по мнению министра, с «Аль-Каидой». Эти выводы были основаны на «открытых» и «закрытых» материалах. Таким образом, СИАК признала, например, что Салафитская группа проповеди и джихада (GSPC)¹, созданная в Алжире в 1998 году, являлась международной террористической организацией, связанной с «Аль-Каидой» через систему подготовки и финансирования, но при этом созданная ранее алжирская организация Вооруженная исламская группа (GIA)² таковой не была. Египетский исламский джихад³ (EIJ) либо являлась частью «Аль-Каиды», либо была очень тесно связана с ней. Чеченский арабский муджахеддин являлась международной террористической группой, преследующей антизападные цели, помимо борьбы за независимость Чеченской Республики, и имела тесные связи с «Аль-Каидой». СИАК также установила, что под условия нормы об отступлении от соблюдения обязательств попадала группа экстремистов, преимущественно граждан Алжира, объединившаяся вокруг Абу Доха (*Abu Doha*), алжирца, проживавшего в Соединенном Королевстве с 1999 года. По имеющейся информации, Абу Доха играл важную роль в тренировочных лагерях в Афганистане и имел многочисленные контакты в «Аль-Каиде», в том числе поддерживал связи с франкфуртской ячейкой, обвинявшейся в заговоре с целью организации взрыва на страсбургской рождественской ярмарке в декабре 2000 года. Абу Доха был арестован в феврале 2001 года, после поступления запроса на экстрадицию от Соединенных Штатов Америки, но его группа продолжила свою деятельность.

27. Заявители обжаловали решение СИАК в части, касавшейся того, что доказательства, которые могли быть получены под пыткой, были прием-

¹ Организация, признанная террористической и экстремистской в государствах – членах Организации договора о коллективной безопасности (*примеч. редактора*).

² 6 октября 2001 г. включена в Санкционный перечень ООН (QDe.006) по ИГИЛ (ДАИШ) (организация запрещена на территории Российской Федерации в соответствии с Решением Верховного Суда Российской Федерации от 29 декабря 2014 г. № АКПИ 14-1424С, вступившем в силу 13 февраля 2015 г.) и упомянутой выше запрещенной организации «Аль-Каида» согласно пункту 8(с) Резолюции ООН № 1333(2000). Внесена в список иностранных террористических организаций Государственным департаментом США, Европейским союзом, Законом 2001 года Соединенного Королевства о терроризме (*примеч. редактора*).

³ Здесь и далее упоминается организация, запрещенная в Российской Федерации, в соответствии с Решением Верховного Суда Российской Федерации от 14 февраля 2003 г. № ГКПИ 03-116, вступившим в силу 4 марта 2003 г. (*примеч. редактора*).

лемыми. Для целей обжалования стороны договорились о том, что производство в СИАК об обжаловании признания подозреваемым относилось к сфере применения пункта 4 статьи 5 Конвенции и, как таковое, должно было удовлетворять базовым требованиям справедливого разбирательства. В связи с этим отсутствовала необходимость рассматривать вопрос о том, была ли применима также статья 6 Конвенции, и он был оставлен без ответа.

11 августа 2004 г. Апелляционный суд большинством голосов поддержал решение СИАК ([2004] EWCA Civ 1123).

8 декабря 2005 г. Палата лордов единогласно постановила, что доказательства, полученные от подозреваемого или свидетеля под пыткой, уже давно рассматриваются как ненадежные в своей основе, несправедливые, противоречащие принятым стандартам гуманизма и нравственности, и не соответствуют принципам, на основе которых суды должны осуществлять правосудие. Следовательно, такие доказательства согласно законодательству не могут быть приняты в суде Соединенного Королевства независимо от того, когда, кем и по чьему приказу была применена пытка. В связи с тем, что лицо, оспаривающее признание его подозреваемым, имело лишь ограниченный доступ к материалам, представленным против него в СИАК, от него нельзя ожидать большего, чем указать правдоподобную причину того, что материалы могли быть получены подобным образом, и после этого СИАК должна провести соответствующее расследование. С учетом вышеизложенного Палата лордов удовлетворила жалобы заявителей и передала все дела на повторное рассмотрение СИАК ([2005] UKHL 71).

28. Выводы СИАК по делу каждого заявителя изложены ниже в §§ 29–69. Из 16 человек, включая 11 заявителей, заключенных под стражу в соответствии с частью 4 Закона 2001 года, лишь один добился отмены решения СИАК о признании его подозреваемым.

Д. ПРОИЗВОДСТВА О ПРИЗНАНИИ ПОДОЗРЕВАЕМЫМИ: РАССМОТРЕНИЕ ОТДЕЛЬНЫХ ДЕЛ

1. Первый заявитель

29. Первый заявитель родился в палестинском лагере беженцев в Иордании, не имеет гражданства ни одного государства, в 1997 году получил бессрочное разрешение на пребывание в Соединенном Королевстве. 17 декабря 2001 г. министр признал первого заявителя подозреваемым в международном терроризме в соответствии со статьей 21 Закона 2001 года. На том же основании 18 декабря 2001 г. был вынесен приказ о депортации первого заявителя.

30. Первый заявитель был заключен под стражу 19 декабря 2001 г. Впоследствии он подал жалобу в СИАК на признание его подозреваемым и на приказ о депортации. 24 июля 2002 г. он был переведен в Бродмурскую психиатрическую больницу (*Broadmoor Secure Mental Hospital*).

31. Первый заявитель и его представители получили от министра «открытые» материалы, включая полицейский рапорт, который доказывал, что по четырем его банковским счетам переводились большие суммы денег. СИАК и специальный адвокат, назначенный от имени первого заявителя, также получили возможность ознакомиться с «закрытыми» доказательствами. Первый заявитель дал устные показания в СИАК при помощи переводчика и вызвал одного свидетеля, который дал ему положительную характеристику. Он также представил четыре медицинских заключения относительно своего психического здоровья. СИАК указала в своем решении от 29 октября 2003 г.:

«Мы осознаем, что открытые материалы, на которые ссылался заявитель в подтверждение своей позиции, имеют очень общий характер, а также что дело зависит главным образом от показаний, которые в основном не были доказаны. Основное обвинение сводилось к тому, что он был причастен к сбору и перечислению средств террористическим группам, имевшим связь с «Аль-Каидой». Также утверждалось, что он обеспечивал изготовление поддельных документов и помогал волонтерам джихада добираться до тренировочных лагерей в Афганистане. Предположительно он был тесно связан с вышестоящими экстремистами и сообщниками Осамы Бен Ладена в Соединенном Королевстве и за океаном. Заявитель утверждает и всегда утверждал, что он занимался только социальными проектами, в частности, школой в Афганистане для арабоязычных детей, а также такими проектами, как строительство колодезев и снабжение продовольствием афганских общин. Он также собирал деньги для беженцев из Чечни. Любые контакты с так называемыми экстремистами были связаны именно с этими вопросами, и у него не было причин полагать, что они являлись террористами или интересовались террористической деятельностью.

Мы признаем реальные трудности, с которыми столкнулось жалующееся лицо при подаче настоящей жалобы. Мы приняли во внимание эти трудности и наличие у него проблем с психическим здоровьем. Мы отметили обеспокоенность [его представителя] тем, что служба безопасности чрезмерно упростила ситуацию, которая, по его словам, была сложной, а также тенденцию, касающуюся предположения о том, что любой верующий мусульманин, который считает, что образ жизни, практикуемый талибами в Афганистане, является правильным и достойным подражания, должен считаться подозреваемым. Мы также отмечаем, что первоначально ответчик утверждал, что вся деятельность жалующегося лица по сбору денег имела цель финансировать терроризм, и только тогда, когда жалующееся лицо представило доказательства, демонстрирующие, что он преследовал законные благотворительные

цели, ответчик признал, что, по крайней мере, часть этих денег была собрана для этих целей. В той мере, в которой ссылка делается на связь с определенными лицами, мы учитываем, что некоторые из лиц, которые предположительно причастны к терроризму, подали жалобы, находящиеся на рассмотрении... а также что подозрения в отношении остальных лиц не были проверены, и предполагаемые связи не были подтверждены...

[Представитель первого заявителя] признал, поскольку ему пришлось это сделать, недостоверность доказательств первого заявителя относительно его переездов в 1990-х годах, но попросил нас не использовать их против него ввиду его психического состояния. Мы не согласны с тем, что можем поступить подобным образом. Ложь была умышленной попыткой опровергнуть утверждение о том, что он был моджахедом в Афганистане, заявив, что он провел три года в иорданской тюрьме. Полиция преувеличила размер сумм, проводившихся через банковские счета. Мы с этим согласны, но всё же перечисленные суммы денег были значительны. [Представитель первого заявителя] утверждал, что подозрение состояло в том, что заявитель снабжал фальшивыми документами других лиц, а не себя. Таким образом, его поддельный паспорт гражданина Ирака не имел значения. Однако этот факт свидетельствовал о наличии у него возможности получить поддельный паспорт. [Представитель первого заявителя] оспорил достоверность разведанных, использованных против жалующегося лица, так как с запозданием было признано, что он действительно участвовал в благотворительной деятельности и что часть денег, прошедших через его счет и собранных им, была предназначена для этой цели. Мы признаем опасность того, что вся деятельность лица, находящегося под подозрением, может вызывать подозрения, а также что может не быть проведено справедливого рассмотрения всех материалов с тем, чтобы убедиться, что они действительно подтверждают подозрения. Мы рассмотрели все материалы, в частности, секретные, учитывая эту опасность.

Как мы отметили, открытые доказательства, взятые по отдельности, не могут обосновать причины, по которым мы отклоняем эту жалобу, и мы сочувствуем [представителю первого заявителя], поскольку перед ним стоит весьма трудная задача. Нас не впечатлило жалующееся лицо в качестве свидетеля, даже учитывая его психическое состояние и трудности, с которыми он столкнулся в своей деятельности. Он часто отвечал уклончиво и расплывчато и явно лгал относительно своих переездов в 1990-х годах. Нам было сложно понять или принять его объяснения относительно некоторых операций, проведенных через его банковские счета. Мы должны отметить, что не считаем, что ситуации ответчика существенно способствует то, что было сказано о деятельности жалующегося лица в Алжире и Чечне, так как его дело зависит главным образом от доказательств, касающихся сделок, совершенных им в Афганистане и с террористами, связь которых с «Аль-Каидой» известна.

Ясно, что жалующееся лицо достигло успехов в сборе денег и, что более важно, ему удалось переводить их в Афганистан. Независимо от того, с какими проблемами он сталкивался, ему удалось надежно и эффективно предоставлять услуги.

Его объяснения относительно лиц, являвшихся известными террористами, дети которых ходили в школу, и в отношении различных крупных сумм, проведенных через его банковские счета, неубедительны. Он расплывчато отвечал в случаях, когда, учитывая выдвинутые против него обвинения, мы ожидали предоставления некоторых подробностей...

Мы критически рассмотрели все доказательства. Закрытые материалы подтверждают наше мнение о том, что признание жалующегося лица подозреваемым в данном случае правильно. Имеет место разумное убеждение в том, что присутствие жалующегося лица в Соединенном Королевстве представляет опасность для национальной безопасности, а также обоснованное подозрение, что он является террористом по смыслу статьи 21 Закона 2001 года. Соответственно, данная жалоба подлежит отклонению».

32. В соответствии с положениями Закона 2001 года дело первого заявителя было пересмотрено СИАК спустя шесть месяцев. В своем решении от 2 июля 2004 г. СИАК признала, что:

«Обновленные открытые общие материалы... по-прежнему подтверждают, что существует непосредственная террористическая угроза для Соединенного Королевства от группы или групп лиц, состоящих из исламских экстремистов преимущественно североафриканского происхождения, которые различным образом связаны с «Аль-Каидой».

Хотя некоторые из его сообщников были заключены под стражу, круг экстремистов, занимающих видное место в различных формированиях, был настолько широк, что он не испытывает каких-либо трудностей и сохраняет желание и возможность помочь им своим обширным опытом по материально-техническому обеспечению с целью реализации в Соединенном Королевстве планов исламских экстремистов. Решение о признании подозреваемым остается в силе».

33. СИАК снова пересмотрела дело 15 декабря 2004 г. и вновь признала, что решение о признании подозреваемым должно быть оставлено в силе.

2. Второй заявитель

34. Второй заявитель являлся подданным Марокко, родившимся 28 февраля 1963 г. Он приехал в Соединенное Королевство в 1985 году в качестве туриста и получил разрешение остаться как студент. 21 июня 1988 г. второй заявитель получил бессрочный вид на жительство в Соединенном Королевстве в связи с тем, что он женился на подданной Соединенного Королевства, брак с которой впоследствии был расторгнут. В 1990 и 1997 годах он подавал ходатайства о предоставлении гражданства, но по его ходатайствам не было вынесено какого-либо решения. В 2000 году он снова женился на подданной Соединенного Королевства, от которой у него родился ребенок.

35. 17 декабря 2001 г. министр признал второго заявителя подозреваемым в международном

терроризме в соответствии со статьей 21 Закона 2001 года. В тот же день был вынесен приказ о его депортации. Второй заявитель был заключен под стражу 19 декабря 2001 г. Он подал жалобы на решение о признании его подозреваемым и на приказ о депортации, решив, однако, покинуть Соединенное Королевство, уехав в Марокко 22 декабря 2001 г. Свои жалобы он подавал из Марокко.

36. «Открытые» материалы против второго заявителя были обобщены в решении СИАК от 29 октября 2003 г. следующим образом:

«... (1) Он связан с Салафитской группой проповеди и джихада и Вооруженной исламской группой [алжирские террористические группы, см. выше § 26] и является близким соратником ряда исламских экстремистов, связанных с “Аль-Каидой” и/или Бен Ладеном;

(2) он причастен к подготовке и/или подстрекательству к совершению международных терактов путем передачи высокотехнологичного оборудования (в том числе устройств связи) Салафитской группе проповеди и джихада и/или исламским экстремистам в Чечне, возглавляемым Ибн Хаттабом (*Ibn Khattab*), а также поставлял последней группе одежду;

(3) он поддерживал одну или более Вооруженных исламских групп, Салафитскую группу проповеди и джихада и группировку Ибн Хаттаба в Чечне, совершая мошеннические действия с целью содействовать финансированию экстремистов, а также участвуя в хранении и распространении видеоматериалов, пропагандирующих джихад...

9. Позиция министра, основанная на открытых материалах, распространяется на эти подозрения, а также указывает, по крайней мере, на однократное использование вымышленного имени и на объединение с лицами, известными своей причастностью к терроризму или подозреваемыми в этом [были установлены пять человек]. Эти лица описывались [представителем министра] как “известные алжирские исламские экстремисты”.

10. Свидетель В [со стороны министра] подтвердил, что [второй заявитель] подозревается в том, что он является членом сети, а не членом конкретной организации вроде Салафитской группы проповеди и джихада или Вооруженной исламской группы».

СИАК далее разъяснила выводы, сделанные в отношении заявителя:

«Как и другие жалующиеся лица, [второй заявитель] в данном разбирательстве не обвиняется в совершении отдельных преступлений. Вопрос заключается в том, обоснованно ли, учитывая все доказательства, подозревать его в международном терроризме (согласно определению). Когда мы изучаем предоставленные нам материалы, как в настоящем случае, мы рассматриваем их в совокупности. Может случиться так, что материалы, относящиеся лишь к мошенничеству, снабжению одеждой, хранению видеозаписей или объединениям, сами по себе не доказывают, что лицо было каким-либо образом причастно к тер-

роризму или его поддержке. Однако нам надо оценить ситуацию, когда различные факторы относятся к одному и тому же человеку. К этим факторам относятся следующие. Во-первых, его участие в мошенничестве, о котором ему должно было быть известно, но о котором он не предоставил объяснений, оправдываясь лишь тем, что ему неизвестно, какое конкретно деяние или деяния имеет в виду министр. Во-вторых, он был причастен к усилению пропаганды (и соответственно к сбору денег) с целью подстрекательства к борьбе в Чечне и делал это в специфическом исламском (а не просто гуманитарном) контексте, используя и распространяя фильмы, которые согласно представленным нам доказательствам обычно распространяются в экстремистских сообществах. При рассмотрении общих доказательств мы имели дело с чеченскими арабскими моджахедами, и значение поддержки, оказываемой им, с которой мы согласились, оценивается в более широком контексте джихада... [Он] делал это в качестве близкого сообщника Абу Доха. Учитывая имеющуюся у нас информацию об Абу Доха, в которой, как мы отметили, у нас не было причин сомневаться, мы находим утверждение [второго заявителя] о том, что Абу Доха не делал ничего противозаконного (за исключением того, что он скрывал свою деятельность от русских), как абсолютно невероятное... [Он] объединялся вместе с другими лицами, причастными к терроризму. Они в основном назывались по именам в открытых материалах, но не упоминались в его показаниях...

Эти пять факторов относятся ко [второму заявителю]. Несомненно, министр мог отстоять свою позицию, продемонстрировав различные комбинации данных факторов в отношении одного человека. С учетом всех пяти факторов мы находим данную позицию убедительной. Мы полностью убеждены в том, что министр обоснованно подозревает, что [второй заявитель] поддерживает или помогает Вооруженной исламской группе, Салафитской группе проповеди и джихада и менее сплоченной группе, сформировавшейся вокруг Абу Дохи, и убежден в том, что в любой момент, когда [второй заявитель] находится в Соединенном Королевстве, его присутствие угрожает национальной безопасности».

3. Третий заявитель

37. Третий заявитель – тунисец, 1963 года рождения, который проживает в Соединенном Королевстве с 1994 года. Министр признал его подозреваемым 18 декабря 2001 г. На следующий день его заключили под стражу.

38. В решении от 29 октября 2003 г. СИАК, отклоняя жалобу третьего заявителя, отметила следующее:

«Дело против жалующегося лица, как указано в открытых материалах, заключается в том, что он является ведущим членом экстремистской исламской группировки, известной как Тунисская боевая группа (*Tunisia Fighting Group, TFG*)¹. Говорится, что эта группировка была соз-

¹ Включена в санкционный перечень по ИГИЛ (ДАИШ) (организация запрещена на территории Российской Федерации)

дана в течение 2000 года и берет свое начало от Тунисского исламского фронта (также известен как FIT – аббревиатура на французском языке). Его конечной целью заявлено создание исламского государства в Тунисе. Далее утверждалось, что жалующееся лицо регулярно контактировало с рядом известных экстремистов, в том числе с некоторыми лицами, причастными к террористической деятельности или к планированию таковой. Тунисский исламский фронт и Тунисская боевая группа предположительно были связаны с «Аль-Каидой».

Открытые материалы, представленные против жалующегося лица, не имеют существенного значения. Доказательства, использованные против него, содержатся в основном в закрытых материалах. Это означает, что он реально находился в неблагоприятном положении при рассмотрении его дела, поскольку ему не было известно о лицах, с которыми он предположительно контактировал...

В своих показаниях жалующееся лицо заявило, что оно никогда не слышало о Тунисской боевой группе и точно не является ее членом... У нас нет сомнений в том, что Тунисская боевая группа существует... а также что она связана с «Аль-Каидой». Причины, по которым мы сделали данный вывод, должны быть указаны в закрытом решении.

В мае 1998 года жалующееся лицо и еще 10 человек были задержаны в ходе совместной операции, проводимой силами Специальной службы и Службы безопасности по основаниям, предусмотренным Законом «О предупреждении терроризма» (*Prevention of Terrorism Act*). Жалующееся лицо было освобождено без предъявления ему каких-либо обвинений и в установленном порядке получило компенсацию за незаконный арест в размере 18 500 фунтов стерлингов. Задержания были произведены в связи с поступившей информацией о соучастии в сговоре, направленном на срыв Чемпионата мира по футболу во Франции. Конечно, мы учитываем отсутствие допустимых доказательств в поддержку причастности жалующегося лица к предполагаемому сговору, но этот факт не является и не может быть использован для ответа на жалобу. Мы должны рассмотреть все материалы, чтобы понять, существуют ли обоснованные основания для убеждения или подозрения, как те, что указаны в пунктах «а» и «b» статьи 21 Закона 2001 года...

Мы убеждены в том, что жалующееся лицо является членом Тунисской боевой группы, которая признана террористической организацией в соответствии с Законом 2001 года, а также что оно имеет связи с международной террористической

группой. Мы понимаем, что доступных причин, по которым мы пришли к такому выводу, мало. Это связано с тем, что материалы, которыми мы руководствовались, в основном секретны. Мы внимательно их изучили и с учетом того, что жалующееся лицо отрицает любую причастность к терроризму, а также факт оказания им поддержки и помощи террористам. Таким образом, мы постарались сослаться только на материалы, которые в нашем решении не могут иметь невинного объяснения».

39. СИАК сделала аналогичные выводы в рамках периодического пересмотра дела 2 июля и 15 декабря 2004 г.

4. Четвертый заявитель

40. Четвертый заявитель родился в Алжире в 1971 году и впервые попал в Соединенное Королевство в 1994 году. В мае 1997 года он был задержан, ему были предъявлены обвинения в совершении ряда преступлений, в том числе в сговоре на экспорт в Алжир материалов, которые предположительно должны были быть использованы для террористической деятельности. Предполагалось, что он являлся членом Вооруженной исламской группы. Дело против заявителя было прекращено в марте 2000 года, когда ключевой свидетель, агент Службы безопасности, который должен был дать показания относительно необходимости для гражданских лиц защищаться от зверств, предположительно совершенных властями Алжира, решил, что, если он даст показания, это будет представлять для него опасность.

41. В 1998 году четвертый заявитель женился на гражданке Франции. Он стал гражданином Франции в мае 2001 года, хотя не известил об этом власти Соединенного Королевства. 17 декабря 2001 г. министр признал его подозреваемым на основании статьи 21 Закона 2001 года, после чего его заключили под стражу 19 декабря 2001 г. Четвертый заявитель уехал во Францию 13 марта 2002 г., где по прибытии был допрошен сотрудниками служб безопасности, после чего был освобожден. После того, как он покинул Соединенное Королевство, решение о признании его подозреваемым было отменено задним числом – 22 марта 2002 г.

42. В решении от 29 октября 2003 г. СИАК признала, что отмена решения задним числом означала, что четвертого заявителя нельзя было рассматривать в качестве подозреваемого в то время, когда он подал свою жалобу, а также что в связи с этим у него не было права на обжалование. Тем не менее СИАК решила рассмотреть жалобу, так как данный вывод мог оказаться неправильным. Поскольку министр в тот момент, когда он принимал решение о признании четвертого заявителя подозреваемым, не мог разумно знать, что заявитель являлся гражданином Франции и мог быть безопасно выслан в эту страну, нельзя было ска-

и «Аль-Каиде» Санкционного комитета ООН по ИГИЛ (ДАИШ) и «Аль-Каиде» 10 октября 2002 г. в соответствии с пунктами 1 и 2 Резолюции № 1390(2002) Совета Безопасности ООН как организация, связанная с «Аль-Каидой», Усамой бен Ладеном или «Талибаном», за «участие в финансировании, планировании, содействии, подготовке или совершении актов или деятельности в связи с [Усамой бен Ладеном, «Аль-Каидой» (QDe.004) и организацией «Аль-Каида» в странах исламского Магриба (QDe.014)], под их именем, от их имени или в их поддержку» и за «вербовку для них» (*примеч. редактора*).

зять на этом основании, что решение о признании подозреваемым не следовало принимать. С учетом изложенного СИАК оценила доказательства, представленные против четвертого заявителя:

«При вынесении нашего решения мы должны будем рассмотреть не только открытые, но и закрытые материалы. Жалующееся лицо, по-видимому, сомневается в том, что оно являлось объектом наблюдения в течение большей части рассматриваемого периода.

Мы осознаем необходимость стараться избегать вывода о виновности вследствие близости с определенными лицами. Должно быть нечто большее, чем просто дружба или любовные отношения с лицами, считающимися причастными к международному терроризму, чтобы обосновать разумное подозрение в том, что само жалующееся лицо причастно к такой деятельности или, по меньшей мере, осознанно поддерживает или помогает террористам. Мы учитываем обеспокоенность [его представителя] относительно того, что настоящее дело является попыткой властей возобновить преследование, не имея новых сведений о его деятельности. Заключение под стражу должно рассматриваться как крайняя мера, поэтому оно не может быть оправдано лишь ссылкой на близость, и в любом случае вина соучастников никогда не была установлена...

Тем не менее следует принимать во внимание продолжающиеся контакты с лицами, подозреваемыми в международном терроризме и в связях с «Аль-Каидой» в свете разумного подозрения о том, что само жалующееся лицо активно участвовало в террористической деятельности в рядах Вооруженной исламской группы. Салафитская группа проповеди и джихада, отколовшаяся от Вооруженной исламской группы, имела связи с «Аль-Каидой», и жалующееся лицо продолжало общаться с лицами, относившимися скорее к Салафитской группе проповеди и джихада, а не к Вооруженной исламской группе. В действительности мы убеждены не только в том, что жалующееся лицо активно контактировало сначала с Вооруженной исламской группой, а затем с Салафитской группой проповеди и джихада, но также в том, что оно снабжало поддельными документами членов этих группировок и моджахедов в Чечне, как указано в открытых материалах. Однако мы согласны с тем, что его деятельность в 2000 и 2001 годах оправдывает использование выражения, согласно которому он играл «скромную роль», и мы приходим к данному выводу с учетом открытых и закрытых материалов. Вместе с тем скромная роль не означает, что его не следовало рассматривать как международного террориста по смыслу статьи 21 [Закона 2001 года]. Следует оценить, что он может сделать с учетом того, что он уже сделал, а также имеет важное значение факт того, что в прошлом он демонстрировал желание и возможность оказывать помощь и поддержку и по-прежнему продолжает общаться и оказывать некоторую помощь (например, предоставляя свой фургон).

Мы вовсе не считали данный аспект дела жалующегося лица простым. Мы в полном объеме учли замечания [его представителя], которые так убедительно были изложены перед нами, но, в конеч-

ном счете, мы пришли к выводу, что, рассматривая доказательства в совокупности, решение о признании жалующегося лица подозреваемым не было неправильным. Соответственно, мы не удовлетворили бы жалобу по существу дела».

5. Пятый заявитель

43. Пятый заявитель родился в Алжире в 1969 году. В своих показаниях, данных СИАК, он утверждал, что в детстве переболел полиомиелитом, вследствие чего у него правая нога была слабой и парализованной. В 1991 году его задержали и пытали власти Алжира, после чего он уехал из Алжира в Саудовскую Аравию. В 1992 году он переехал в Пакистан и несколько раз ездил в Афганистан. В августе 1995 года он приехал в Соединенное Королевство и ходатайствовал о предоставлении убежища, утверждая, что у него была травмирована нога в результате осколочного ранения, полученного в Афганистане в 1994 году. Его ходатайство о предоставлении убежища было отклонено в декабре 1999 года. Заявитель женился на гражданке Франции, от которой у него родился ребенок.

44. 17 декабря 2001 г. министр признал его подозреваемым на основании статьи 21 Закона 2001 года, и 19 декабря 2001 г. пятый заявитель был заключен под стражу. В решении от 29 октября 2003 г., отклоняя жалобу пятого заявителя на признание его подозреваемым, СИАК указала следующее:

«Открытые материалы, предоставленные с целью обосновать решение о признании подозреваемым, содержат мало ссылок на первоисточники и состоят в основном из утверждений. Как и в случае с большинством подобных жалоб, основная часть доказательств относится к блоку закрытых материалов, поэтому, как мы прекрасно знаем, жалующиеся лица находились в неблагоприятном положении в связи с тем, что у них не было возможности оперировать тем, что могло оказаться инкриминирующими доказательствами. Специальные адвокаты могли обжаловать некоторые вопросы, и иногда успешно. Это действительно относилось к лагерю в графстве Дорсет, посещавшемуся рядом лиц, в том числе жалующимся лицом, представляющих интерес для Службы безопасности...

Подозрение, выдвинутое против жалующегося лица, состоит в том, что оно являлось членом Вооруженной исламской группы, а затем, после того, как она откололась от Вооруженной исламской группы, участником Салафитской группы проповеди и джихада. [Пятый заявитель] контактирует с рядом главарей экстремистов, часть из которых является членами или связана с Салафитской группой проповеди и джихада, а также он оказывал активную поддержку в виде предоставления поддельных документов и организации поездок молодых мусульман из Соединенного Королевства в Афганистан для подготовки к джихаду. Предполагается, что он играл важную роль в логистической деятельности, осуществляемой от имени Салафитской группы про-

поведи и джихада и других исламских экстремистов в Соединенном Королевстве и за его пределами. Жалующееся лицо отрицает все эти подозрения и в своих показаниях дает разумные объяснения связям, в которых он обвиняется. Он на самом деле был дружелюбно настроен, в частности, к другим алжирцам в Соединенном Королевстве, и, что касается [четвертого заявителя], их семьи были близки, поскольку, помимо прочего, их жены были французками. Он посещал мечеть [восьмого заявителя]. Этот проповедник производил сильное впечатление, и [пятый заявитель] утверждает, что он слушал его проповеди, но никогда ни в чем не участвовал. В действительности он не был знаком с [восьмым заявителем], если не считать контактов в рамках оказания помощи чеченцам, борьбу которых жалующееся лицо и сотни других мусульман поддерживали, однако он никогда не разговаривал с ним по телефону. Он несколько раз обращался к [восьмому заявителю] во время пятничных молитв в мечети, если хотел получить наставления по некоторым социальным вопросам».

СИАК сослалась на «открытые» отчеты о наблюдении за подозреваемым, которые доказывали, что заявитель контактировал с другими предполагаемыми членами Вооруженной исламской группы и Салафитской группы проповеди и джихада, в том числе в лагере в графстве Дорсет в июле 1999 года. Другие «открытые» доказательства касались его «бесполезных» и «не совсем правдивых» ответов на вопросы сотрудников Службы безопасности в июле и сентябре 2001 года. Далее СИАК продолжила:

«Ссылка делается на различные предметы, обнаруженные в его доме во время задержания, в том числе на копию фетвы, принятой Бен Ладеном. Жалующееся лицо утверждает, что оно никогда не видело ее и не могло объяснить факт ее наличия в доме. Коммунике Салафитской группы проповеди и джихада, по его словам, вероятно, было выдано ему в мечети. Изучение жесткого диска на его компьютере свидетельствовало о том, что он посещал интернет-сайт, специализировавшийся на военных технологиях США. Эта тема никак не относилась к обучению жалующегося лица, как и нарисованная от руки схема ракеты, которую он никогда не видел раньше. По его мнению, она могла выпасть из книги об исламе, которую он купил с рук в мечети.

Мы принимаем во внимание несогласие жалующегося лица, но мы должны рассмотреть все доказательства. Как будет видно из настоящего решения, у нас имеются причины сомневаться в некоторых утверждениях жалующегося лица. Однако закрытые материалы подтверждают наше мнение о том, что в действительности существуют обоснованное подозрение в том, что он является международным террористом по смыслу статьи 21 [Закона 2001 года], и разумное убеждение в опасности его присутствия в Соединенном Королевстве для национальной безопасности. Мы не сомневаемся, что он причастен к изготовлению поддельных документов, помогая молодым мусульманам доезжать до Афганистана для подготовки к джихаду и активно помогал террористам, которые были связаны с «Аль-Каидой». Мы также убеждены в том, что он активно помогал

Салафитской группе проповеди и джихада. Мы не колеблемся, отклоняя его жалобу».

45. 22 апреля 2004 г. ввиду проблем со здоровьем пятый заявитель был освобожден из-под стражи под залог на строгих условиях, состоявших в домашнем аресте с сохранением наблюдения за ним. В постановлении от 2 июля 2004 г. по результатам пересмотра решения о признании подозреваемым СИАК указала следующее:

«...Освобождая под залог, [СИАК] не пересматривала свое мнение относительно степени уверенности в том, что он был международным террористом и представлял угрозу для национальной безопасности. Угрозой можно было управлять соразмерно в его случае, учитывая его тяжелое психическое заболевание. Однако это не является причиной для отмены решения о признании его подозреваемым. Могли существовать обстоятельства, при которых он нарушил бы условия залога, или по иным причинам было необходимо отменить данное решение. Необходимость в оставлении силы решения о признании подозреваемым должна зависеть от того, продолжают ли соблюдаться условия закона или отступления от него.

На свободе остается ряд его сообщников, включая некоторых лиц, которые считаются активными участниками планирования террористических операций. Ничто не предполагает, что его психическое заболевание уменьшило его приверженность делу исламского экстремизма, он имеет опыт и способности для того, чтобы снова заняться экстремистской деятельностью. Ограничения, налагаемые на него залогом, велики. Они введены в связи с принятием решения о признании его подозреваемым и отклонением СИАК его жалобы на указанное решение. Решение о признании подозреваемым сохраняется в силе».

46. 15 декабря 2004 г. СИАК снова пересмотрела дело и решила, что необходимо оставить в силе решение о признании пятого заявителя подозреваемым.

6. Шестой заявитель

47. Шестой заявитель родился в Алжире в 1967 году и проживал в Соединенном Королевстве с 1989 года. Министр признал его подозреваемым 17 декабря 2001 г., и 19 декабря 2001 г. он был заключен под стражу.

48. В решении от 29 октября 2003 г. СИАК отметила следующее:

«Хотя мы должны принять решение на основе как открытых, так и закрытых материалов, важно привести доказательства против [шестого заявителя] в том виде, в котором они были изложены министром в открытых материалах, так как [шестому заявителю] известно, что именно эти доказательства ему надо опровергнуть. Оценивая его показания, другие доказательства и утверждения, сделанные от его имени, мы всё время напоминаем себе, что ему неизвестны закрытые материалы министра, но всё же он не находится в вакууме ввиду наличия открытых материалов, и мы можем оценить позицию жалующегося лица по тому, как он отвечает на эти доводы.

Позиция министра в отношении [шестого заявителя] может быть обобщена следующим образом:

(1) он принадлежит к/или является членом Салафитской группы проповеди и джихада, а ранее имел отношение к Вооруженной исламской группе;

(2) он оказывал поддержку и помощь Салафитской группе проповеди и джихада (а ранее Вооруженной исламской группе), участвуя в мошенничестве с кредитными картами, что является главным источником дохода в Соединенном Королевстве для Салафитской группы проповеди и джихада;

(3) примерно с августа 2000 года [шестой заявитель] играл важную роль в поставках оборудования для связи Салафитской группы проповеди и джихада, а также в материально-техническом обеспечении спутниковыми телефонами, покупая и распределяя эфирное время для этих телефонов;

(4) он также играл важную роль в поставках оборудования для связи и иного оборудования моджахедам в Чечне, то есть формированиям, которые до 2002 года находились под командованием Ибн Хаттаба».

Затем СИАК проанализировала представленные на ее рассмотрение открытые доказательства, касавшиеся покупки Абу Дохой, при помощи шестого и седьмого заявителей, сотовых телефонов и оборудования для связи на сумму, эквивалентную 229 265 фунтам стерлингов, а также характера и степени связи между шестым и седьмым заявителями. СИАК пришла к следующим выводам:

«При изложенных нами обстоятельствах представляется, что министр имел все основания подозревать, что деятельность [шестого заявителя] по снабжению была направлена на поддержку экстремистской арабской исламской группировки, воевавшей в Чечне. Эта поддержка следовала из связей [шестого заявителя] с Салафитской группой проповеди и джихада и оказания ей помощи. Мы подчеркиваем, как и в отношении других жалоб, что нас убеждает совокупность фактов, каждый из которых скорее подтверждает, чем опровергает другие, обрисовывая контекст и условия различных видов деятельности в целом. При этом было бы неправильно рассматривать изолированно один фрагмент, умаляя тем самым его значение и упуская из виду большую по размерам картину. Общее решение подтверждает эти выводы. Данные виды деятельности относятся к сфере действия положений об отступлении от соблюдения обязательств. [Шестой заявитель] предоставил лишь неправдоподобные опровержения фактов и не привел достоверных альтернативных объяснений. Этого достаточно для вынесения решения по его жалобе, не делая ссылок на другие заявления министра, которые, как было признано на публичном допросе в СИАК и в открытых материалах, могут быть надлежащим образом подтверждены лишь в ходе изучения закрытых материалов».

49. СИАК пересматривала дело шестого заявителя 2 июля 2004 г. и 28 февраля 2005 г., каждый раз решая, что сохранялись основания для оставления в силе решения о признании его подозреваемым.

7. Седьмой заявитель

50. Седьмой заявитель родился в Алжире в 1971 году и, очевидно, в 1994 году или ранее въехал в Соединенное Королевство, используя фальшивые документы гражданина Франции, удостоверяющие личность. 7 декабря 2001 г. он был признан виновным в ряде нарушений правил дорожного движения и приговорен к четырем месяцам лишения свободы. Министр признал его подозреваемым 5 февраля 2002 г., и, как только срок его наказания истек 9 февраля 2002 г., седьмого заявителя заключили под стражу в связи с признанием его подозреваемым в международном терроризме.

51. В решении от 29 октября 2003 г. СИАК отметила: подозрения, выдвинутые против седьмого заявителя, состояли в том, что он являлся членом Салафитской группы проповеди и джихада с 1997 или 1998 года, а до этого состоял в Вооруженной исламской группе, что он контактировал с лидерами Салафитской группы проповеди и джихада в Соединенном Королевстве, и это доказывало тот факт, что он был доверенным членом этой организации, а также вместе с Абу Доха и шестым заявителем покупал оборудование для связи с целью использования его экстремистами в Чеченской Республике и Алжире. Далее СИАК отметила следующее:

«[Седьмой заявитель] не представил доказательств в [СИАК] и решил не посещать слушание по его жалобе. Его показания, которые мы, конечно, прочитали, были сформулированы в крайне общих выражениях, и утверждения [его представителя], что неудивительно, также имели общий характер. Отношение [седьмого заявителя] к настоящему процессу и тот факт, что он не дал устных показаний и не представил каких-либо письменных комментариев, не могут быть использованы против него. Мы понимаем трудности, с которыми сталкиваются жалующиеся лица в ситуации, когда подозрения, выдвинутые против них, лишь резюмированы в краткой форме, и когда большая часть доказательств, на которых основаны эти подозрения, по причинам национальной безопасности не может быть доведена до сведения самих жалующихся лиц. Однако [седьмой заявитель] находится в наилучшем положении при выяснении того, чем он занимался и какими мотивами руководствовался в соответствующий период времени. Ничто не мешает ему в полном объеме описать и рассказать, что он делал, если у него имеется такое желание. Тот факт, что он предпочел не сообщать детальной информации о своей деятельности, означает, что в его распоряжении не было материалов, с помощью которых он мог бы опровергнуть доказательства и показания других лиц».

СИАК сделала вывод, что открытые и закрытые материалы подтверждали подозрения, выдвинутые против седьмого заявителя, и отклонила его жалобу.

52. При пересмотре дела 2 июля и 15 декабря 2004 г. СИАК пришла к выводу, что решение о признании седьмого заявителя подозреваемым следовало оставить в силе.

8. Восьмой заявитель

53. Восьмой заявитель является подданным Иордании, родившемся в г. Вифлееме в 1960 году. Он приехал в Соединенное Королевство 16 сентября 1993 г. и попросил политического убежища. Ему предоставили статус беженца и разрешение на пребывание в Соединенном Королевстве на срок до 30 июня 1998 г. Восьмой заявитель 8 мая 1998 г. подал ходатайство о выдаче бессрочного разрешения на пребывание в стране, но решение по его ходатайству не было вынесено на момент вступления в силу Закона 2001 года.

54. Восьмой заявитель был заочно признан судом Иордании виновным в участии в террористических актах, совершенных в этой стране, а также в организации подрыва взрывных устройств в связи с миллениумом. В феврале 2001 года в отношении него было проведено следствие сотрудниками полиции по борьбе с терроризмом по факту сговора в отношении организации взрывов на рождественской ярмарке в г. Страсбурге в декабре 2000 года, но обвинений ему предъявлено не было. Когда был принят Закон 2001 года, он скрылся от властей. Он был задержан 23 октября 2002 г., и в отношении него сразу же было принято решение о признании подозреваемым в соответствии со статьей 21 Закона 2001 года, и он был заключен под стражу. В тот же день был вынесен приказ о его депортации.

55. В решении от 8 марта 2004 г., отклоняя жалобу восьмого заявителя на признание его подозреваемым, СИАК указала следующее:

«[Представитель восьмого заявителя] по поручению жалующегося лица информировал нас о том, что его клиент решил не посещать слушание и не участвовать в разбирательстве. Он прочитал решения, относящиеся к жалующимся лицам, признанным подозреваемыми после вступления в силу Закона 2001 года, и общее решение, и в связи с этим был убежден в том, что результат данного разбирательства предопределен. О его роли имелось множество упоминаний в других жалобах, и некоторые жалующиеся лица были признаны подозреваемыми и заключены под стражу, по крайней мере, отчасти, на том основании, что они общались с [восьмым заявителем]. В связи с тем, что подобные контакты были признаны достаточными для продления срока их содержания под стражей, он счел, что решение по его жалобе фактически уже было принято. Он решил не принимать никакого участия в процессе именно потому, что он не верил в способность системы добиться правды. Он считал, что процесс рассмотрения жалоб в СИАК специально был организован таким образом, чтобы избежать открытого и публичного рассмотрения дела ответчика, что лишало отдельных лиц возможности справедливого обжалования выдвинутых против них подозрений.

Сделав это заявление, [представитель восьмого заявителя] дал понять, что жалоба не отзывалась. Соответственно, нам было необходимо рассмотреть ее и принять во внимание мнение жалую-

щегося лица. [Представитель восьмого заявителя] подчеркнул ряд пунктов, которые, по его мнению, следовало учесть как подтверждающие позицию жалующегося лица, что он никогда не имел никаких отношения к терроризму по смыслу Закона 2001 года. Кроме того, выдвинутые против него подозрения свидетельствовали о том, что у служб безопасности сложилось искаженное и излишне упрощенное мнение о деятельности жалующегося лица и его роли как уважаемого учителя и верующего человека в права исламского сообщества по всему миру.

Мы должны подчеркнуть, что мы рассмотрели дело жалующегося лица по существу. Мы не находились под влиянием выводов, сделанных по другим жалобам или в общих решениях. Одной из причин, по которым это решение так долго готовилось, являлась необходимость прочитать и изучить доказательства как открытые, так и закрытые, которые были нам представлены. Доказательств по делу было гораздо больше, чем по другим жалобам. Это является отражением того факта, что жалующееся лицо имело контакты и дела с множеством других лиц, которые были признаны подозреваемыми, и с лицами и группами, которые были связаны с «Аль-Каидой». Мы не находим причин отступить от выводов, сделанных в общем решении, относительно роли различных лиц и групп, указанных в этом решении. Но это не означает, что мы автоматически согласились с этими мнениями. Мы обращаем внимание на тот факт, что состав, вынесший общее решение, не совпадал с составом, рассматривающим настоящую жалобу, а также что вводная информация, представленная председателем того состава, была ограничена вопросами права. Мы рассмотрели дело жалующегося лица на основе материалов, представленных нам в рамках разбирательства по настоящей жалобе...

Когда началось закрытое заседание, специальные адвокаты информировали нас о том, что после внимательного рассмотрения дела они решили, что интересам жалующегося лица не отвечало их участие в разбирательстве. Мы были очень обеспокоены этим, считая, что данное решение ошибочно. Жалоба по-прежнему рассматривалась, и жалующееся лицо не знало, какие доказательства против него содержались в закрытых материалах. Мы не могли понять, каким образом при данных обстоятельствах его интересам не могло отвечать участие специальных адвокатов по их усмотрению в выяснении и установлении фактов, благоприятных для жалующегося лица, а также представление на наше рассмотрение комментариев, имеющих целью убедить нас в том, что доказательства в действительности были недостоверными и не соответствовали данной в отношении них оценке. Когда мы попросили [одного из двух специальных адвокатов, назначенных от имени восьмого заявителя], рассказать нам, почему он принял подобное решение, он ответил нам, что не может принять участие в разбирательстве, поскольку такое участие не соответствовало интересам жалующегося лица. Мы отложили рассмотрение дела, чтобы позволить специальным адвокатам выяснить у жалующегося лица через его представителей, хочет ли он, чтобы они сделали всё возможное от его имени, и мы также связались с генеральным солиситором, который

назначал специальных адвокатов, пытаясь получить ее помощь в убеждении специальных адвокатов пойти на сотрудничество. Представители жалующегося лица указали, что они ничего не могли сказать по данному вопросу, и генеральный солиситор сделал вывод, что его вмешательство в любой форме будет неправомерным. Все наши дальнейшие попытки убедить специальных адвокатов изменить свое мнение были тщетными, и в связи с тем, что мы не могли побудить их к какому-либо конкретному действию, мы вынуждены были продолжать рассмотрение жалобы без них. [Представитель министра] по нашей просьбе определил различные факты, которые могли бы рассматриваться как вероятно оправдывающие, и мы сами выявили несколько таких фактов в ходе закрытого заседания.

Мы осознаем, что отсутствие специального адвоката делает нашу задачу еще сложнее, чем обычно, и что потенциальная несправедливость по отношению к жалующемуся лицу более очевидна. Мы не сомневаемся в том, что у специальных адвокатов имелись веские причины отстаивать позицию, которую они заняли, и мы также уверены в том, что они хорошо подумали, правильно ли они поступили. Однако мы вынуждены выразить наше твердое убеждение в том, что они были неправы и что не было причин не продолжать рассмотрение жалобы, на которой жалующееся лицо продолжало настаивать... Как это случается, доказательства против заявителя, имеющиеся в настоящем деле, были настолько убедительными, что никакие специальные адвокаты, какими бы блестящими они не были, не смогли бы убедить нас в том, что не был установлен факт наличия разумного подозрения, вследствие чего решение о признании подозреваемым было обоснованным. Таким образом, неявка специальных адвокатов не причинила вреда интересам жалующегося лица...».

56. Затем СИАК обобщила открытые материалы, доказывавшие вину заявителя, состоявшую в том, что он имел контакты с рядом лиц и групп, связанных с «Аль-Каидой», и выступал для них духовным наставником. Он разделял экстремистские и фундаменталистские воззрения и, по имеющимся сведениям, в своих речах в мечети г. Лондона давал благословение на убийство евреев и американцев в любом месте, где бы они ни находились. СИАК сделала следующий вывод:

«Мы убеждены в том, что деятельность жалующегося лица выходила за пределы простой дачи советов. Он определенно оказывал поддержку тем приверженцам Корана, которые хотели придерживаться целей “Аль-Каиды” и участвовать в качестве смертника в организации взрывов и иной деятельности, ведущей к лишению жизни других людей. Доказательства в достаточной мере свидетельствуют о том, что он был причастен к подстрекательству к совершению актов международного терроризма. Вместе с тем духовные наставления с учетом целей, в которых они давались, представляли собой помощь по смыслу пункта 4 статьи 21 Закона 2001 г.

...Существует большое количество выдвинутых подозрений. Мы не видим смысла рассматривать

их поочередно. Мы указали, почему пришли к мнению о том, что факты, выдвинутые против жалующегося лица, установлены. Даже если бы стандарт оценки был выше, чем “разумное подозрение”, мы бы не сомневались в том, что факты установлены. Жалующееся лицо было активным участником террористической деятельности, имеющей отношение к “Аль-Каиде”, находясь в самом центре этой деятельности на территории Соединенного Королевства. Он действительно опасный человек, и его жалобы отклоняются».

9. Девятый заявитель

57. Девятый заявитель – алжирец по национальности, 1972 года рождения. В 1991 году он покинул Алжир и уехал в Афганистан, где выучил арабский язык в лагере беженцев. Он попросил политического убежища в Соединенном Королевстве в 1993 году. В 1994 году ему было дано разрешение на пребывание в Соединенном Королевстве сроком на четыре года, и в 2000 году ему было предоставлено бессрочное разрешение на пребывание в этой стране на том основании, что он считался беженцем. Четыре раза, последний раз в мае 1998 года, заявитель задерживался и освобождался без предъявления обвинений. Первые три задержания относились к мошенничеству с кредитными картами. Задержание в мае 1998 года относилось к предполагаемой террористической деятельности, и впоследствии заявитель получил от полиции компенсацию за неправомерное задержание.

58. Министр признал девятого заявителя подозреваемым и издал приказ о его депортации 22 апреля 2002 г. Он был заключен под стражу в тот же день. По словам одного из свидетелей со стороны министра, девятый заявитель не был признан подозреваемым вместе с другими заявителями в декабре 2001 года, поскольку был утерян один из файлов его дела.

59. В решении от 29 октября 2003 г. СИАК отметила, что подозрения, выдвинутые против девятого заявителя, состояли в том, что он активно поддерживал Салафитскую группу проповеди и джихада и мошенническим путем собирал большие суммы денег для этой группировки. Имелись доказательства того, что заявитель ранее задерживался сотрудниками таможенной службы при попытке пересечь Государственную границу Соединенного Королевства на грузовике с большой суммой наличных денег, а также что он имел тесные связи с лицами, признанными виновными в мошенничестве с кредитными картами. СИАК признала, что доказательства соучастия в мошенничестве не являлись доказательством причастности к терроризму. Однако СИАК отметила, что заявитель находился в лагере в Дорсете вместе с пятым заявителем и с иными лицами, подозреваемыми в поддержке Салафитской группы проповеди и джихада,

а также что в его доме во время задержания был найден телефонный счет на имя Яркаса (*Yarkas*), который был задержан в Испании в ноябре 2001 года на основании предполагаемых связей с «Аль-Каидой». Заявитель дал показания, но не был убедителен и не смог правдоподобно объяснить установленные выше факты. Закрытые материалы подтверждали подозрения министра, поэтому СИАК отклонила жалобу заявителя на признание его подозреваемым.

60. В ходе пересмотра решения о признании подозреваемым 2 июля и 15 декабря 2004 г. СИАК признала, что данное решение следовало оставить в силе.

10. Десятый заявитель

61. Десятый заявитель является гражданином Алжира. После взрыва бомбы в Алжире ему ампутировали левую руку в области запястья, а правую – ниже локтя. В 1999 года он приехал в Соединенное Королевство через Абу-Даби и Афганистан и попросил политического убежища. Его ходатайство было отклонено 27 февраля 2001 г. Затем он был заключен под стражу после задержания 15 февраля 2001 г. и обвинен в хранении предметов, которые могут быть использованы в террористических целях, сговоре на совершение мошенничества и изготовление поддельных документов. Во время задержания у него обнаружили примерно 40 бланков французских водительских удостоверений, удостоверений личности и паспортов, считывающее устройство для кредитных карт, ламинаторы и оборудование для рельефного тиснения. Однако все обвинения позднее были сняты, и он был освобожден 17 мая 2001 г.

62. 14 января 2003 г. министр признал его подозреваемым в причастности к терроризму на основании статьи 21 Закона 2001 года, и он был заключен под стражу. В тот же день в отношении него был издан приказ о депортации.

63. В решении от 27 января 2004 г. СИАК отметила, что суть выдвинутых против десятого заявителя обвинений состояла в том, что после своего прибытия в Соединенное Королевство он поддерживал тесные контакты с сетью экстремистов, ранее возглавлявшейся Абу Доха (см. выше § 26). В частности, утверждалось, что он отвечал за материально-техническое обеспечение, подделывая документы и собирая деньги путем мошенничества с кредитными картами. Он проводил много времени в мечети в Финсбери парке (*Finsbury Park Mosque*), известном центре исламского экстремизма, и предположительно присутствовал там на собрании в июне 2001 года, на котором были высказаны угрозы в отношении саммита «Большой восьмерки» в г. Генуя.

28 июня 2003 г. заявитель представил письменные показания, в которых отрицал выдвинутые

против него подозрения. Однако он не участвовал в рассмотрении его жалобы. СИАК в своем решении пояснила следующее:

«По словам [его представителя], [десятый заявитель] являлся настоящим беженцем, не состоял ни в каких организациях и группах, не был причастен к терроризму и не поддерживал терроризм. Он ничего не знал о планируемых терактах и не мог понять, почему против него были выдвинуты подозрения. Он не знал основных доказательств и не мог оспорить их. В действительности он не мог сделать ничего больше, чем просто утверждать, что эти доказательства не подтверждали вывод о том, что он был международным терроризмом по смыслу Закона [2001 года], так как он действительно не являлся им. Он прочитал решения [СИАК] по предыдущим жалобам. Учитывая значение, которое было придано закрытым материалам, и применяемый законодательный стандарт доказывания, он чувствовал, что результат разбирательства был предрешен. [Десятый заявитель] не хотел участвовать в рассмотрении жалобы, создавая ложное впечатление, что он мог опровергнуть подозрения, выдвинутые против него. Он не доверял данному разбирательству. Соответственно, он не собирался принимать в нем активного участия помимо заявления, сделанного [представителем] от его имени.

[Десятый заявитель] не отзывал свою жалобу. Хотя мы осознаем невыгодное положение, в которое попали он и остальные жалующиеся лица, мы хотели бы прояснить, что ни по одной из жалоб результат рассмотрения не являлся предрешенным. Мы должны и будем рассматривать доказательства, представленные нам, как открытые, так и закрытые, внимательно, потому что мы понимаем, что результатом разбирательства является заключение под стражу на неопределенный срок без суда. В то время как мы признаем, что перед специальным адвокатом стоит сложная задача, когда он не получает и не может получить поручений в отношении закрытых материалов, он имеет возможность проверить доказательства, представленные Службой безопасности, и обратить наше внимание на материалы, которые помогают жалующемуся лицу».

СИАК признала, что имелось множество доказательств, поддерживающих мнение о том, что заявитель был причастен к мошеннической деятельности. Представленные материалы, в основном закрытые, в достаточной мере подтверждали тот факт, что он занимался ею для сбора денег в террористических целях и для поддержки лиц, причастных к терроризму. В связи с этим СИАК отклонила жалобу десятого заявителя.

64. СИАК сделала аналогичные выводы при пересмотре решения о признании десятого заявителя подозреваемым 4 августа 2004 г. и 16 февраля 2005 г. В последнем решении СИАК отметила, что, хотя этот заявитель был переведен в Бродмурскую психиатрическую больницу из-за проблем с психикой, это не влияло на оценку риска, которую он представлял для национальной безопасности в случае освобождения.

11. Одиннадцатый заявитель

65. Одиннадцатый заявитель является гражданином Алжира. Он приехал в Соединенное Королевство в 1998 году, используя фальшивое удостоверение личности гражданина Италии, и попросил убежища на следующей неделе. Пока его ходатайство рассматривалось, в июле 2001 года он съездил в Грузию, используя фальшивый французский паспорт, и был депортирован обратно в Соединенное Королевство, где был проинформирован о том, что его поездка за пределы Соединенного Королевства аннулировала его ходатайство о предоставлении убежища. Он подал повторное ходатайство о предоставлении убежища, которое было отклонено 21 августа 2001 г. Одиннадцатый заявитель скрылся от властей. Он был задержан 10 октября 2001 г. и доставлен в иммиграционный центр временного содержания (*Immigration Detention centre*), из которого сбежал в феврале 2002 года. Он был снова задержан 19 сентября 2002 г. и заключен под стражу в Белмаршскую тюрьму (*Belmarsh Prison*) на основании положений иммиграционного законодательства.

66. 2 октября 2003 г. министр признал его подозреваемым в причастности к международному терроризму на основании статьи 21 Закона 2001 года и издал приказ о его депортации из страны по соображениям национальной безопасности.

67. В решении от 12 июля 2004 г., отклоняя жалобу одиннадцатого заявителя на признание его подозреваемым, СИАК перечислила открытые материалы, представленные против него. Утверждалось, что он был известным и высокопоставленным членом группы Абу Доха (см. выше § 26). В июле 2001 года он попытался поехать в Чеченскую Республику и был задержан полицией Грузии, которая обнаружила у него телефонные номера для связи с одним из лидеров группы Абу Дохи и одним членом Салафитской группы проповеди и джихада, который, как было известно, был причастен к сбору денег для чеченских моджахедов. Предположительно он предоставлял деньги и материально-техническое обеспечение североамериканской экстремистской исламистской сети, базирующейся в Пакистане и Афганистане и связанной с «Аль-Каидой», а также помогал членам группы Абу Дохи ездить в Афганистан, Пакистан и Чеченскую Республику. Он жил в мечети в Финсбери парк более года (1999–2000 годы). Он был очень осторожен и во время поездки в Сент-Албанс (*St Albans*) в сентябре 2001 года принимал меры для того, чтобы избежать слежки. Когда он был задержан в сентябре 2002 года, при нем был обнаружен поддельный паспорт подданного Бельгии с фотографией одного из лидеров группы Абу Доха. Предположительно он принимал активное участие в распространении поддельных доку-

ментов и мошенническом использовании чековых книжек и кредитных карт.

68. Заявитель представил письменные показания, в которых он отрицал свою причастность к международному терроризму. Он признал, что ездил в Афганистан в 1999 году и что пытался попасть в Чеченскую Республику в 2001 году, но утверждал, что его интерес в этих странах ничем не отличался от интереса, проявляемого множеством верующих мусульман. Он отказался участвовать в рассмотрении его жалобы лично и через представителя, протестуя против фундаментальной несправедливости процесса. Учитывая мнение заявителя, специальные адвокаты решили, что его интересам наилучшим образом будет отвечать то, что они воздержатся на закрытом заседании от каких-либо замечаний от его имени и от допроса свидетелей.

69. Отклоняя жалобу одиннадцатого заявителя, СИАК отметила следующее:

«Мы признаем трудности, с которыми сталкивается жалующееся лицо, которое видит только открытые материалы, и можем понять мнение [одиннадцатого заявителя] о том, что разбирательство в отношении него несправедливо. Однако каждое дело основано на индивидуальных фактах, и было бы неправильно утверждать, как это сделал [его солиситор], что это конкретное жалующееся лицо было поставлено в положение, когда процедуры, предусмотренные Законом [2001 года], препятствовали ему эффективно отстаивать свою позицию, отвечая на выдвинутые против него подозрения.

Мы обобщили информацию, предоставленную [одиннадцатому заявителю] на различных стадиях разбирательства... и [его] ответ на нее, изложенный в письменных показаниях. Несмотря на то, что некоторые утверждения, содержащиеся в открытых материалах, могут быть описаны как не подтвержденные вещественными доказательствами общие доводы, в ответ на которые [одиннадцатый заявитель] не мог сказать ничего, кроме таких же общих опровергающих аргументов, очевидно, что в отношении иных суждений [ему] был предоставлен большой массив подробной информации: имена, даты, места и подтверждающие документы.

[Одиннадцатый заявитель] находится в лучшем положении для того, чтобы рассказать о своем местонахождении и своей деятельности в период, начавшийся с того момента, когда он впервые попросил предоставления убежища в 1998 году. Его письменные показания ценны не тем, что он в них написал, а тем, что он не написал. Взять один пример, а именно поездку в Сент-Албанс и посещение фотокиоска, в отношении которых [одиннадцатый заявитель] сказал, что конкретное утверждение ответчика «абсолютно неверное»... [Одиннадцатый заявитель] не отрицал, что он ездил в Сент-Албанс. Он знает, кто его сопровождал в этой поездке и зачем они ездили туда. Он не объяснил, почему они поехали туда, не указал, кем были его спутники, хотя ему были предоставлены фотографии, сделанные во время слежки за ним...».

СИАК далее отметила противоречия в различных показаниях заявителя относительно его поездок в Афганистан, Грузию и Дубай, а также тот факт, что он не ответил на подозрения министра относительно того, что он был связан различными членами группы Абу Дохи, названными поименно. СИАК продолжила:

«Приведенными примерами дело не ограничивается, это наиболее явные примеры того, как письменные показания [одиннадцатого заявителя] обходят вопросы, поставленные в открытых материалах, представленных против него. Учитывая неубедительный характер показаний, мы не можем придать хоть сколь-нибудь серьезное значение общим отрицаниям, содержащимся в этих показаниях... Мы рассмотрели данные вопросы довольно подробно, поскольку они являются полезными иллюстрациями того, в каких пределах [одиннадцатый заявитель] мог бы ответить на выдвинутые против него подозрения, если бы захотел. Хотя мы не делаем какого-либо неблагоприятного для [одиннадцатого заявителя] вывода из того, что он не дал показания и иным образом не участвовал в рассмотрении его апелляционной жалобы, мы должны рассмотреть его жалобу на основе доказательств, и мы столкнулись с ситуацией, когда не были эффективно обжалованы путем представления доказательств, перекрестного допроса или заявлений открытые материалы, представленные ответчиком...

Стандарт доказывания, установленный пунктом 2 статьи 25 Закона 2001 года, относительно низок: существуют ли разумные основания для убеждения или подозрения. Как объяснено выше, мы убеждены в том, что этот низкий стандарт легко соблюдается на основе лишь открытых материалов. Если принимать во внимание и открытые, и закрытые материалы, у нас исчезают все сомнения в том, что [одиннадцатый заявитель] являлся высокопоставленным и активным членом группы Абу Доха, как описывается в доказательствах, представленных ответчиком».

Е. УСЛОВИЯ СОДЕРЖАНИЯ ПОД СТРАЖЕЙ И ВЛИЯНИЕ СОДЕРЖАНИЯ ПОД СТРАЖЕЙ НА ЗДОРОВЬЕ ЗАЯВИТЕЛЕЙ

70. Заявители сначала содержались под стражей в Белмаршской тюрьме в г. Лондоне. Шестой заявитель был переведен в Вудхиллскую тюрьму (*Woodhill Prison*), а первый, седьмой и десятый заявители были переведены в Бродмурскую психиатрическую больницу.

71. В тюрьме к ним применялся такой же режим, как к обычным заключенным из группы риска А, отнесение к которой было признано надлежащим ввиду риска, который они представляли. Их могли посещать лица, имеющие соответствующий допуск, и они могли общаться с другими заключенными, делать телефонные звонки, писать и получать письма. Они имели доступ к имаму и их законным представителям. У них был такой же уровень доступа к медицинской помощи, физическим

занятиями, образованию и работе, как и у любых других заключенных группы риска А.

Согласно рекомендации, полученной от инспектора, назначенного на основании Закона 2001 года для наблюдения за режимом содержания под стражей, власти Соединенного Королевства создали специальное отделение в Вудхиллской тюрьме для размещения лиц, заключенных под стражу на основании Закона 2001 года. В данном отделении, оборудованном в соответствии с пожеланиями заключенных заявителей и их представителей и имевшем отобранный и подготовленный персонал, допускался менее суровый режим, в том числе больше времени можно было проводить вне камеры. Однако заявители решили не переводиться в это отделение. Инспектор признал их решение достойным сожаления.

72. У первого заявителя, утверждавшего, что он подвергался плохому обращению в израильской тюрьме и впервые лечился от депрессии в мае 1999 года, сильно ухудшилось состояние психического здоровья в период содержания под стражей в Белмаршской тюрьме. Он был переведен в Бродмурскую психиатрическую больницу в июле 2002 года.

73. Седьмой заявитель сообщил, что у него в семье многие страдали психическими расстройствами и что у него была депрессия в подростковом возрасте. Он утверждал, что во время содержания под стражей его всё больше мучили депрессия, паранойя и слуховые галлюцинации. Он попытался покончить жизнь самоубийством в мае 2004 года и был переведен в Бродмурскую психиатрическую больницу 17 ноября 2004 г.

74. Десятый заявитель, у которого были ампутированы части двух рук, утверждал, что его содержали под стражей и пытали в Алжире. У него ухудшилось психическое и физическое здоровье в период содержания в Белмаршской тюрьме. Он объявил голодовку в мае–июне 2003 года и отказывался использовать выданные ему протезы, а также сотрудничать с медсестрами. В начале ноября 2003 года его лишили ухода. Его законные представители обратились в суд с ходатайством о пересмотре этого решения, и в декабре 2003 года уход за ним был возобновлен на основании решения административного суда. 1 ноября 2004 г. десятый заявитель был переведен в Бродмурскую психиатрическую больницу.

75. Европейский комитет по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинства обращения или наказания (далее – ЕКПП) посетил заключенных заявителей в феврале 2002 года и повторно в марте 2004 года, высказав ряд критических замечаний относительно условий содержания заявителей под стражей. Власти Соединенного Королевства возразили против этой критики (см. ниже §§ 101–102).

76. В октябре 2004 года по просьбе законных представителей заявителей группа из восьми психиатров-консультантов подготовила совместное психиатрическое заключение в отношении заключенных заявителей, в котором был сделан следующий вывод:

«Заключенные родились в странах, в которых психические заболевания крайне позорное явление. Кроме того, для правоверных мусульман установлен прямой запрет на самоубийство. Это имеет особое значение, учитывая количество лиц, попытавшихся покончить жизнь самоубийством или рассматривающих такую возможность. Все заключенные имеют серьезные психические расстройства, являющиеся прямым следствием неопределенного срока содержания под стражей или усилившиеся из-за этого. Психические проблемы преимущественно выражаются в форме глубокого депрессивного расстройства и беспокойства. У части заключенных проявились психотические симптомы по мере ухудшения состояния здоровья. Некоторые заключенные также испытывают посттравматическое стрессовое расстройство, являющееся результатом либо травмы, полученной до их миграции, и обстоятельств задержания и заключения под стражу, либо вследствие совокупности двух факторов.

На продолжающееся ухудшение психического здоровья заключенных также влияют характер тюремного режима, разбирательства по жалобам и недоверие к ним, а также в качестве основополагающего и центрального фактора неопределенный срок содержания под стражей. Система здравоохранения в местах лишения свободы неспособна эффективно удовлетворять потребности в лечении заключенных. Причинение себе вреда и расстройства в поведении воспринимаются не как часть клинической картины, а как манипуляция. Лечение сложных физических проблем со здоровьем неадекватно.

Невозможно решить психические проблемы у заключенных до тех пор, пока они продолжают находиться в текущей ситуации, а учитывая результаты неоднократных собеседований, весьма вероятно, что их состояние здоровья продолжит ухудшаться в местах лишения свободы.

Проблемы, описанные заключенными, удивительно похожи на проблемы, указанные в литературе, посвященной влиянию заключения под стражу на иммигрантов. В ней описывается очень высокий уровень депрессии и беспокойства и ясно подчеркивается, что срок содержания под стражей имеет непосредственное отношение к тяжести симптомов, а также что само по себе содержание под стражей способствует усугублению этих проблем».

77. Для целей настоящего разбирательства власти Соединенного Королевства попросили психиатра-консультанта доктора J. прокомментировать вышеприведенное совместное психиатрическое заключение. Доктор J. подверг критике методологию и выводы авторов совместного заключения. В частности, он указал (ссылки на другие заключения опущены):

«Я хотел бы отметить, что считаю многие сделанные утверждения не выдерживающими тщательной проверки. Например, что касается [первого заявителя], я решил, проведя внимательный и подробный анализ, что его психическое состояние после лишения свободы и последующего содержания в Бродмурской больнице в целом не было не хуже и не лучше, чем до задержания. Также в медицинской карте не содержится записей, позволяющих предположить, что у него было изначально улучшение состояния здоровья, за которым последовало ухудшение в Бродмурской больнице. Я установил, что состояние его здоровья ухудшилось в Белмаршской тюрьме из-за того, что он решил объявить голодовку, а также что в Бродмурской больнице его состояние изменялось, несмотря на согласие принимать пищу, при этом его наигранное поведение было в основном одинаковым в обоих местах. В его случае я поставил следующие диагнозы: «расстройство личности, глубокое депрессивное расстройство, психоз и неустойчивое посттравматическое стрессовое расстройство». Кроме того, на мой взгляд, частое причинение им вреда самому себе в действительности имело манипуляционный характер...

Я не единственный, кто считает, что диагноз, поставленный авторами данного заключения, ошибочен, и в своем заключении я обратил внимание на скептицизм некоторых специалистов, представивших заключения в отношении [первого и седьмого заявителей]. Дело не в том, что отсутствует консенсус, о котором утверждается в заключении, я хотел бы отметить, что, по моей оценке, так называемые психотические симптомы у [первого и седьмого заявителей], о которых говорят некоторые представители заключения и которые предположительно отсутствовали у этих заключенных до того, как они были задержаны, фактически были у них и до задержания.

На мой взгляд, самое большое беспокойство вызывает молчаливое признание информации, полученной от самих обследуемых. Судя по всему, авторы заключения согласились с тем, например, что трое заключенных были жертвами содержания под стражей и пыток и чувствовали себя объектами серьезных угроз до миграции. Нигде я не увидел доказательств, подтверждающих эти утверждения, или попыток проверить их. Учитывая, что иммигранты и лица, ходатайствующие о предоставлении убежища, должны обосновать свои попытки въехать в другую страну, не может ли быть так, что некоторые из них не всегда говорят правду, рассказывая о выпавших на их долю в прошлом испытаниях и имеющихся у них в настоящее время симптомах? Когда речь идет о террористах, следует учитывать, что они отрицали подозрения в отношении них, несмотря на наличие открытых и закрытых материалов против них, которые были рассмотрены на самом высоком уровне. Не должно ли это возбуждать сомнения относительно правдивости их утверждений?».

Г. ОСВОБОЖДЕНИЕ ПЯТОГО ЗАЯВИТЕЛЯ ПОД ЗАЛОГ

78. 20 января 2004 г. СИАК решила, что в принципе она должна освободить пятого заявителя под

залог. Министр пытался обжаловать данное решение, но был проинформирован апелляционным судом, который принял промежуточное решение 12 февраля 2004 г., о том, что у министра не было полномочий для подачи подобной жалобы.

79. СИАК подробнее объяснила причины освобождения под залог в своем решении от 22 апреля 2004 года. СИАК указала, что в соответствии с Законом 2001 года она имела право освобождать лицо под залог только в исключительных случаях, когда она будет убеждена, что, если освобождение под залог не будет предоставлено, психическое и физическое состояние заключенного ухудшится настолько, что его дальнейшее содержание под стражей будет нарушать статью 3 Конвенции ввиду его бесчеловечности или статью 8 Конвенции вследствие его несоразмерности.

80. СИАК отметила, что с мая 2002 года у персонала тюрьмы появилось беспокойство в отношении психического состояния здоровья пятого заявителя, хотя о данном беспокойстве не было сообщено его законным представителям. В декабре 2003 года он испытал серьезный рецидив глубокой депрессии с психотическими симптомами, включающими звуковые галлюцинации и суицидальные наклонности. Несколько психологов и психиатров обследовали его по просьбе законных представителей и по инициативе Министерства внутренних дел и согласились с тем, что он был серьезно болен и что его психическое состояние, вероятно, могло бы улучшиться, если бы ему было разрешено вернуться домой. СИАК сделала следующий вывод:

«Мы не думаем, что был превышен уровень суровости, вследствие чего можно было бы говорить о нарушении прав человека в отношении [пятого заявителя]. [Европейский Суд] подчеркивал в своей практике высокий уровень суровости, который должен быть превышен, и что заключение под стражей едва ли может рассматриваться как несоразмерное, если оно, по крайней мере, не граничит с обращением, которое является нарушением статьи 3 [Конвенции]. Однако мы убеждены в том, что, если бы он не был освобожден, такое нарушение имело бы место. Разрешение кому-либо достигнуть состояния, при котором ему потребуется лечение в специальном медицинском учреждении или длительный уход и внимание, обеспечивающие, чтобы он не причинил себе вреда, может явиться нарушением статьи 8 Конвенции, если, возможно, не существует альтернативы заключению под стражу, и, вероятно, также статьи 3 Конвенции. Как отмечено выше, мы не должны ожидать момента, когда данная ситуация станет реальной. Учитывая, что мы убеждены в том, что условия, которые мы устанавливаем, достаточны для того, чтобы минимизировать риск для безопасности государства, который может возникнуть в случае освобождения [пятого заявителя], мы можем действовать таким образом, как мы решили.

Мы должны подчеркнуть, что освобождение под залог имеет исключительный характер. Мы делаем это только потому, что этого требуют меди-

цинские показания и что содержание под стражей стало причиной психического заболевания, которое может прогрессировать...».

81. С учетом вышеизложенного пятый заявитель был освобожден под залог 22 апреля 2004 г. на условиях, которые могут быть приравнены к домашнему аресту. Ему не разрешалось покидать дом, он должен был всё время носить электронное следящее устройство. У него не было доступа к Интернету, его телефон позволял связываться только со Службой безопасности. Ему требовалось пять раз в день звонить в Службу безопасности и пускать в дом ее сотрудников в любое время. Ему запрещалось общаться с кем-либо, кроме жены и ребенка, законного представителя и получившего допуск от Министерства внутренних дел врача, и он мог встречаться с посетителями только с предварительного согласия Министерства внутренних дел.

Г. СОБЫТИЯ, ПОСЛЕДОВАВШИЕ ПОСЛЕ ВЫНЕСЕНИЯ РЕШЕНИЯ ПАЛАТОЙ ЛОРДОВ ОТ 16 ДЕКАБРЯ 2004 г.

82. Заявление о несоответствии, сделанное Палатой лордов 16 декабря 2004 г., наряду со всеми аналогичными заявлениями, не являлось обязательным для сторон процесса (см. ниже § 94). Заявители оставались под стражей, за исключением второго и четвертого заявителей, которые решили покинуть Соединенное Королевство, и пятого заявителя, который был освобожден под залог на условиях, приближающихся к домашнему аресту. Кроме того, ни один из заявителей не имел права в соответствии с внутригосударственным законодательством на компенсацию за неправомерное заключение под стражу. В связи с этим заявители подали жалобу в Европейский Суд 21 января 2005 г.

83. В конце января 2005 года власти Соединенного Королевства объявили о своем намерении отменить часть 4 Закона 2001 года и заменить ее режимом вынесения решений о введении контроля, которые налагали бы различные ограничения на лиц, независимо от их гражданства, которые на разумных основаниях подозреваются в терроризме.

84. Заявители, которые оставались под стражей, были освобождены 10–11 марта 2005 г., и сразу же в отношении них были приняты решения о введении контроля на основании Закона 2005 года «О предупреждении терроризма» (*Prevention of Terrorism Act*), который вступил в силу 11 марта 2005 г.

85. Власти Соединенного Королевства отозвали уведомление о дерогации 16 марта 2005 г.

86. 11 августа 2005 г., после серии переговоров, инициированных к концу 2003 года с целью получить от властей Алжира и Иордании заверения

в том, что заявители не будут подвергнуты ненадлежащему обращению по возвращении на родину, власти Соединенного Королевства направили заявителям с пятого по одиннадцатый уведомления о намерении депортировать их. Эти заявители были заключены под стражу и помещены в изолятор для иммигрантов до момента их высылки в Алжир (заявители с пятого по седьмой, с девятого по одиннадцатый) и Иорданию (восьмой заявитель). 9 апреля 2008 г. апелляционный суд признал, что восьмой заявитель не мог на законных основаниях быть экстрадирован в Иорданию, поскольку существовала вероятность того, что доказательства, которые были получены под пыткой, могли быть использованы против него в суде, в нарушение права на справедливое разбирательство. На день принятия настоящего Постановления дело еще рассматривалось Палатой лордов.

II. СООТВЕТСТВУЮЩИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО СОЕДИНЕННОГО КОРОЛЕВСТВА И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА

А. ЗАКЛЮЧЕНИЕ ПОД СТРАЖУ ДО ДЕПОРТАЦИИ В СООТВЕТСТВИИ С ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ, ДЕЙСТВОВАВШИМ ДО ПРИНЯТИЯ ЗАКОНА 2001 ГОДА

87. В соответствии с пунктом 5 статьи 3 Закона 1971 года «Об иммиграции» министр мог издать приказ о депортации негражданина на том основании, что депортация приведет к общественному благу по причинам, *inter alia*, национальной безопасности. Лицо, в отношении которого издан приказ о депортации, могло быть заключено под стражу до депортации (Закон 1971 года, Приложение № 3, пункт 2). Однако в решении по делу «R. v. Governor of Durham Prison *ex parte* Hardial Singh» [1984] 1 WLR704, было установлено, что полномочия по заключению под стражу на основании вышеуказанной нормы ограничивались сроком, который разумно позволял осуществить депортацию. Таким образом, заключение под стражу не допускалось Законом 1971 года в случаях, когда было известно, что депортация невозможна, либо потому, что не было страны, желающей принять соответствующее лицо, либо поскольку существовала опасность того, что депортируемое лицо подвергнется пыткам или иным формам жестокого обращения в родной стране.

В. ЗАКОН 2000 ГОДА «О ТЕРРОРИЗМЕ»

88. В июле 2000 года Парламент Соединенного Королевства принял Закон 2000 года «О терроризме». Как отметил лорд Бингем в решении по настоящему делу, «это была существенная мера, состоя-

щая из 131 статьи и 16 приложений, направленная на совершенствование, модернизацию и усиление законодательства, относящегося к усиливающейся проблеме терроризма». «Терроризм» в статье 1 данного закона определялся как:

«...совершение деяния или угроза деянием, когда:

(а) данное деяние попадает под действие пункта (2);

(b) его совершение или угроза им имеет целью повлиять на правительство или устрашить общество или часть общества, и

(с) его совершение или угроза им совершены с целью добиться решения политической, религиозной или идеологической задачи.

(2) Деяние попадает под действие настоящего пункта, если оно:

(а) связано с тяжким насилием, совершенным против какого-либо лица;

(b) связано с причинением серьезного вреда имуществу;

(с) создает угрозу для жизни иного лица, помимо лица, совершающего данное деяние;

(d) создает серьезный риск для здоровья или безопасности общества или части общества, или

(е) имеет целью серьезное вмешательство или нарушение работы электронной системы.

(3) Совершение деяния или угроза деянием, попадающие по действие пункта (2), с применением огнестрельного оружия или взрывчатых веществ является терроризмом независимо от того, были ли соблюдены условия подпункта “b” пункта (1).

(4) В соответствии с настоящей статьей:

(а) деяние включает деяния, совершенные за пределами Соединенного Королевства;

(b) ссылка на лицо или имущество является ссылкой на любое лицо и любое имущество, независимо от его местонахождения;

(с) ссылка на общество включает ссылку на общество любой другой страны помимо Соединенного Королевства;

(d) правительство означает Правительство Соединенного Королевства, правительство части Соединенного Королевства или правительство любой другой страны помимо Соединенного Королевства.

(5) В настоящем Законе ссылка на деяние, совершенное в террористических целях, включает ссылку на деяние, совершенное для получения пользы запрещенной организацией».

Для целей Закона «О терроризме» организация является «запрещенной», если:

3. (1) ... (а) она включена в перечень, приведенный в Приложении № 2, или

(b) она действует под тем же названием, что и организация, включенная в перечень, приведенный в Приложении № 2.

(2) Подпункт “b” пункта (1) не применяется к организации, включенной в перечень, приве-

денный в Приложении № 2, если в нем имеется примечание к записи, посвященной этой организации.

(3) Министр своим приказом может:

(а) добавить организацию в перечень, содержащийся в Приложении № 2;

(б) исключить организацию из перечня, содержащегося в Приложении № 2;

(с) внести иные изменения в перечень, содержащий в Приложении № 2.

(4) Министр может воспользоваться своим полномочием, предусмотренным подпунктом “а” пункта (3), в отношении какой-либо организации только в случае, если он полагает, что эта организация причастна к терроризму.

(5) Для целей пункта (4) организация считается причастной к терроризму, если она:

(а) совершает террористические акты или участвует в их совершении;

(б) готовится совершить террористический акт;

(с) пропагандирует или поощряет идеи терроризма, или

(d) иным образом причастна к террористической деятельности».

89. Часть 2 Закона «О терроризме» криминализовала членство в запрещенных организациях и оказание им поддержки, сбор средств, использование и владение средствами, предназначенными для террористической деятельности, заключение соглашения о переводе денежных средств, предназначения для террористической деятельности, отмывание денег, а также несообщение о подозрительных сделках по отмыванию денег. В части 4 Закона «О терроризме» был введен еще ряд составов преступлений, в том числе обучение обращению с оружием, руководство террористической деятельностью, хранение без уважительных причин предметов, которые могут быть использованы лицом, совершающим или готовящим террористический акт, и сбор, без разумных оснований, информации, которая может быть использована лицом, совершающим или готовящим террористический акт. В соответствии с частью 62 Закона «О терроризме» сфера его применения распространялась за границы Соединенного Королевства, и лицо, находящееся под юрисдикцией Соединенного Королевства, могло быть подвергнуто преследованию за любое из вышеуказанных преступлений независимо от того, где были совершены деяния, направленные на совершение этих преступлений.

С. ЗАКОН 2001 ГОДА «О БОРЬБЕ С ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА И БЕЗОПАСНОСТИ»

90. Часть 4 Закона 2001 года (см. выше § 12), озаглавленная «Иммиграция и убежище», пре-

дусматривала полномочия, которые позволяли заключать под стражу неграждан, подозреваемых в международном терроризме даже в случаях, когда их депортация была невозможна. Закон 2001 года в частях, относившихся к настоящему делу, устанавливал следующее:

«ЧАСТЬ 4. ИММИГРАЦИЯ И УБЕЖИЩЕ

Лица, подозреваемые в международном терроризме

21. Лицо, подозреваемое в международном терроризме: признание подозреваемым

(1) Министр может принять решение о признании подозреваемым на основании настоящей статьи в отношении любого лица, если министр обоснованно:

(а) полагает, что присутствие лица в Соединенном Королевстве представляет риск для национальной безопасности, и

(б) подозревает, что данное лицо является террористом.

(2) В подпункте “b” пункта (1) “террорист” означает лицо, которое:

(а) причастно или было причастно к совершению, приготовлению или подстрекательству к совершению актов международного терроризма,

(б) является членом или принадлежит к международной террористической группе, или

(с) имеет связи с международной террористической группой.

(3) Группа является международной террористической для целей подпунктов “b” и “с” пункта (2), если:

(а) она контролируется или находится под влиянием лиц за пределами Соединенного Королевства, и

(б) министр подозревает, что она причастна к совершению, приготовлению или подстрекательству к совершению актов международного терроризма.

(4) Для целей подпункта “с” пункта (2) лицо имеет связи с международной террористической группой только в случае, если он поддерживает ее или оказывает ей помощь.

(5) В соответствии с настоящей частью статьи

“терроризм” имеет значение, приведенное в статье 1 Закона 2000 г. “О терроризме” (с. 11), и

“лицо, подозреваемое в международном терроризме” означает лицо, признанное подозреваемым в соответствии с пунктом (1).

(6) Когда министр принимает решение о признании подозреваемым в соответствии с пунктом (1), он в разумный срок:

(а) принимает разумные меры для уведомления лица, признанного подозреваемым, и

(б) направляет копию решения о признании подозреваемым в Специальную иммиграционную апелляционную комиссию.

(7) Министр может отменить решение о признании подозреваемым, вынесенное в соответствии с пунктом (1).

(8) Решение министра о признании подозреваемым, вынесенное в соответствии с настоящей статьёй, может быть обжаловано только в порядке, предусмотренном статьями 25 и 26.

(9) Любой акт министра, принятый полностью или частично на основании решения о признании подозреваемым, вынесенного в соответствии с настоящей статьёй, может быть обжалован только в порядке, предусмотренном

(а) статьёй 25 или статьёй 26, или

(б) статьёй 2 Закона 1997 года «О специальной иммиграционной апелляционной комиссии» (с. 68) (жалоба).

22. Депортация, высылка и т.д.

(1) Акты, перечисленные в пункте (2), могут быть приняты в отношении лица, подозреваемого в международном терроризме, несмотря на тот факт, что (временно или бессрочно) данный акт может привести к высылке этого лица из Соединенного Королевства по следующим основаниям:

(а) нормы права, которая полностью или частично относится к международному соглашению, или

(б) практических соображений...

(2) Актами, указанными в пункте (1), являются:

...(е) издание приказа о депортации...

(3) Акты, перечисленные в пункте (2), которые уже приняты в отношении лица, подозреваемого в международном терроризме, в момент признания его подозреваемым на основании статьи 21, считаются повторно принятыми (со ссылкой на пункт (1) выше) сразу после вынесения решения о признании этого лица подозреваемым.

23. Заключение под стражу

(1) Лицо, подозреваемое в международном терроризме, может быть заключено под стражу в соответствии с положениями, указанными в пункте (2), несмотря на тот факт, что его высылка или отъезд из Соединенного Королевства невозможны (временно или бессрочно) на основании:

(а) нормы права, которая полностью или частично относится к международному соглашению, или

(б) практических соображений...

(2) Положениями, указанными в пункте (1), являются следующие:

(а) пункт 16 Приложения № 2 к Закону 1971 года «Об иммиграции» (заключение под стражу лиц, подлежащих обыску или высылке) и

(б) пункт 2 Приложения № 3 этого Закона (заключение под стражу до депортации)».

Часть 4 Закона 2001 года включала положение о том, что срок действия данного законодательства составлял всего пять лет, и оно требовало ежегодной подтверждающей резолюции обеих палат парламента.

Д. СПЕЦИАЛЬНАЯ ИММИГРАЦИОННАЯ АПЕЛЛЯЦИОННАЯ КОМИССИЯ

91. Специальная иммиграционная апелляционная комиссия (СИАК) была создана в ответ на вынесение Большой Палатой Европейского Суда Постановления по делу «Чахал против Соединенного Королевства» (Chahal v. United Kingdom) от 15 ноября 1996 г., *Reports of Judgments and Decisions 1996-V*. Она представляет собой судебный орган, состоящий из независимых судей. Решения СИАК могут быть обжалованы по вопросам права в Апелляционный суд и Палату лордов.

Статья 25 Закона 2001 года гласит:

«(1) Лицо, подозреваемое в международном терроризме, может обжаловать в Специальную иммиграционную апелляционную комиссию решение о признании его подозреваемым, вынесенное в соответствии со статьёй 21.

(2) При поступлении жалобы [СИАК] обязана отменить решение о признании подозреваемым в случае, если она считает, что:

(а) имеются разумные основания для убеждения или подозрения, указанные в подпунктах «а» и «б» пункта (1) статьи 21, или

(б) по каким-либо иным причинам решение о признании подозреваемым не должно было быть вынесено».

СИАК первоначально была обязана пересмотреть решение о признании подозреваемым, чтобы удостовериться в том, что оно по-прежнему было обоснованным, через шесть месяцев после принятия этого решения или через шесть месяцев после вынесения окончательного решения по жалобе на решение о признании подозреваемым, а затем пересматривать дело каждые три месяца.

В соответствии со статьёй 30 Закона 2001 года все жалобы на отступление от соблюдения обязательств в соответствии со статьёй 15 Конвенции также должны были подаваться в СИАК.

92. В СИАК применяется специальная процедура, которая позволяет ей рассматривать не только материалы, которые могут быть опубликованы («открытые материалы»), но и материалы, которые из соображений национальной безопасности не могут быть оглашены («закрытые материалы»). Ни жалующееся лицо, ни его адвокат не могут ознакомиться с закрытыми материалами. В связи с этим генеральный солиситор назначает для представления интересов каждого жалующегося лица одного или более представителей с допуском к государственной тайне, называемых «специальными адвокатами».

93. При рассмотрении СИАК жалоб на решения о признании подозреваемыми, поданных заявителями по настоящему делу, сначала для ознакомления были переданы открытые материалы и доказательства, касавшиеся каждого жалующегося лица, и специальный адвокат мог обсу-

дить эти материалы с жалующимся лицом и его адвокатами и получить общие инструкции. После этого судьи и специальный адвокат получили возможность ознакомиться с закрытыми материалами, и с этого момента не допускались контакты между специальным адвокатом и жалующимся лицом и/или его представителями, за исключением случаев, когда СИАК выдавала соответствующее разрешение. Задача специального адвоката во время закрытых заседаний заключалась в том, чтобы делать заявления от имени жалующегося лица как в отношении процессуальных вопросов, таких как необходимость в дальнейшем раскрытии материалов, так и по существу дела. В отношении каждой жалобы на решение о признании подозреваемым СИАК выносила как «открытое», так и «закрытое» постановления. Специальный адвокат мог ознакомиться с обоими постановлениями, а заключенный и его представители – только с «открытым».

Е. ДЕКЛАРАЦИИ О НЕСООТВЕТСТВИИ, ПРИНЯТЫЕ НА ОСНОВАНИИ ЗАКОНА 1998 ГОДА «О ПРАВАХ ЧЕЛОВЕКА»

94. Статья 4 Закона 1998 года «О правах человека» предусматривает, что в случае, когда суд признает, что какой-либо закон нарушает Конвенцию, суд может принять декларацию о несоответствии. Данная декларация не влияет на действительность положения, в отношении которого она принята, и не является обязательной для стороны процесса, в рамках которого она принята, но при этом могут быть приняты специальные меры (статья 10) по изменению данного положения с тем, чтобы устранить несоответствие (см. далее Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Бёден против Соединенного Королевства» (*Burden v. United Kingdom*), жалоба № 13378/05, §§ 21–24 и 40–44, *ECHR* 2008).

Ф. ЗАКОН 2006 ГОДА «О ТЕРРОРИЗМЕ»

95. Закон 2006 года «О терроризме» вступил в силу 30 марта 2006 г., криминализовав приготовления к совершению преступлений террористического характера, предусмотренных Законом 2000 года «О терроризме». Среди новых преступлений были пропаганда, распространение публикаций, подготовка и тренировка. Состав преступлений был сформулирован таким образом, чтобы можно было на ранней стадии вмешаться в террористическую деятельность и тем самым предотвратить совершение более серьезных правонарушений, а также чтобы их легче было доказывать.

Г. РАССМОТРЕНИЕ ВОПРОСА ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ИНСТИТУТА СПЕЦИАЛЬНЫХ АДВОКАТОВ В СООТВЕТСТВИИ С ЗАКОНОМ «О ПРЕДУПРЕЖДЕНИИ ТЕРРОРИЗМА» 2005 ГОДА

96. 31 октября 2007 г. Палата лордов вынесла Постановление по делу «Министр внутренних дел (ответчик) против МВ (ФК) (истец)» (*Secretary of State for the Home Department (Respondent) v. MB (FC) (Appellant)* [2007] UKHL 46), которое касалось обжалования приказа о введении контроля без отступления от соблюдения обязательств (*non-derogating control order*), изданного министром в соответствии со статьями 2 и 3(1)(а) Закона «О предупреждении терроризма» 2005 года. Палата лордов должна была решить, *inter alia*, соответствовали ли процедуры, предусмотренные статьей 3 Закона «О предупреждении терроризма» 2005 года, включающие проведение закрытых заседаний и участие специальных адвокатов, статье 6 Конвенции, учитывая, что в случае одного из жалующихся лиц они привели к тому, что дело против него в своей основе не было раскрыто, а в открытых материалах не содержалось конкретных сведений о его причастности к террористической деятельности.

Палата лордов единогласно признала, что в рассматриваемом разбирательстве решался вопрос о гражданских правах и обязанностях, в связи с чем на него распространялось действие статьи 6 Конвенции. Что касается соблюдения данной нормы, большинство судей (баронесса Хейл Ричмондская (*Hale of Richmond*), лорд Карсвелл (*Carswell*) и лорд Браун Итон-андер-Хувудский (*Brown of Eaton-under-Heywood*)) признали, что, хотя во многих делах процедура использования специальных адвокатов обеспечивала достаточный противовес в случаях, когда министр не хотел раскрывать материалы, на которые он ссылался для установления наличия разумных оснований подозревать, что жалующееся лицо причастно или было причастно к террористической деятельности, каждое дело следовало рассматривать индивидуально. Баронесса Хейл Ричмондская отметила следующее:

«65. ...Всё зависит от характера дела, от того, какие действия были предприняты для объяснения подробностей подозрений контролирующему лицу, чтобы оно могло предвидеть, какие подтверждающие материалы могли быть представлены, от того, какие меры были приняты для обобщения подтверждающих закрытых материалов, без раскрытия имен, дат и мест, от характера и содержания закрытых материалов, от того, насколько эффективно специальный адвокат мог обжаловать их от имени контролируемого лица, и того, что могло бы произойти в случае раскрытия этих материалов. Все эти факторы имеют значение для решения вопроса о том, была ли контролирующему лицу «предоставлена реальная возможность для оспаривания фактов», на которых был основан приказ.

66. Я не считаю, что мы можем быть уверены в том, что Страсбургский суд признает каждое слушание по рассмотрению приказа о введении контроля, в котором была применена процедура с участием специального адвоката, предусмотренная Законом 2005 года и частью 76 Правил гражданского процесса (*Civil Procedure Rules*), достаточным для соблюдения статьи 6 Конвенции. Однако несмотря на все трудности и затраченное время, необходимое для того, чтобы, как правило, контролируемому лицу должна была быть обеспечена “значительная процессуальная справедливость”. Каждый должен сделать всё возможное для того, чтобы обеспечить, чтобы “принципы судебного следствия” были соблюдены в полном объеме. Министр должен дать максимально полное объяснение, почему он считает, что существуют основания, предусмотренные статьей (2)1. Чем полнее будет это объяснение, тем точнее будут поручения, которые специальные адвокаты смогут получить от клиента до того, как они ознакомятся с закрытыми материалами. И судья, и специальные адвокаты особо тщательно и со значительным скептицизмом должны изучить утверждение о том, что закрытые материалы следует оставлять таковыми. Имеется множество подтверждений появления тенденции слишком активно требовать сохранения секретности по делам о терроризме (см. *Serrin Turner and Stephen J Schulhofer, The Secrecy Problem in Terrorism Trials, 2005, Brennan Centre for Justice at NYU School of Law*). Судья и специальные адвокаты обязаны строго проверять материалы, которые остаются закрытыми. Должна существовать возможность того, чтобы материалы дела могли быть отредактированы или составлены таким образом, чтобы позволить специальным адвокатам выяснить поручения клиента в отношении них. Должна существовать возможность того, чтобы специальные адвокаты могли задавать конкретные и продуманные вопросы клиента. Хотя это прямо не предусмотрено в CPR r 76.24, специальный адвокат должен иметь возможность вызвать свидетелей, которые могут опровергнуть закрытые материалы. Характер дела может быть таков, что клиенту не нужно знать все подробности доказательств, чтобы эффективно обжаловать их.

67. Лучше всего решить вопрос о том, обеспечиваво ли разбирательство достаточную и значительную меру процессуальной защиты, может судья, рассматривающий дело...».

Лорд Карсвелл отметил:

«Существует очень широкий спектр дел, в которых министр ссылался на закрытые материалы. С одной стороны, могут быть дела, в которых единственными доказательствами, подтверждающими вину контролируемого лица, являются закрытые материалы, и ему нельзя сообщить, что является доказательствами и даже о содержании этих доказательств, и специальный адвокат не имеет возможности получить достаточные поручения, чтобы эффективно оспаривать инкриминируемые его клиенту деяния. С другой стороны, могут быть дела, когда доказательный эффект закрытых материалов очень мал или просто подтверждает веские открытые материалы, и отсутствуют препятствия для представления защиты. Между этими двумя группами дел существует бесконечное разнообразие вариантов. Баланс между открытыми и закрытыми материалами и доказательный

характер каждого вида материалов отличаются в каждом деле. Специальный адвокат может достаточно ясно понять, что делать с закрытыми материалами, не получая прямых поручений от контролируемого лица. Эти вопросы судья должен взвешивать и оценивать в ходе рассмотрения вопроса о том, было ли обеспечено контролируемому лицу справедливое разбирательство. Данная оценка... зависит от конкретных фактов. Судья, который изучил открытые и закрытые материалы, получил помощь от специального адвоката, находится в гораздо более выгодном положении, чтобы провести такую оценку. Однако я считаю, что на контролируемом лице лежит тяжелое бремя доказывания того, что имело место нарушение статьи 6 [Конвенции], так как надлежащее значение должно быть придано правомерному публичному интересу в неразглашении материалов из соображений безопасности. Суды не должны с излишней готовностью признавать, что неудобство, причиненное контролируемому лицу вследствие сокрытия материалов, является нарушением статьи 6 [Конвенции]».

Лорд Браун признал следующее:

«Вероятно, могут быть дела, хотя они, скорее всего, являются исключением из правила, в которых, несмотря на максимально предпринятые усилия всех участников по редактированию, составлению и анонимизации материалов, просто невозможно сообщить достаточную часть позиции министра, чтобы у подозреваемого лица появилась возможность эффективно оспорить ее. Если в этих делах судья не может, несмотря ни на что, быть уверенным в том, что в любом случае его решение не могло быть успешно обжаловано (сложный, но, я считаю, не невозможный вывод, к которому можно прийти...), он должен сделать вывод, что принятие или, в зависимости от обстоятельств, подтверждение приказа фактически повлечет за собой значительную несправедливость для подозреваемого. В частности, подозреваемому по такому делу не обеспечивалась даже значительная процессуальная справедливость (см. [упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу] “*Чахал против Соединенного Королевства*” (*Chahal v. United Kingdom*), § 131), несмотря на участие специального адвоката: “сама суть [его] права [на справедливое судебное разбирательство будет] нарушена” (см. [упомянутое ниже дело] “*Компания “Тиннелли и сыновья Лтд” [и другие] и Макэлдафф и другие против Соединенного Королевства*” (*Tinnelly and Sons Ltd and McElduff and Others v. United Kingdom*), § 72)».

Лорд Бингем согласился с большинством судей, но привел другую мотивировку. Он признал, что было необходимо взглянуть на процесс в целом и рассмотреть вопрос о том, была ли использована процедура, включавшая несправедливость к контролируемому лицу. Хотя участие специальных адвокатов могло помочь обеспечить контролируемому лицу меру процессуальной справедливости, оно не могло полностью нивелировать серьезные неудобства для лица, которое не знает о том, какое обвинение выдвинуто против него, и поэтому не может дать эффективные поручения специальному адвокату.

Лорд Хоффманн, не соглашаясь с большинством судей, отметил, что, если судья, рассматривающий дело, решит, что раскрытие информации противоречило бы публичным интересам, участие специальных адвокатов обеспечивает достаточные гарантии для контролируемого лица, и при этих обстоятельствах никогда бы не было допущено нарушения статьи 6 Конвенции.

97. В Постановлении по делу «Министр внутренних дел против АФ» (*Secretary of State for the Home Department v. AF* [2008] EWCA Civ 1148) апелляционный суд (сэр Энтони Кларк (*Anthony Clark MR*) и лорд-судья Уоллер (*Waller LJ*), а также см. особое мнение лорда-судьи Седли (*Sedley LJ*)) дал следующее руководство, основанное на мнениях большинства судей по делу MB, касавшемуся соблюдения статьи 6 Конвенции по делам о принятии приказов о введении контроля с участием специальных адвокатов (извлечения из краткого изложения основных вопросов):

«(1) При определении того, нарушало ли слушание, проведенное в соответствии с пунктом 10 статьи 3 Закона 2005 года права контролируемого лица, гарантированные статьей 6 [Конвенции], главный вопрос состоял в том, было ли слушание, если его рассматривать в целом, фундаментально несправедливым по отношению к контролируемому лицу, или ему не была обеспечена значительная мера процессуальной справедливости, или была нарушена сама суть его права на справедливое разбирательство. Если брать шире, вопрос заключается в том, приводил ли процесс к тому, что контролируемое лицо подвергалось значительной несправедливости. (2) Следует принять все надлежащие меры для того, чтобы предоставить контролируемому лицу максимально возможное количество информации как в отношении подозрений, так и относительно доказательств в случае необходимости после соответствующей цензуры. (3) Если полная информация о подозрениях и доказательствах не была предоставлена из соображений, прежде всего, национальной безопасности, контролируемому лицу должен быть предоставлен специальный адвокат. В такой ситуации применялись следующие принципы. (4) Отсутствует принцип, согласно которому слушание является несправедливым в случае неразглашения контролируемому лицу минимального объема информации о подозрениях и доказательствах. В качестве альтернативы, если бы такой принцип существовал, минимум информации мог в зависимости от обстоятельств быть удовлетворен даже таким небольшим объемом информации, как в деле АФ, то есть действительно очень небольшим. (5) Будет ли слушание несправедливым, зависит от всех обстоятельств дела, в том числе от характера дела, от того, какие действия были выполнены для объяснения подробностей подозрений контролируемому лицу, чтобы оно могло предполагать, какие подтверждающие материалы могли быть представлены, от того, какие меры были приняты для обобщения подтверждающих закрытых материалов, без раскрытия имен, дат и мест, от характера и содержания скрытых материалов, от того, насколько эффективно специальный адвокат мог обжа-

вать их от имени контролируемого лица, и того, что могло бы произойти в случае раскрытия этих материалов. (6) При решении вопроса о том, имело ли разглашение информации контролируемому лицу какое-либо значение при ответе на вопрос о том, существовали ли разумные основания для подозрения о том, что контролируемое лицо причастно или было причастно в террористической деятельности, суд должен был в полном объеме принять во внимание проблемы, с которыми столкнулись контролируемое лицо и специальные адвокаты, и учитывать все обстоятельства дела, включая вопросы о том, что, если бы какая-либо информация была разглашена, и насколько эффективно могли бы действовать специальные адвокаты. Правильный подход и значение, которые должны придаваться каждому конкретному фактору, зависят от конкретных обстоятельств дела. (7) Строгих принципов нет. Вопрос о том, что являлось справедливым, в основном разрешается судьей, вывод которого редко оспаривается апелляционным судом».

III. КОММЕНТАРИИ ВЛАСТЕЙ СОЕДИНЕННОГО КОРОЛЕВСТВА И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ОТНОШЕНИИ ЧАСТИ 4 ЗАКОНА 2001 ГОДА

A. КОМИТЕТ НЬЮТОНА

98. Часть 4 Закона 2001 года предусматривала необходимость создания Комитета тайных советников (*Committee of Privy Counsellors*), который должен был следить за реализацией этого закона. Комитет под председательством лорда Ньютона в декабре 2003 года подготовил доклад. Зафиксировав довод Министерства внутренних дел о том, что угроза совершения терактов «Аль-Каидой» преимущественно исходила от иностранцев, Комитет Ньютона в своем докладе обратил внимание на следующие факторы:

«...собраны доказательства того, что это уже не так. Британские террористы-смертники, атаковавшие Тель-Авив в мае 2003 года, Ричард Рейд (*Richard Reid*), также известный как «обувной террорист» (*the Shoe Bomber*), и недавние аресты свидетельствуют о том, что угроза, исходящая от подданных Соединенного Королевства, реальна. В прошлом году почти 30% от лиц, признанных подозреваемыми на основании Закона 2000 года «О терроризме», были британцами. Нам сообщили, что почти половина лиц, которые привлекли внимание властей по подозрению в причастности к международному терроризму, являлись подданными Соединенного Королевства».

Учитывая эти доказательства, Комитет Ньютона отметил, что не только существовали принципиальные доводы против дискриминационных положений, но также имелись убедительные аргументы об ограниченной эффективности при реагировании на террористическую угрозу. В связи с этим Комитет Ньютона призвал к срочному принятию нового законодательства, которое могло бы спра-

виться с террористической угрозой без дискриминации по признакам гражданства и которое не потребовало бы отступления от соблюдения обязательств, предусмотренных статьей 5 Конвенции.

99. В феврале 2004 года власти Соединенного Королевства опубликовали свой ответ на доклад Комитета Ньютона. Они по-прежнему считали, что террористическая угроза «исходила преимущественно, но не исключительно от иностранных граждан», и сделали следующее замечание относительно предложения Комитета Ньютона применять контртеррористические меры ко всем лицам, находящимся под юрисдикцией Соединенного Королевства, независимо от гражданства:

«Хотя возможно найти другие полномочия по заключению под стражу подданных Соединенного Королевства, которые могут быть причастны к международному терроризму, это было бы очень сложным шагом. Правительство полагает, что такие драконовские полномочия было бы сложно обосновать. Опыт показал опасность подобного подхода и вред, который он может причинить единству общества и тем самым поддержке, оказываемой всеми частями общества, которая так важна для борьбы с террористической угрозой».

Власти Соединенного Королевства также указали, что проводилась работа с целью создания рамочных соглашений с потенциальными принимающими государствами для депортации лиц, подозреваемых в терроризме.

В. СОВМЕСТНЫЙ ПАРЛАМЕНТСКИЙ КОМИТЕТ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

100. Совместный комитет в Соединенном Королевстве имеет конституционную обязанность изучать законодательство с целью обеспечения его соответствия Конвенции и закрепленным в ней правам. В своем Втором отчете в рамках сессии 2001–2002 года, составленном вскоре после опубликования законопроекта, который стал позднее Законом 2001 года, Совместный комитет выразил обеспокоенность возможным дискриминационный эффектом предлагаемого законодательства:

«38. Во-вторых, ссылаясь на иммиграционное законодательство для заключения под стражу лиц, подозреваемых в международном терроризме, законопроект рискует породить дискриминацию, когда допускается заключение под стражу без предъявления обвинения лицам, подозреваемым в международном терроризме, которые состоят на иммиграционном учете, и лицам, имеющим безусловное право на пребывание в Соединенном Королевстве. Мы боимся, что это может привести к дискриминации при пользовании правом на свободу по признаку гражданства. Если нельзя дать этому объективное, рациональное и соразмерное обоснование, это может привести к действиям, которые будут не соответствовать статье 5 Конвенции, взятой отдельно и в совокупности с правом на защиту от дискриминации, гарантированным статьей 14 Конвенцией. Это

также может привести к нарушениям права на защиту от дискриминации и права на свободу, предусмотренных статьями 26 и 9 Международного пакта о политических и гражданских правах соответственно.

39. Мы затрагивали этот вопрос во время устной беседы с министром внутренних дел. Изучив его ответ, мы не пришли к убеждению, что риск дискриминации по признаку гражданства, вытекающий из положений части 4 законопроекта, был учтен в достаточной степени».

В Шестом отчете в рамках сессии 2003–2004 годов (23 февраля 2004 г.) Совместный комитет выразил глубокую озабоченность «последствиями для прав человека того, что решение о заключении под стражу принимается в соответствии с иммиграционным, а не антитеррористическим законодательством», и предупредил о «значительном риске того, что часть 4 нарушает право на свободу от дискриминации в соответствии со статьей 14 Конвенции». После доклада Комитета Ньютона и ответа министра на него Совместный комитет вернулся к этому вопросу в своем Восемнадцатом отчете в рамках сессии 2003–2004 годов (21 июля 2004 г.), §§ 42–44:

«42. Министр в своем ответе отклонил рекомендацию, сделанную в докладе Комитета Ньютона, согласно которой новое законодательство, которое заменит часть 4 [Закона 2001 года], должно применяться одинаково к лицам с любым гражданством, в том числе с британским. Правительство убеждено в том, что можно отстоять различие между иностранными гражданами и подданными Соединенного Королевства, учитывая их различные права и обязанности.

43. Мы последовательно выражали свою обеспокоенность тем, что положения части 4 [Закона 2001 года] необоснованно дискриминируют по признаку гражданства и поэтому нарушают статью 14 Конвенции. Как и лорд Ньютон, мы считаем удивительным то, что министр в своем ответе утверждает, что поиск аналогичных полномочий для заключения под стражу британских подданных был бы «очень сложным шагом», и такие «драконовские полномочия было бы сложно обосновать».

44. Интересы, стоящие на кону, у иностранного гражданина и британского подданного совпадают: их фундаментальное право на свободу, гарантированное статьей 5 Конвенции, и связанные с ним процессуальные права. Статья 1 Конвенции требует от государств обеспечивать каждому, находящемуся под их юрисдикцией, права и свободы, гарантированные Конвенцией. Статья 4 требует, чтобы пользование конвенционными правами осуществлялось без дискриминации по признаку гражданства. Объяснение правительством в своем ответе нежелания искать аналогичные полномочия в отношении подданных Соединенного Королевства, судя по всему, предполагает, что оно считает заинтересованность иностранных граждан в свободе менее достойной защиты, чем аналогичные интересы подданных Соединенного Королевства, что недопустимо в соответствии с Конвенцией».

**С. ЕВРОПЕЙСКИЙ КОМИТЕТ
ПО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ ПЫТОК
И БЕСЧЕЛОВЕЧНОГО ИЛИ УНИЖАЮЩЕГО
ДОСТОИНСТВО ОБРАЩЕНИЯ
ИЛИ НАКАЗАНИЯ (ЕКПП)**

101. ЕКПП посетил заключенных заявителей в феврале 2002 года и в марте 2004 года. В своем докладе, опубликованном 9 июня 2005 г., ЕКПП критиковал условия, в которых заявители содержались под стражей в Белмаршской тюрьме и Бродмурской больнице, и сообщил о жалобах на плохое обращение со стороны персонала. ЕКПП признал, что здоровье большинства заключенных заявителей ухудшилось в результате их содержания под стражей, в частности, вследствие бессрочно-го характера заключения. ЕКПП сообщил в своем докладе:

«В действительности информация, собранная в ходе посещения в 2004 году, свидетельствует о том, что государственные органы находятся в затруднении относительно того, как обращаться с этой категорией заключенных, лишенных свободы без реальной перспективы освобождения и без необходимой поддержки, чтобы нивелировать негативные последствия этой уникальной формы заключения. Они также подчеркивают ограниченные возможности тюремной системы по реагированию на задачу, которая сложно согласуется с ее обычными функциями. Заявленная цель, сформулированная в ответ на доклад ЕКПП по результатам посещения в феврале 2002 года, состоявшая в выработке стратегии, позволяющей тюремной службе наиболее адекватным образом обеспечивать содержание под стражей и заботу за лицами, заключенными на основании Закона 2001 года, не была достигнута.

Спустя два года после того, как ЕКПП посетил этих заключенных, психическое состояние многих из них было неважным в результате содержания под стражей, а некоторые также были в плохом физическом состоянии. Содержание под стражей вызывало психические расстройства у большинства лиц, заключенных в соответствии с [Законом 2001 года], а лица, которые ранее были подвергнуты травмирующему опыту или даже пыткам, в ходе такого содержания под стражей снова испытали данный опыт, и это привело к рецидиву имевшихся у них расстройств. Травма, причиняемая содержанием под стражей, причинила еще больший вред их здоровью в связи с тем, что она усугублялась отсутствием контроля, вытекающего из неопределенного характера их содержания под стражей, трудностями в обжаловании содержания под стражей и фактом незнания того, какие доказательства были использованы против них для подтверждения и поддержки решения о признании их подозреваемыми в международном терроризме. Для некоторых из них их ситуация во время посещения могла быть приравнена к бесчеловечному и унижающему достоинство обращению».

102. Власти Соединенного Королевства 9 июня 2005 г. опубликовали свой ответ на доклад ЕКПП за 2004 год. Они решительно не согласились с жало-

вами на плохое обращение со стороны персонала и подчеркнули, что в распоряжении у заключенных заявителей для обжалования фактов ненадлежащего обращения имелись средства правовой защиты, предоставляемые административным и гражданским законодательством всем заключенным. Далее власти Соединенного Королевства отметили:

«Хотя власти Соединенного Королевства уважают выводы, сделанные делегатами [ЕКПП], основанные на их наблюдениях в день посещения, они категорически отклоняют предположение о том, что в какой-либо период содержания под стражей на основании [Закона 2001 года] с заключенными обращались “бесчеловечно или унижительно для их достоинства”, что могло бы быть приравнено к нарушению международных обязательств Соединенного Королевства в области защиты прав человека. Власти Соединенного Королевства твердо уверены, что заключенные всегда получали надлежащую заботу и лечение в Белмарше и имели доступ ко всей необходимой медицинской помощи, как физической, так и психологической, от врачей и прочего медицинского персонала. Власти Соединенного Королевства допускают, что эти лица имели сложную историю до заключения под стражу, но не согласны с тем, что “содержание под стражей вызвало психические расстройства”. У некоторых заключенных были проблемы с психикой до заключения под стражу, но это не препятствовало им заниматься деятельностью, из-за которой они были признаны подозреваемыми и заключены под стражу. Проблемы с психикой не мешают физическому лицу представлять опасность для национальной безопасности...

Власти Соединенного Королевства не согласны с тем, что лица, признанные подозреваемыми на основании [Закона 2001 года], содержались под стражей без каких-либо перспектив освобождения...

Ни разу ни СИАК, ни какой-либо иной суд не признавали, что условия содержания под стражей нарушали абсолютное обязательство, налагаемое на правительства статьей 3 [Конвенции]. По мнению властей Соединенного Королевства, учитывая широкие судебные гарантии, доступные заключенным, правительство не смогло бы продлевать срок содержания под стражей этих людей, если бы права заключенных, гарантированные статьей 3 [Конвенции], нарушались этими полномочиями каким-либо образом. Предположить иначе значит проигнорировать обширные контакты заключенных с британской судебной системой и абсолютное обязательство по защите от такого нарушения, возложенное на судебные органы».

**D. КОМИССАР СОВЕТА ЕВРОПЫ
ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА**

103. В августе 2002 года Комиссар Совета Европы по правам человека высказал свое мнение о некоторых аспектах отступления Соединенного Королевства от соблюдения своих обязательств по статье 5 Конвенции и о части 4 Закона 2001 года.

В данном мнении он прямо критиковал недостаточное изучение парламентом положений об отступлении от соблюдения обязательств и ставил вопрос о том, являлась ли природа угрозы, представляемой «Аль-Каидой», допустимым основанием признания чрезвычайного положения в государстве, угрожающего жизни нации:

«Признавая обязательства правительств защищать своих граждан от угрозы терроризма, Комиссар полагает, что общие заявления о возросшем риске террористической деятельности после событий 11 сентября 2001 г. не могут сами по себе быть достаточными для оправдания отступления от соблюдения своих обязательств в соответствии с Конвенцией. Несколько европейских государств, давно сталкивающихся с повторяющейся террористической деятельностью, не признали необходимость отступить от соблюдения конвенционных прав. И ни одно государство не сочло необходимым сделать это в текущих обстоятельствах. В связи с этим должна быть предоставлена подробная информация, указывающая на реальную и надвигающуюся опасность для безопасности общества в Соединенном Королевстве».

Комиссар Совета Европы по правам человека продолжил по поводу схемы заключения под стражу на основании Закона 2001 года:

«В той части, в которой эти меры применимы только к иностранным гражданам, которых нельзя депортировать, они, кроме того, как может показаться, ведут к правосудию в двух направлениях, в рамках которого к иностранцам и гражданам будут применяться различные стандарты защиты прав человека».

104. 8 июня 2005 г. Комиссар Совета Европы по правам человека опубликовал доклад по результатам своего посещения Соединенного Королевства в ноябре 2004 года. Он прямо сослался на решение Палаты лордов по делу заявителей и отметил тот факт, что власти Соединенного Королевства не стремились продлить срок действия соответствующих положений Закона 2001 года в марте 2005 года. Он приветствовал решение Палаты лордов, которое соответствовало его собственному ранее опубликованному мнению, а также освобождение заявителей, подчеркнув, что в ходе визита он имел возможность лично засвидетельствовать «чрезвычайно взволнованное психологическое состояние у большинства из них». На основании бесед, которые он провел, среди прочих, с министром внутренних дел, лордом-канцлером, Генеральным атторнеем, лордом-главным судьей и директором публичных преследований, Комиссар Совета Европы по правам человека также выразил мнение о наличии в законодательстве Соединенного Королевства альтернативных мер по борьбе с угрозой терроризма:

«С террористической деятельностью не только необходимо, но и можно бороться в рамках существующих гарантий защиты прав человека, которые как раз предусматривают в вопросах, касающихся национальной безопасности, уравно-

вешивание индивидуальных прав и государственного интереса и допускают использование соразмерных специальных полномочий. Требуются обеспеченная необходимыми средствами политика, международное сотрудничество и неуклонное применение законодательства. В данном контексте следует отметить, что Закон 2000 года «О терроризме» для Соединенного Королевства являлся одним из самых жестких и всеобъемлющих анти-террористических законодательств в Европе».

Е. КОМИТЕТ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ ПО ЛИКВИДАЦИИ ВСЕХ ФОРМ РАСОВОЙ ДИСКРИМИНАЦИИ

105. В пункте 17 Заключительных замечаний Комитета ООН по ликвидации всех форм расовой дискриминации по Соединенному Королевству, датированных 10 декабря 2003 г., говорилось:

«17. Комитет серьезно озабочен положениями Закона «О борьбе с преступлениями террористического характера и безопасности», которые предусматривают неопределенный срок содержания под стражей без предъявления обвинений или судебного разбирательства, до момента депортации, лиц, не являющихся подданными Соединенного Королевства, подозреваемых в деятельности террористического характера.

Признавая беспокойство о национальной безопасности государства-участника, Комитет рекомендует, чтобы государство-участник постаралось установить баланс между этой тревогой и интересами защиты прав человека, а также своими международно-правовыми обязательствами. В этом отношении Комитет обратил внимание государства-участника на его заявление от 8 марта 2002 г., в котором он подчеркнул обязанность государств «обеспечивать, чтобы меры, принимаемые в рамках борьбы с терроризмом, не имели цели дискриминировать и не дискриминировали по признакам расы, цвета кожи, происхождения, национальной или этнической принадлежности».

IV. ИНЫЕ МАТЕРИАЛЫ СОВЕТА ЕВРОПЫ

А. РЕЗОЛЮЦИЯ ПАРЛАМЕНТСКОЙ АССАМБЛЕИ СОВЕТА ЕВРОПЫ № 1271 (2002)

106. 24 января 2002 г. Парламентская Ассамблея Совета Европы приняла Резолюцию № 1271(2002), в пункте 9 которой говорилось:

«В борьбе с терроризмом государства – члены Совета Европы не должны допускать каких-либо отступлений от Европейской конвенции о правах человека».

Кроме того, Парламентская Ассамблея предложила государствам – членам Совета Европы в пункте 12, чтобы они:

«воздерживались от применения статьи 15 Европейской конвенции о правах человека для ограничения прав и свобод, гарантированных статьей 5 Конвенции (право на свободу и личную неприкосновенность)».

Кроме Соединенного Королевства после 11 сентября 2001 г. ни одно государство-член не ограничило права и свободы, гарантированные пунктом 1 статьи 5 Конвенции.

В. КОМИТЕТ МИНИСТРОВ СОВЕТА ЕВРОПЫ

107. В развитие обсуждения темы «Демократии перед лицом терроризма» (СМ/АС(2001) Rec1534), состоявшегося на заседании 14 ноября 2001 г., Комитет министров Совета Европы 11 июля 2002 г. принял «Руководящие принципы в области прав человека и борьбы с терроризмом», которые предусматривают, *inter alia*:

«I. Обязанность государств защитить любое лицо от терроризма

Государства обязаны принять все необходимые меры для защиты основных прав, особенно права на жизнь, лиц, находящихся под их юрисдикцией, от террористических актов. Эта позитивная обязанность в полной мере оправдывает борьбу государств против терроризма при уважении настоящих Руководящих принципов.

II. Запрет произвола

Меры, предпринимаемые государствами в целях борьбы с терроризмом, должны осуществляться с соблюдением прав человека и принципа верховенства права, исключая любой произвол, а также дискриминационное или расистское отношение, и должны подлежать соответствующему контролю».

С. ЕВРОПЕЙСКАЯ КОМИССИЯ ПРОТИВ РАСИЗМА И НЕТЕРПИМОСТИ (ДАЛЕЕ – ЕКРН)

108. В Общеполитической рекомендации № 8 по борьбе с расизмом в процессе противодействия терроризму, опубликованной 8 июня 2004 г., ЕКРН признала, что государства обязаны бороться с терроризмом, и подчеркнула, что реагирование на угрозу терроризма не должно в свою очередь подрывать ценности свободы, демократии, правосудия, верховенства права и прав человека и гуманитарного права. Она указала, что борьба с терроризмом не должна становиться предлогом, который способствует процветанию расовой дискриминации, отметив, что борьба с терроризмом, ведущаяся в государствах – членах Совета Европы после событий 11 сентября 2001 г., в некоторых случаях привела к принятию законодательства или норм, имеющих прямо или косвенно дискриминационный характер, в частности, по признаку гражданства, этнической или религиозной принадлежности. ЕКРН подчеркнула ответственность государств – членов Совета Европы по обеспечению того, чтобы борьба с терроризмом не сказывалась негативно на группах меньшинств, и рекомендовала государствам-членам:

«анализировать законодательство и нормы, принятые в связи с борьбой с терроризмом, с целью обеспечить, чтобы они не были дискриминационными как прямо, так и косвенно в отношении лиц или групп лиц, в частности, на основе признаков “расы”, цвета кожи, языка, религии, гражданства или национальной или этнической принадлежности, и отменять любое подобное дискриминационное законодательство».

V. ПОНЯТИЕ «ЧРЕЗВЫЧАЙНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ В ГОСУДАРСТВЕ» В СООТВЕТСТВИИ СО СТАТЬЕЙ 4 МЕЖДУНАРОДНОГО ПАКТА О ГРАЖДАНСКИХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРАВАХ

109. Пункт 1 статьи 4 Международного пакта о гражданских и политических правах гласит:

«Во время чрезвычайного положения в государстве, при котором жизнь нации находится под угрозой и о наличии которого официально объявляется, участвующие в настоящем Пакте Государства могут принимать меры в отступление от своих обязательств по настоящему Пакту только в такой степени, в какой это требуется острой положения, при условии, что такие меры не являются несовместимыми с их другими обязательствами по международному праву и не влекут за собой дискриминации исключительно на основе расы, цвета кожи, пола, языка, религии или социального происхождения».

Весной 1984 года группа из 31 эксперта в области международного права, созданная Международной комиссией юристов (*International Commission of Jurists*), Международной ассоциацией уголовного права (*International Association of Penal Law*), Американской ассоциацией Международной комиссии юристов (*American Association for the International Commission of Jurists*), Институтом прав человека Урбана Моргана (*Urban Morgan Institute for Human Rights*) и Международным научно-исследовательским институтом криминологии (*International Institute of Higher Studies in Criminal Sciences*), собралась в г. Сиракузы в Италии, чтобы проанализировать, *inter alia*, вышеуказанное положение. В пунктах 39–40 разработанных в ходе этой встречи Сиракузских принципов толкования ограничений и отступлений от положений Международного пакта о гражданских и политических правах (далее – Сиракузские принципы), под заголовком «Чрезвычайное положение, при котором жизнь нации находится под угрозой» говорилось:

«39. Государство-участник может принимать меры в отступление от своих обязательств по Международному пакту о гражданских и политических правах, изложенных в статье 4 (далее – отступление от прав), только в случаях исключительной и действительной или неминуемой опасности, которая угрожает жизни нации. Угроза жизни нации – это угроза, которая:

(а) затрагивает всё население и либо всю, либо часть территории государства, а также

(b) представляет опасность для физического здоровья населения, политической независимости или территориальной целостности государства или достаточного функционирования институтов, необходимых для обеспечения и защиты признаваемых в Пакте прав.

40. Международные конфликты и беспорядки, которые не приводят к возникновению серьезной и неминуемой угрозы жизни нации, не могут служить основанием для отступления от положений статьи 4».

В пункте 54 Сиракузских принципов говорится следующее:

«54. Принцип острой необходимости должен применяться объективно. Каждое отступление от прав должно быть направлено на устранение насущной, очевидной, действительной или неминуемой опасности и не может применяться только в связи с ожиданием потенциального происшествия».

110. В пункте 2 Замечания общего характера № 29 по статье 4 Международного пакта о политических и гражданских правах (24 июля 2001 г.) Комитет ООН по правам человека отметил, что:

«Меры, принимаемые в отступление от положений Пакта, должны носить исключительный и временный характер».

VI. ИНЫЕ МАТЕРИАЛЫ, КАСАЮЩИЕСЯ НЕРАЗГЛАШЕНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПО ДЕЛАМ О НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

111. В деле «Шаркауи против министра по делам гражданства и иммиграции» (*Charkaoui v. Minister of Citizenship and Immigration* [2007] 1 SCR350) главный судья Маклечлин (*McLachlin*) от имени Верховного суда Канады указал (§ 53):

«Наконец, но не менее важно, что справедливое разбирательство требует, чтобы лицо, в отношении которого оно осуществляется, было проинформировано о том, что ему вменяется, и чтобы оно имело возможность ответить на обвинения».

Это право не абсолютно и может быть ограничено в интересах национальной безопасности (§§ 57–58), однако (§ 64):

«...Следовательно, судья не имеет возможности компенсировать отсутствие основанного на информации анализа, оспаривания и представления контрдоказательств, которые могло бы привести лицо, знакомое с делом. В таком анализе и заключается сама суть принципа того, что лицо, свободе которого угрожает опасность, должно быть знакомо с материалами дела, чтобы ответить на них. В данном случае этот принцип был не просто ограничен, он был фактически полностью уничтожен. Как может отвечать на обвинения лицо, которое не знакомо с ними?».

112. В Решении по делу «Хамди против Рамсфелда» (*Hamdi v. Rumsfeld* 542 US507 (2004)) судья О'Коннор (*O'Connor*) от имени большинства судей Верховного суда США отметила следующее (р. 533):

«Поэтому мы считаем, что содержащийся под стражей гражданин, стремящийся обжаловать решение о признании его незаконным вражеским комбатантом, должен получить уведомление о фактах, на основе которых было вынесено решение, и иметь справедливую возможность опровергнуть утверждения правительства о фактах перед нейтральным лицом, принимающим решения [цитируется источник]. В течение более чем столетия центральное значение процессуально надлежащего процесса было ясно: стороны, права которых затронуты, имеют право быть выслушанными, и для того, чтобы они могли воспользоваться этим правом, они должны быть сначала извещены... Эти существенные конституционные гарантии не могут быть нарушены».

113. Комиссар по правам человека Совета Европы в пункте 21 своего доклада от 8 июня 2005 г. (см. выше § 104) и Совместный парламентский комитет по правам человека (см. выше § 100) в пункте 76 своего Двенадцатого отчета в рамках сессии 2005–2006 годов (HL Paper 122, HC915) испытывали трудности с признанием того, что разбирательство могло быть справедливым, если бы обвинение было основано на материалах, которые контролируемое лицо фактически не могло оспорить или опровергнуть.

ПРАВО

I. ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ НАРУШЕНИЯ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ И СТАТЬИ 13 КОНВЕНЦИИ, ВЗЯТОЙ ВО ВЗАИМОСВЯЗИ СО СТАТЬЕЙ 3 КОНВЕНЦИИ

114. Заявители утверждали, что их заключение под стражу в соответствии с частью 4 Закона 2001 года нарушало их права по статье 3 Конвенции, которая гласит:

«Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию».

Кроме того, они жаловались на то, что им было отказано в эффективном средстве правовой защиты в отношении их жалоб на нарушение статьи 3 Конвенции, что нарушило статью 13 Конвенции, которая предусматривает:

«Каждый, чьи права и свободы, признанные в настоящей Конвенции, нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты в государственном органе, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве».

А. ДОВОДЫ СТОРОН

1. Заявители

115. Заявители подчеркивали, что каждый из них находился в Соединенном Королевстве, по-

сколькx им было отказано в возможности безопасного проживания в своей стране или где-либо еще. Первый заявитель был палестинцем, не имеющим гражданства, и ему некуда было выехать. Некоторые из заявителей подвергались пыткам до того, как они попали в Соединенное Королевство. В соответствии с Законом 2001 года они оказались в ситуации, когда им приходилось выбирать между невыносимыми, по их мнению, условиями содержания под стражей и риском обращения, которому они могли подвергнуться, если бы согласились на депортацию. Кроме того, их предыдущий опыт и ранее существовавшие проблемы с психическим и физическим здоровьем делали их особо уязвимыми пагубному влиянию произвольного содержания под стражей. Их тревогу усиливала дискриминация, которой они подверглись в связи с тем, что только иностранные граждане могли быть заключены под стражу на основании Закона 2001 года.

116. Строгий режим содержания под стражей в Белмаршской тюрьме и Бродмурской больнице был ненадлежащим и причиняющим вред их здоровью. Однако, что более важно, неопределенный характер содержания под стражей без прогнозируемого срока его окончания и его фактическая продолжительность причинили страдания, превышающие уровень, присущий содержанию под стражей. Эта ситуация усугублялась другими особенными аспектами режима, такими как гриф секретности на доказательствах, использованных против них. Тот факт, что безразличие властей к ситуации заявителей было санкционировано актом парламента, не смягчал их страдания.

117. В совокупности эти факторы причинили заявителям глубокие страдания. Медицинские доказательства, доклады ЕКПП и заключение группы консультантов-психиатров (см. выше §§ 101 и 76) демонстрировали, что режим содержания под стражей также вредил или подвергал серьезному риску причинения вреда каждого из заявителей, а в случае первого, пятого, седьмого и десятого заявителей причиненный вред был значительным.

118. Заявители утверждали, что полномочия СИАК по освобождению под залог фактически не действовали в течение периода их содержания под стражей: во-первых, поскольку объем данного средства правовой защиты был неясен с точки зрения юрисдикционных процедур, во-вторых, потому, что данная процедура осуществлялась с задержкой, в-третьих, так как критерии, которым должно соответствовать лицо для освобождения под залог, были слишком высоки. Лицо, ходатайствующее об освобождении под залог, должно было доказать факт наличия «непреодолимой вероятности» того, что продление срока его содержания под стражей приведет к такому ухудшению его физического или психического состояния, что будет нарушена статья 3 Конвенции, запрещающая бесчеловечное или унижающее достоинство обращение. Юрисдикция

описывалась как «исключительная», и требовалось наличие «чрезвычайных обстоятельств». Однако даже в этом случае единственным вариантом была замена содержания под стражей на домашний арест (см. выше § 78).

2. Власти Соединенного Королевства

119. Власти Соединенного Королевства отрицали, что права заявителей, гарантированные статьей 3 Конвенции, были нарушены. Они подчеркивали, что СИАК и апелляционный суд отклонили жалобы заявителей на нарушение статьи 3 Конвенции, а Палата лордов не считала необходимым рассматривать их (см. выше §§ 15, 16 и 22).

120. Заключение под стражу без предъявления обвинений само по себе не противоречило статье 3 Конвенции и во многих случаях допускалось пунктом 1 статьи 5 Конвенции. Срок содержания под стражей был неопределенным, но не безграничным. Законодательство действовало лишь пять лет и ежегодно должно было продлеваться обеими палатами парламента. Заключение под стражу каждого заявителя зависело от индивидуальных обстоятельств, продолжавших оправдывать такое заключение, в том числе от уровня угрозы, представляемой для национальной безопасности конкретным заявителем, и возможности депортировать его в безопасную страну, и решение о заключении под стражу пересматривалось СИАК каждые полгода. Каждый заявитель был проинформирован о причинах, по которым он был признан подозреваемым, и каждому из них было предоставлено столько доказательств, послуживших основаниями для подозрений, насколько это было возможно, и обеспечена настолько справедливая процедура для оспаривания оснований заключения под стражу, которая представлялась разумной. Кроме того, СИАК в случае необходимости могла освободить заявителей под залог. Следовательно, заявители не содержались под стражей без надежды на освобождение: напротив, у них имелась возможность ходатайствовать об освобождении, а также суд в обязательном порядке пересматривал дело, что обеспечивало законность и соразмерность их содержания под стражей при любых обстоятельствах. Также заявители могли свободно покинуть Соединенное Королевство, что и сделали второй и четвертый заявители.

121. Заявители были признаны представляющими серьезную угрозу для национальной безопасности и, соответственно, содержались под стражей в условиях строгого режима, которые не являлись бесчеловечными или унижающими достоинство. Каждому из них была обеспечена надлежащая помощь в лечении физических и психических проблем со здоровьем, и при определении того, где они должны были содержаться, и не следовало ли их освободить под залог, учитывались

индивидуальные обстоятельства каждого заявителя. В Вудхиллской тюрьме был создан специальный блок, которым заявители отказались воспользоваться (см. выше § 71).

122. В той мере, в которой заявители ссылались на индивидуальные условия их содержания под стражей и на свои личные обстоятельства, они не исчерпали внутригосударственные средства правовой защиты, поскольку они не предприняли каких-либо попыток для необходимого в таких случаях обжалования. Любая конкретная жалоба на условия содержания под стражей могла быть рассмотрена в отдельном процессе. Тюремная администрация была обязана соблюдать требования Закона 1998 года (см. выше § 94), статья 6(1) которого требовала от нее соблюдать права лиц, содержащихся под стражей, гарантированные статьей 3 Конвенции. В той мере, в которой жалобы заявителей на нарушение статьи 3 Конвенции были основаны на неопределенном характере их содержания под стражей, это было предусмотрено базовыми законодательными нормами (часть 4 Закона 2001 года), и статья 13 Конвенции не подразумевала права на обжалование в суде государства – участника Конвенции осознанного выбора, сделанного законодателем.

В. МНЕНИЕ БОЛЬШОЙ ПАЛАТЫ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА

1. Приемлемость жалобы для рассмотрения по существу

123. Европейский Суд отметил, что второй заявитель 19 декабря 2001 г. был заключен под стражу в соответствии с частью 4 Закона 2001 года, а также что он был освобожден 22 декабря 2001 г., после его решения о добровольном возвращении в Марокко (см. выше § 35). Поскольку он содержался под стражей всего несколько дней и что не существует доказательств того, что в это время он испытывал какие-либо лишения сверх тех, которые являются обычными для содержания под стражей, его жалоба на нарушение статьи 3 Конвенции является явно необоснованной по смыслу пункта 3 статьи 35 Конвенции.

В связи с тем, что статья 13 Конвенции требует предоставления внутригосударственного средства правовой защиты по «способным быть доказанным жалобам» на нарушение Конвенции (см., например, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Рамирес Санчес против Франции» (*Ramirez Sanchez v. France*), жалоба № 59450/00, § 157, *ECHR* 2006-IX), жалоба второго заявителя на нарушение статьи 13 Конвенции также является явно необоснованной.

Таким образом, обе жалобы второго заявителя должны быть объявлены неприемлемыми для рассмотрения по существу.

124. Европейский Суд обращает внимание на довод властей Соединенного Королевства о том, что Закон 1998 года предоставлял заявителям средство правовой защиты, которым они не воспользовались. Однако в связи с тем, что жалоба на нарушение статьи 13 Конвенции была связана с тем, что средства правовой защиты, имевшиеся в распоряжении заявителей для защиты от нарушения статьи 3 Конвенции, были неэффективными, Европейский Суд считает, что необходимо одновременно рассмотреть возражение властей Соединенного Королевства о неисчерпании средств защиты с жалобами на нарушение статей 3 и 13 Конвенции по существу.

125. Европейский Суд приходит к выводу, что за исключением жалобы второго заявителя жалобы остальных заявителей на нарушение статей 3 и 13 Конвенции затрагивали сложные вопросы права и факта, рассмотрение которых должно зависеть от изучения дела по существу. Следовательно, данная часть жалобы не является явно необоснованной по смыслу пункта 3 статьи 35 Конвенции. Поскольку не установлено иных оснований неприемлемости, данная часть жалобы должна быть объявлена приемлемой для рассмотрения по существу.

2. Существо жалобы

(а) Общие принципы

126. Европейский Суд хорошо понимает трудности, с которыми сталкиваются государства при защите своих жителей от террористического насилия. Тем важнее подчеркнуть, что статья 3 Конвенции закрепляет одну из фундаментальных ценностей демократических обществ. В отличие от большинства материальных положений Конвенции и Протоколов №№ 1 и 4 к ней, статья 3 Конвенции не предусматривает изъятий и отступлений на основании пункта 2 статьи 15 Конвенции, несмотря на существование чрезвычайного положения в государстве, угрожающего жизни нации. Даже в самых сложных обстоятельствах, таких как борьба с терроризмом, и независимо от поведения соответствующего лица Конвенция запрещает в абсолютных выражениях пытки и бесчеловечное или унижающее достоинство обращение и наказание (см. упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Рамирес Санчес против Франции» (*Ramirez Sanchez v. France*), §§ 115–116).

127. Ненадлежащее обращение должно достигать минимального уровня суровости, чтобы попадать в сферу действия статьи 3 Конвенции. Оценка этого минимума зависит от всех обстоятельств дела, таких как продолжительность обращения, его физические или психические последствия и в некоторых случаях от пола, возраста и состояния здоровья потерпевшего (см. Постановление Большой

Палаты Европейского Суда по делу «Кафкарис против Кипра» (*Kafkaris v. Cyprus*), жалоба № 21906/04, § 95, *ECHR* 2008). Европейский Суд считал обращение «бесчеловечным», *inter alia*, если оно было преднамеренным, продолжалось несколько часов подряд и причинило либо реальные телесные повреждения, либо сильные физические или психические страдания. Европейский Суд признавал обращение «унижающим достоинство», если оно заставляло потерпевшего испытывать страх, беспокойство и чувство неполноценности, способные унижить или оскорбить его (см. среди прочих примеров Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Кудла против Польши» (*Kudła v. Poland*), жалоба № 30210/96, § 92, *ECHR* 2000-XI). При рассмотрении вопроса о том, было ли наказание или обращение «унижающим достоинство» по смыслу статьи 3 Конвенции, Европейский Суд учитывает, не было ли цели унижить и оскорбить соответствующее лицо, и в той мере, в которой речь идет о последствиях, не отразились ли они негативным образом на его личности в нарушение статьи 3 Конвенции. Однако отсутствие такой цели не может окончательно исключить вывод о нарушении статьи 3 Конвенции. Для того, чтобы наказание или обращение, связанное с ним, были «бесчеловечными» или «унижающими достоинство», страдания или унижения, причиняемые ими, должны превышать неизбежный уровень страданий или унижения, связанных с указанной формой легитимного обращения или наказания (см. упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Рамирес Санчес против Франции» (*Ramirez Sanchez v. France*), §§ 118–119).

128. Когда лицо лишается свободы, государство должно обеспечить содержание этого лица под стражей в таких условиях, в которых бы уважалось его человеческое достоинство, и наказание исполнялось такими способами и методами, при которых это лицо не испытывает моральных страданий и лишений, превышающих неизбежный уровень страданий, присущий содержанию под стражей (см. упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Кудла против Польши» (*Kudła v. Poland*), §§ 92–94). Хотя статья 3 Конвенции не может толковаться как устанавливающее общее обязательство освобождать заключенных по состоянию здоровья, она, тем не менее, возлагает на государство обязательство защищать физическое и психическое благополучие лиц, лишенных свободы, например, предоставляя им требуемую медицинскую помощь (см. Постановление Европейского Суда по делу «Хуртадо против Швейцарии» (*Hurtado v. Switzerland*) от 28 января 1994 г., Series A, № 280-A (мнение Европейской комиссии), § 79, Постановление Европейского Суда по делу «Муизель против Франции» (*Mouisel v. France*), жалоба № 67263/01, § 40, *ECHR* 2002-IX,

Постановление Европейского Суда по делу «Аэртс против Бельгии» (*Aerts v. Belgium*) от 30 июля 1998 г., § 66, *Reports* 1998-V, Постановление Европейского Суда по делу «Кинэн против Соединенного Королевства» (*Keenan v. United Kingdom*), жалоба № 27229/95, § 111, *ECHR* 2001-III). При оценке условий содержания под стражей следует учитывать совокупный эффект данных условий, а также отдельные утверждения заявителей (см. упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Рамирес Санчес против Франции» (*Ramirez Sanchez v. France*), § 119). Назначение взрослому человеку пожизненного лишения свободы без возможности сокращения срока, без шансов на освобождение, может вызвать вопросы о нарушении статьи 3 Конвенции, однако если законодательство государства – участника Конвенции обеспечивает возможность пересмотра приговора с целью его отмены, замены или смягчения или условно-досрочное освобождение заключенного, этого может быть достаточно (см. упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Кафкарис против Кипра» (*Kafkaris v. Cyprus*), §§ 97–98).

(b) Применение вышеизложенных принципов в настоящем деле

129. Европейский Суд отмечает, что трое заявителей содержались под стражей примерно три года и три месяца, а остальные – гораздо меньше. Большую часть периода заключения заявители не могли предвидеть, когда они будут освобождены и будут ли вообще свободны. Они ссылались на выводы, содержащиеся в совместном психиатрическом заключении, и утверждали, что неопределенный срок содержания под стражей причинил каждому из них либо усугубил, серьезные проблемы с психическим здоровьем. Власти Соединенного Королевства оспорили данный вывод и сослались на заключение доктора J., в котором была подвергнута критике методология составителей совместного заключения (см. выше §§ 76–77).

130. Европейский Суд полагает, что неопределенность ситуации заявителей и страх бесконечного содержания под стражей, несомненно, должны были вызывать у них сильную тревогу и страдания, как и фактически любому заключенному, находящемуся в их положении. Кроме того, вероятно, стресс был достаточно серьезен и длителен, чтобы отразиться на психическом здоровье некоторых заявителей. Это один из факторов, который должен был принят во внимание Европейским Судом при оценке того, были ли достигнуты пределы применения статьи 3 Конвенции.

131. Однако нельзя утверждать, что заявители не имели каких-либо перспектив или надежды на освобождение (см. упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского

Суда по делу «Кафкарис против Кипра» (*Kafkaris v. Cyprus*), § 98). В частности, они могли обжаловать законность оснований для их заключения под стражу согласно Закону 2001 года, и им удалось выиграть дело в СИАК 30 июля 2002 г. и в Палате лордов 16 декабря 2004 г. Кроме того, каждый заявитель мог подать индивидуальную жалобу на решение о признании его подозреваемым, и от СИАК законом требовалось каждые полгода пересматривать вопрос о продлении срока их содержания под стражей. В связи с этим Европейский Суд не считал, что положение заявителей можно было сравнить с положением лица, приговоренного к пожизненному лишению свободы, срок которого не мог быть уменьшен, как в упомянутом выше Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Кафкарис против Кипра» (*Kafkaris v. Cyprus*), чтобы можно было ставить вопрос о нарушении статьи 3 Конвенции.

132. Далее заявители утверждали, что условия их содержания под стражей вносили свой вклад в невыносимый уровень страданий. В этом отношении Европейский Суд отмечает, что в совместном психиатрическом заключении также содержалась критика пенитенциарной системы здравоохранения и делался вывод о том, что сложные проблемы со здоровьем заявителей решались неадекватным образом. Эти опасения подтвердил ЕКПП, который подробно описал условия содержания под стражей и сделал вывод о том, что для некоторых заявителей «их положение во время посещения могло быть приравнено к бесчеловечному и унижающему достоинство обращению». Власти Соединенного Королевства решительно не согласились с этой критикой в своем ответе на доклад ЕКПП (см. выше §§ 101–102).

133. Европейский Суд отмечает, что у каждого заключенного заявителя в распоряжении имелись средства правовой защиты, предоставляемые административным и гражданским законодательством всем заключенным для обжалования условий содержания под стражей, в том числе в отношении любых случаев неадекватного предоставления медицинской помощи. Заявители не пытались воспользоваться этими средствами правовой защиты и поэтому не выполнили требование, установленное статьей 35 Конвенции, по исчерпанию внутренних государственных средств правовой защиты. Следовательно, Европейский Суд не может рассматривать жалобы заявителей на условия их содержания под стражей, вследствие чего Европейский Суд не может принимать во внимание условия содержания под стражей при проведении общей оценки лечения заявителей для целей статьи 3 Конвенции.

134. С учетом вышеприведенных обстоятельств Европейский Суд решил, что содержание заявителей под стражей не достигало высокого уровня бесчеловечного и унижающего достоинство обращения.

135. Заявители также жаловались на то, что они не располагали эффективными средствами правовой защиты в отношении жалобы на нарушение статьи 3 Конвенции, что нарушало статью 13 Конвенции. В этой связи Европейский Суд повторяет сформулированный выше вывод о том, что в распоряжении заявителей имелись административно- и гражданско-правовые средства защиты на случай, если бы они захотели подать жалобу на условия их содержания под стражей. Что касается фундаментального аспекта жалоб (что сам характер оснований заключения под стражу, содержащихся в части 4 Закона 2001 года, нарушал статью 3 Конвенции), Европейский Суд напоминает, что статья 13 Конвенции не гарантировала предоставление средства правовой защиты, которое позволило бы оспорить в органе власти государства – участника Конвенции фундаментальное законодательство на том основании, что оно противоречит Конвенции (см. Постановление Европейского Суда по делу «Джеймс и другие против Соединенного Королевства» (*James and Others v. United Kingdom*) от 21 февраля 1986 г., § 85, Series A, № 98, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Роуч против Соединенного Королевства» (*Roche v. United Kingdom*), жалоба № 32555/96, § 137, *ECHR* 2005-X).

136. На основании вышеизложенного Европейский Суд приходит к выводу об отсутствии нарушения статьи 3 Конвенции, взятой отдельно или во взаимосвязи со статьей 13 Конвенции.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ ПУНКТА 1 СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ

137. Заявители утверждали, что их содержание под стражей было незаконным и не соответствовало пункту 1 статьи 5 Конвенции.

138. В своих первых письменных замечаниях, представленных после сообщения Палатой Европейского Суда о поступлении жалобы, власти Соединенного Королевства указали, что они не стали бы затрагивать вопрос об отступлении от соблюдения обязательств на основании статьи 15 Конвенции для целей защиты в отношении жалобы на нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции, но будут считать данный вопрос решенным против них Палатой лордов. Вместо этого власти Соединенного Королевства хотели сфокусироваться на том, что заявители содержались под стражей на законных основаниях с целью депортации по смыслу подпункта «f» пункта 1 статьи 5 Конвенции.

Однако в своих письменных замечаниях, представленных в Большую Палату Европейского Суда 11 февраля 2008 г., власти Соединенного Королевства впервые указали, что хотят придерживаться позиции, согласно которой содержание заявителей под стражей ни в коем случае не влек-

ло нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции, потому что отступление Соединенного Королевства от соблюдения обязательств на основании статьи 15 Конвенции было правомерным.

139. Пункт 1 статьи 5 Конвенции в частях, относящихся к настоящему делу, предусматривает следующее:

«1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы иначе как в следующих случаях и в порядке, установленном законом:

...(f) законное задержание или заключение под стражу лица с целью предотвращения его незаконного въезда в страну или лица, против которого принимаются меры по его высылке или выдаче».

Статья 15 Конвенции гласит:

«1. В случае войны или при иных чрезвычайных обстоятельствах, угрожающих жизни нации, любая из Высоких Договаривающихся Сторон может принимать меры в отступление от ее обязательств по настоящей Конвенции только в той степени, в какой это обусловлено чрезвычайностью обстоятельств, при условии, что такие меры не противоречат другим ее обязательствам по международному праву.

2. Это положение не может служить основанием для какого бы то ни было отступления от положений статьи 2, за исключением случаев гибели людей в результате правомерных военных действий, или от положений статьи 3, пункта 1 статьи 4 и статьи 7.

3. Любая из Высоких Договаривающихся Сторон, использующая это право отступления, исчерпывающим образом информирует Генерального секретаря Совета Европы о введенных ею мерах и о причинах их принятия. Она также ставит в известность Генерального секретаря Совета Европы о дате прекращения действия таких мер и возобновлении осуществления положений Конвенции в полном объеме».

А. ДОВОДЫ СТОРОН

1. Заявители

140. Заявители возразили, что в судах Соединенного Королевства власти государства-ответчика не пытались акцентировать внимание на том, что заявители содержались под стражей как «лица, против которых приняты меры с целью депортации или экстрадиции», а вместо этого ссылались на факт отступления от соблюдения обязательств на основании статьи 15 Конвенции. При данных обстоятельствах заявители утверждали, что являлось злоупотреблением и противоречило принципу субсидиарности то, что власти Соединенного Королевства выдвинули новый довод в Европейском Суде, в связи с чем следовало запретить им делать это.

141. В случае, если Европейский Суд признает, что он может поддержать довод властей

Соединенного Королевства, заявители подчеркнули, что гарантия, содержащаяся в статье 5 Конвенции, имела фундаментальное значение, и любые исключения следовало толковать очень строго. Когда, как в их случаях, депортация была невозможна из-за риска быть подвергнутыми в принимающей стране обращению, противоречащему статье 3 Конвенции, подпункт «f» пункта 1 статьи 5 Конвенции не допускает заключение под стражу, независимо от того, представляет ли человек опасность для национальной безопасности. Простой периодический пересмотр возможности депортации не являлся «мерой, принимаемой с целью депортации». Данная мера независимо от существующей в настоящее время процедуры депортации могла лишь сделать депортацию возможной в будущем. Содержание под стражей в соответствии с такой неясной и неопределенной «мерой» было бы произволом. Кроме того, было очевидно, что в периоды, когда жалобы заявителей рассматривались СИАК (июль 2002 года – октябрь 2003 года), позиция властей Соединенного Королевства состояла в том, что их нельзя было депортировать в соответствии со статьей 3 Конвенции и что не следовало инициировать никаких переговоров с целью депортации с предполагаемыми принимающими государствами. Следовательно, фактически власти Соединенного Королевства не осуществляли «активно пересмотр» вопроса о возможности депортации заявителей.

142. Далее заявители утверждали, что со стороны властей Соединенного Королевства являлось злоупотреблением столь позднее обжалование (в Большой Палате Европейского Суда) решения Палаты лордов об отмене приказа об отступлении от соблюдения обязательства. По мнению заявителей, не соответствует статье 19 Конвенции и принципу субсидиарности ходатайство властей Соединенного Королевства, обращенное к Европейскому Суду о пересмотре предполагаемых фактических и правовых ошибок, допущенных судами Соединенного Королевства. Подход властей Соединенного Королевства при обжаловании выводов, сделанных Верховным судом Соединенного Королевства в отношении законодательства, которое парламент решил отменить, имел целью ограничить права человека, признанные законодательством государства-ответчика, и, соответственно, противоречил статье 53 Конвенции. В связи с тем, что законодательство было отменено, а заявление о дерогации отозвано, власти Соединенного Королевства в действительности пытались получить от Европейского Суда консультативное мнение, на которое потенциально можно было бы сослаться на более поздней стадии. Разрешение властям Соединенного Королевства действовать подобным образом значительно повлияло бы на право на подачу индивидуальной жалобы в соответствии со статьей 34 Конвенции, удерживая

заявителей от подачи жалоб из страха, что государства-ответчики будут пытаться оспаривать решения собственных верховных судов.

143. В случае, если бы Европейский Суд решил изучить вопрос о законности отступления от соблюдения обязательств, по мнению заявителей, властям государства-ответчика нельзя было разрешать ссылаться на доводы, которые они не выдвигали в судах Соединенного Королевства. Среди этих доводов, во-первых, утверждение о том, что было оправданным заключение под стражу неграждан, подозреваемых в терроризме, с нераспространением аналогичных мер на подданных в связи с заинтересованностью в культивировании лояльности подданных-мусульман и в том, чтобы не подвергать их угрозе заключения под стражу и риску радикализации, а, во-вторых, довод о том, что применение полномочий по заключению под стражу к иностранным гражданам освобождало правоприменительные ресурсы, позволяя сконцентрироваться на подданных Соединенного Королевства (см. ниже § 151). В связи с тем, что власти Соединенного Королевства пытались сослаться на эти оправдания для отступления от соблюдения обязательств, которые никогда не озвучивались в судах государства-ответчика, они просили Европейский Суд по сути выступить в качестве суда первой инстанции по крайне спорным вопросам.

144. Вместе с тем, если Европейский Суд решит изучить вопрос о законности отступления от соблюдения обязательств, не было причин особо уважительно относиться к выводам национальных судов по вопросу о том, имело ли место чрезвычайное положение по смыслу статьи 15 Конвенции. По утверждению заявителей, отсутствовали судебные прецеденты для признания того, что достаточно было страха совершения террористического акта, угроза которого не была признана неминуемой. Все примеры в практике конвенционных органов относились к случаям отступления от соблюдения обязательств в связи с борьбой с терроризмом, который совершенно очевидно поставил под угрозу всю инфраструктуру Северной Ирландии или юго-востока Турции. Органы власти государства-ответчика неправильно истолковали статью 15 Конвенции как позволяющую отступить от соблюдения обязательств тогда, когда угроза не была обязательно направлена на Соединенное Королевство, но на нации, которые были его союзниками.

145. В любом случае принятие части 4 Закона 2001 года и предусмотренных в ней полномочий по заключению под стражу иностранных граждан на неопределенный срок без предъявления обвинений, как отметила Палата лордов, не являлось «строго необходимым ввиду требований ситуации». Оспариваемые меры не были рационально связаны с необходимостью предотвратить террористическую атаку на Соединенное Королевство

и влекли к необоснованной дискриминации по признакам гражданства. СИАК, которая рассмотрела закрытые и открытые материалы по делу, сделала вывод, что имелось множество доказательств того, что подданные Соединенного Королевства представляли очень большую угрозу. Не существовало причин, по которым можно было бы признать, что фундаментальное право на свободу было менее важным для неграждан, чем для подданных Соединенного Королевства. Иностранцы пользовались правом на равное обращение вне контекста иммиграции и политической деятельности, что было признано в национальном, конвенционном и международном публичном праве. Имелись иные, менее агрессивные, меры, которые могли быть использованы для борьбы с угрозой, например, применение приказов о введении контроля, как было предусмотрено Законом 2005 года «О предупреждении терроризма», установление дополнительных составов преступления, позволяющих преследовать лиц, участвующих в подготовке к террористической деятельности, или снятие запрета на использование в уголовном процессе материалов, полученных путем перехвата сообщений.

2. Власти Соединенного Королевства

146. Власти Соединенного Королевства утверждали, что государства в соответствии с международным правом имеют фундаментальное право контролировать въезд, проживание и высылку иностранцев. Для обоснования вывода о том, что Договаривающиеся Государства намеревались при помощи Конвенции отказаться от своей возможности защищаться от опасности, создаваемой для национальной безопасности негражданами, требуется недвусмысленная формулировка. «Мера, принимаемая с целью депортации иностранца», являясь обычной формулировкой, охватывала ситуацию, когда Договаривающееся Государство хотело депортировать иностранца, активно рассматривало такую возможность и воздерживалось от такой меры ввиду непредвиденных и внешних обстоятельств. В упомянутом выше Постановлении Европейского Суда по делу «*Чахал против Соединенного Королевства*» (*Chahal v. United Kingdom*) период содержания под стражей, превышавший шесть лет, в том числе три года, в течение которых заявитель не мог быть выслан ввиду временной меры, запрошенной Европейской комиссией, был признан допустимым на основании подпункта «f» пункта 1 статьи 5 Конвенции.

147. Каждому заявителю было вручено уведомление о намерении его депортировать временно с принятием решения о признании его подозреваемым на основании Закона 2001 года. Второй и четвертый заявители предпочли уехать в Марокко и во Францию как можно быстрее,

в связи с чем в отношении них не мог возникнуть вопрос о нарушении пункта 1 статьи 5 Конвенции. Возможность депортации остальных заявителей активно рассматривалась в течение всего периода их содержания под стражей, в том числе отслеживалась ситуация в странах их происхождения. Кроме того, с конца 2003 года власти Соединенного Королевства вели переговоры с Алжиром и Иорданием о заключении договоров о взаимопомощи по вопросу о том, чтобы заявители, которые являлись гражданами этих стран, не подвергались ненадлежащему обращению в случае их возвращения.

148. Власти Соединенного Королевства ссылались на принцип справедливого баланса, который лежит в основе всей Конвенции, и пришли к выводу, что подпункт «f» пункта 1 статьи 5 Конвенции следовало толковать как требующий соблюдения баланса между интересами частного лица и интересами государства по защите населения от недоброжелательных иностранцев. Заключение под стражу устанавливало этот баланс путем достижения законной цели государства обеспечить защиту населения без принесения в жертву доминирующего интереса иностранца избежать возвращения туда, где он мог быть подвергнут пыткам или лишен жизни. Далее, справедливый баланс сохранялся путем предоставления иностранцу адекватных гарантий от произвольного применения полномочий по его заключению под стражу в случаях, касающихся национальной безопасности.

149. В качестве альтернативного варианта заключение заявителей под стражу не нарушало Конвенцию ввиду отступления от соблюдения обязательств на основании статьи 15 Конвенции. В рассматриваемое время существовало чрезвычайное положение, угрожавшее жизни нации. Такая оценка была подвергнута всестороннему анализу со стороны судов Соединенного Королевства. Подтверждающие доказательства, как открытые, так и закрытые, были подробно изучены СИАК, которая провела устные слушания, на которых был осуществлен перекрестный допрос свидетелей. СИАК единогласно поддержала позицию властей Соединенного Королевства так же, как и апелляционный суд и восемь из девяти судей Палаты лордов. С учетом пределов усмотрения, предоставленных национальным органам по данному вопросу, не было надлежащих оснований, по которым Европейский Суд мог прийти к иному выводу.

150. Власти Соединенного Королевства пояснили, что они относились с очень большим уважением к решению Палаты лордов и декларации о несответственности, а также что они отменили оспариваемое законодательство. Тем не менее, когда было принято решение о направлении дела в Большую Палату Европейского Суда, власти Соединенного Королевства решили, что необходимо было оспорить мотивировку и выводы Палаты лордов, учи-

тывая важное конституционное значение данного вопроса и потребность Договаривающихся Государств в получении четкого руководства от Большой Палаты Европейского Суда в отношении мер, которые они могли правомерно принимать для того, чтобы попытаться предотвратить реализацию террористической угрозы. Они утверждали, что Палата лордов ошиблась, когда отвела государству слишком узкие пределы усмотрения при оценке того, какие меры являлись строго необходимыми. В этой связи важно отметить, что часть 4 Закона 2001 года являлась не просто результатом выводов Правительства Соединенного Королевства, но также являлась предметом обсуждения в парламенте. Кроме того, суды Соединенного Королевства абстрактно изучили законодательство вместо того, чтобы рассмотреть конкретные обстоятельства заявителей, в том числе невозможность их высылки, угрозу, представляемую каждым из них для национальной безопасности, неадекватность усиленного наблюдения и иных контрольных мероприятий в отсутствие заключения под стражу, а также процессуальные гарантии, предоставленные каждому заявителю.

151. Наконец, вывод Палаты лордов был основан не на отклонении решения о необходимости заключения под стражу заявителей, а на отсутствии законодательных полномочий по заключению под стражу также подданных, которые представляли угрозу для национальной безопасности и подозревались в причастности к международному терроризму. Однако имелись веские причины для заключения под стражу только неграждан, и Конвенция прямо и косвенно признала, что в сфере иммиграции разрешалось проводить различие между гражданами и негражданами. Основной мерой, которую власти Соединенного Королевства хотели применить к заявителям, была депортация: данная мера допускалась против неграждан, но не граждан. Ошибочной была аналогия, проведенная Палатой лордов, между «иностранцами, [как заявители], которые не могут быть депортированы», и подданными Соединенного Королевства, которые не могут быть депортированы» в связи с тем, что заявителей во время их содержания под стражей нельзя было выслать так же, как и британского подданного. Кроме того, в рассматриваемое время, по оценке властей Соединенного Королевства, от неграждан исходила большая угроза, и государство при решении вопроса о чрезвычайном положении могло правомерно принимать меры постепенно и стремиться нейтрализовать сначала угрозу, которая воспринималась как более серьезная, тем самым освободив ресурсы для решения менее серьезной угрозы, исходящей от подданных Соединенного Королевства. Кроме того, было разумно, что государство учитывает чувствительность мусульманской части населения, дабы снизить шансы, что кто-либо из них будет привлечен на свою сторону экстремистами.

3. Третья сторона, организация «Либерти»

152. Организация «Либерти» (см. выше § 6) утверждала, что, не затронув в судах Соединенного Королевства вопрос о том, соответствовало ли заключение заявителей под стражу пункту 1 статьи 5 Конвенции, власти Соединенного Королевства лишили Европейский Суд возможности ознакомиться с мнением Палаты лордов и осуществлять действия, которые не были известны кому-либо из заявителей. В любом случае заключение под стражу не попадало под действие исключения, содержащегося в подпункте «f» пункта 1 статьи 5 Конвенции, поскольку часть 4 Закона 2001 года допускала неограниченный срок содержания под стражей и так как не было реальных ожиданий появления возможности депортировать заявителей в рассматриваемое время. Если власти Соединенного Королевства не имели возможности выслать заявителей из-за положений статьи 3 Конвенции, они не могли правомерно сослаться на интересы национальной безопасности как на основание для ослабления или изменения их прав, гарантированных статьей 5 Конвенции. Вместо этого следовало либо отступить от соблюдения обязательств по статье 5 Конвенции в пределах, строго требуемых ситуацией, либо преследовать соответствующих лиц по одному из огромного количества составов преступлений террористического характера, предусмотренных законодательством Соединенного Королевства, среди которых были явное членство в запрещенной организации, неупоминание властей о причастности к предполагаемой террористической деятельности, владение уличающими предметами и косвенное поощрение в совершении, приготовлении или подстрекательстве к совершению террористических актов (см. выше §§ 89 и 95).

В. МНЕНИЕ БОЛЬШОЙ ПАЛАТЫ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА

1. Пределы рассмотрения настоящей жалобы

153. Европейский Суд должен начать свой анализ с рассмотрения первого предварительного возражения заявителей о том, что следовало запретить властям Соединенного Королевства выдвигать доводы в защиту от жалоб на нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции, основанные на положениях подпункта «f» пункта 1 статьи 5 Конвенции, на том основании, что они не выдвигали их в судах Соединенного Королевства.

154. Европейский Суд является, как предполагается, субсидиарным органом по отношению к внутригосударственным системам защиты прав человека. Таким образом, необходимо, чтобы сначала суды государства – участника Конвенции имели возможность рассмотреть вопросы о соответствии

законодательства этого государства положениям Конвенции, а также чтобы в случае, если жалоба всё же впоследствии была подана в Европейский Суд, у последнего была возможность изучить мнения судов государства-ответчика, которые имеют прямой и длительный контакт с представителями своей страны (см. упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Бёден против Соединенного Королевства» (*Burden v. United Kingdom*), § 42). Таким образом, важно, чтобы аргументы, выдвигаемые властями государства-ответчика в судах своей страны, совпадали с доводами, представленными в Европейском Суде. В частности, власти государства-ответчика не могут заявлять в Европейском Суде аргументы, которые не соответствуют позиции, которую они заняли во внутригосударственных судах (см., *mutatis mutandis*, Постановление Европейского Суда по делу «Компания “Пайн Вэлли Девелопментс Лтд” и другие против Ирландии» (*Pine Valley Developments Ltd and Others v. Ireland*) от 29 ноября 1991 г., § 47, Series A, № 222, Постановление Европейского Суда по делу «Коломпар против Бельгии» (*Kolompar v. Belgium*) от 24 сентября 1992 г., §§ 31–32, Series A, № 235-C).

155. Однако Европейский Суд не считает, что власти Соединенного Королевства были лишены права сослаться на подпункт «f» пункта 1 статьи 5 Конвенции для оправдания заключения заявителей под стражу. Очевидно, что власти Соединенного Королевства оставили открытым вопрос о применении статьи 5 Конвенции в тексте приказа об отступлении от соблюдения обязательств и во время производства в связи с отступлением от соблюдения обязательств в его судах. Кроме того, большинство судей Палаты лордов либо прямо, либо косвенно рассмотрели вопрос о соответствии заключения под стражу положениям пункта 1 статьи 5 Конвенции прежде, чем оценивать законность отступления от соблюдения обязательств (см. выше § 17).

156. Далее заявители утверждали, что властям Соединенного Королевства не следовало позволять оспаривать в Европейском Суде вывод Палаты лордов о том, что приказ об отступлении от соблюдения обязательств был недействителен.

157. Настоящая ситуация, несомненно, необычна тем, что власти государства-ответчика, как правило, не прибегают к оспариванию и не видят необходимости в оспаривании решений собственных верховных судов в Европейском Суде. Однако ничто не запрещает государству-ответчику оспаривать их, особенно если они считают, что решение национального верховного суда создает проблемы в свете Конвенции и что требуются дальнейшие разъяснения от Европейского Суда.

158. В настоящем деле из-за того, что декларация о несоответствии Закону «О правах человека» не являлась обязательной для сторон процес-

са в судах Соединенного Королевства (см. выше § 94), успех заявителей в Палате лордов не привел к их немедленному освобождению или выплате им компенсации за незаконное содержание под стражей, вследствие чего им пришлось подать настоящую жалобу. Европейский Суд не считает, что существовали какие-либо принципиальные причины того, почему, учитывая, что заявители просили его рассмотреть вопрос о законности их содержания под стражей, власти Соединенного Королевства не должны были сейчас иметь возможность представить все имеющиеся у них доводы в свою защиту, даже если это может поставить под сомнение заключение Верховного суда Соединенного Королевства.

159. В связи с этим Европейский Суд отклонил оба предварительных возражения заявителей.

2. Приемлемость жалобы для рассмотрения по существу

160. Европейский Суд считает, что жалобы заявителей на нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции затрагивают сложные вопросы права и факта, рассмотрение которых должно зависеть от рассмотрения жалобы по существу. Следовательно, он приходит к выводу, что данная часть жалобы не является явно необоснованной по смыслу пункта 3 статьи 35 Конвенции. Поскольку иных оснований для признания жалобы неприемлемой не было представлено, она должна быть объявлена приемлемой для рассмотрения по существу.

3. Существо жалобы

161. Европейский Суд должен прежде всего выяснить, являлось ли заключение заявителей под стражу допустимым в соответствии с подпунктом «f» пункта 1 статьи 5 Конвенции, поскольку, если данный подпункт предоставляет защиту по жалобам на нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции, не будет необходимости рассматривать вопрос о том, был ли действительным приказ об отступлении от соблюдения обязательств (см. Постановление Европейского Суда по делу «Ирландия против Соединенного Королевства» (Ireland v. United Kingdom) от 18 января 1978 г., § 191, Series A, № 25).

(а) Были ли заявители законно заключены под стражу в соответствии с подпунктом «f» пункта 1 статьи 5 Конвенции

162. Статья 5 Конвенции закрепляет фундаментальное право человека, а именно право на защиту от произвольного вмешательства государства в его право на свободу (см. Постановление Европейского Суда по делу «Аксой против Турции» (Aksoy v. Turkey) от 18 декабря 1996 г., § 76, Reports

1996-VI). Формулировка статьи 5 Конвенции дает понять, что содержащиеся в ней гарантии применяются к «каждому» лицу.

163. В подпунктах «a»–«f» пункта 1 статьи 5 Конвенции содержится исчерпывающий перечень допустимых оснований для лишения свободы, и лишение свободы является незаконным, если оно не попадает под эти основания (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Саади против Соединенного Королевства» (Saadi v. United Kingdom), жалоба № 13229/03, § 43, ECHR 2008). Одно из исключений, содержащихся в подпункте «f», позволяет государству контролировать свободу иностранцев в иммиграционном контексте (см. *ibid.*, § 64). Власти Соединенного Королевства утверждали, что заключение заявителей под стражу было оправдано в соответствии со второй частью этого подпункта и что заявители содержались под стражей законно как лица, «в отношении которых принимаются меры с целью депортации или экстрадиции».

164. Подпункт «f» пункта 1 не требует, чтобы содержание под стражей считалось разумно необходимым, например, для предупреждения совершения лицом преступления или побега. Однако любое лишение свободы на основании второй части подпункта «f» пункта 1 статьи 5 Конвенции будет оправдано только до тех пор, пока продолжается процесс депортации или экстрадиции. Если такой процесс не осуществляется с надлежащей тщательностью, заключение под стражу перестает быть допустимым в соответствии с подпунктом «f» пункта 1 статьи 5 Конвенции (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Чахал против Соединенного Королевства» (Chahal v. United Kingdom), § 113). Также лишение свободы должно быть «законным». Когда речь идет о «законности» заключения под стражу, в том числе о том, был ли соблюден «порядок, установленный законом», Конвенция отсылает главным образом к внутригосударственному законодательству и закрепляет обязательство соблюдать материальные и процессуальные нормы национального законодательства. Тем не менее соблюдения внутригосударственного законодательства недостаточно: пункт 1 статьи 5 Конвенции дополнительно требует, чтобы любое лишение свободы соответствовало цели защиты лица от произвола. Фундаментальным является принцип, согласно которому произвольное заключение под стражу не может быть совместимо с пунктом 1 статьи 5 Конвенции, и понятие «произвол», содержащееся в пункте 1 статьи 5 Конвенции, выходит за рамки соответствия национальному законодательству, вследствие чего лишение свободы может быть законным согласно положениям внутригосударственного законодательства, но всё равно произвольным и, соответственно, противоречащим Конвенции (см. упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского

Суда по делу «Саади против Соединенного Королевства» (*Saadi v. United Kingdom*), § 67). Чтобы не быть признанным произвольным, заключение под стражу в соответствии с подпунктом «f» пункта 1 статьи 5 Конвенции должно быть осуществлено добросовестно, быть тесно связано с основанием заключения под стражу, на которое ссылались власти Соединенного Королевства, место и условия заключения под стражу должны быть надлежащими, и срок содержания под стражей не должен превышать разумно требуемый для этой цели (см., *mutatis mutandis*, упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Саади против Соединенного Королевства» (*Saadi v. United Kingdom*), § 74).

165. Первый, третий и шестой заявители были заключены под стражу на основании Закона 2001 года 19 декабря 2001 г., седьмой заявитель – 9 февраля 2002 г., восьмой заявитель – 23 октября 2002 г., девятый заявитель – 22 апреля 2002 г., десятый заявитель – 14 января 2003 г., одиннадцатый заявитель – 2 октября 2003 г. Ни один из этих заявителей не был освобожден вплоть до 10–11 марта 2005 г. Пятый заявитель содержался под стражей в период с 19 декабря 2001 г. по 22 апреля 2004 г., когда он был освобожден под залог с установлением для него строгих условий. Второй и четвертый заявители также были заключены под стражу 19 декабря 2001 г., но второй заявитель был освобожден 22 декабря 2001 г., приняв решение вернуться в Марокко, а четвертый заявитель был освобожден 13 марта 2002 г., решив вернуться во Францию. В течение всего срока заявители содержались под стражей в условиях строго режима в Белмаршской или Вудхиллской тюрьме либо в Бродмурской больнице. В связи с этим невозможно оспаривать тот факт, что они были лишены свободы по смыслу пункта 1 статьи 5 Конвенции (см. Постановление Европейского Суда по делу «Энгель и другие против Нидерландов» (*Engel and Others v. Netherlands*) от 8 июня 1976 г., Series A, № 22).

166. Заявители были иностранными гражданами, которых власти Соединенного Королевства депортировали бы со своей территории, если бы было возможно найти принимающее государство, в котором им не угрожала бы реальная опасность быть подвергнутыми обращению, противоречащему статье 3 Конвенции (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Саади против Италии» (*Saadi v. Italy*), жалоба № 37201/06, §§ 125 и 127, *ECHR* 2008). Хотя обязательства государства-ответчика по статье 3 Конвенции не разрешали выслать заявителей из Соединенного Королевства, министр, тем не менее, считал необходимым содержать их под стражей из соображений безопасности, поскольку он полагал, что их присутствие в стране представляло угрозу для национальной безопасности, и подозревал, что они причастны или были

причастны к совершению, приготовлению или подстрекательству к совершению актов международного терроризма и являлись членами, принадлежали или были связаны с международными террористическими группировками. Такое заключение под стражу было бы незаконным в соответствии с внутрисударственным законодательством до принятия части 4 Закона 2001 года, так как согласно судебному решению 1984 года по делу Хардиала Сингха (*Hardial Singh*) полномочия по заключению под стражу нельзя было осуществлять, если лицо, в отношении которого издан приказ о депортации, не могло быть депортировано в разумный срок (см. выше § 87). Таким образом, в уведомлении об отступлении от соблюдения обязательств, поданном на основании статьи 15 Конвенции, говорилось о том, что расширение полномочий требовалось для ареста и заключения под стражу иностранных граждан, «когда высылка или депортация были временно невозможны, вследствие чего в соответствии с действующим внутрисударственным законодательством заключение под стражу было бы незаконным» (см. выше § 11).

167. Следовательно, одним из главных предположений, лежащих в основе уведомления об отступлении от соблюдения обязательств, Законе 2001 года и решении о заключении под стражу заявителей, являлось то, что они не могли быть высланы или депортированы «в настоящее время» (см. выше §§ 11 и 90). За исключением второго и четвертого заявителей, не было доказательств того, что в период содержания заявителей под стражей имелись какие-либо реальные перспективы их высылки без того, чтобы они в результате подверглись реальному риску ненадлежащего обращения, противоречащего статье 3 Конвенции. Действительно, первый заявитель не имел гражданства, и власти Соединенного Королевства не предоставили доказательств того, что имелось какое-либо государство, желающее принять его. По-видимому, власти Соединенного Королевства не вели переговоров с властями Алжира или Иордании с целью получить заверения в том, что заявители, являвшиеся гражданами этих государств, не подвергнутся ненадлежащему обращению по возвращении, вплоть до конца 2003 года, и до августа 2005 года такие заверения не были получены (см. выше § 86). При данных обстоятельствах Европейский Суд не считает, что политика властей Соединенного Королевства по «активному рассмотрению» возможности депортации заявителей была достаточно определенной или детерминированной, чтобы быть приравненной к «мере, принимаемой с целью депортации».

168. Исключениями из этого заключения являются второй заявитель, содержащийся под стражей всего три дня, прежде чем он вернулся в Марокко, и четвертый заявитель, который поки-

нул Соединенное Королевство, уехав во Францию 13 марта 2002 г., то есть пробыв под стражей всего три месяца (см. выше §§ 35 и 41). Европейский Суд полагает, что относительно данных периодов заключения под стражу этих заявителей можно было разумно сказать, что в отношении них принимались меры с целью их депортации, так как, по-видимому, органы государственной власти всё еще находились на этой стадии в ходе установления их гражданства и выясняли, была ли возможна их высылка в страны происхождения или в иные страны (см. Постановление Европейского Суда по делу «Гебремедин [Габерамадиен] против Франции» (*Gebremedhin [Gaberamadhien] v. France*) от 26 апреля 2007 г., жалоба № 25389/05, § 74). Соответственно, пункт 1 статьи 5 Конвенции не был нарушен в отношении второго и четвертого заявителей.

169. Также верно, что даже заявители, которые содержались под стражей дольше всех, не содержались под стражей так же долго, как заявитель в упомянутом выше Постановлении Европейского Суда по делу «Чахал против Соединенного Королевства» (*Chahal v. United Kingdom*), в котором Европейский Суд не установил нарушения пункта 1 статьи 5 Конвенции, несмотря на более чем шестилетний срок лишения свободы. Однако в указанном деле как в органах власти государства-ответчика, так и в Европейском Суде в течение всего периода содержания под стражей активно и добросовестно продолжалось производство с целью установления того, законно ли и в соответствии ли со статьей 3 Конвенции было депортировать заявителя в Индию. Нельзя сказать того же о настоящем деле, в котором производство касалось преимущественно законности содержания под стражей.

170. При обстоятельствах настоящего дела нельзя считать, что первый, третий, с пятого по одиннадцатый заявители были лицами, «в отношении которых принимались меры с целью их депортации или экстрадиции». Поэтому их заключение под стражу не попадало под действие исключений права на свободу, содержащихся в подпункте «f» пункта 1 статьи 5 Конвенции. Это вывод, к которому прямо или косвенно пришли большинство судей Палаты лордов (см. выше § 17).

171. Вместо этого из формулировки уведомления об отступлении от соблюдения обязательств и части 4 Закона 2001 года ясно, что заявители были признаны подозреваемыми и заключены под стражу, поскольку они подозревались в причастности к международному терроризму и поэтому предполагалось, что их нахождение на свободе в Соединенном Королевстве представляло угрозу для национальной безопасности. Европейский Суд не соглашается с доводом властей Соединенного Королевства о том, что пункт 1 статьи 5 Конвенции позволяет установить баланс между правом частного лица на свободу и интересами государства

по защите населения от террористической угрозы. Данный довод не соответствует не только судебной практике Европейского Суда в соответствии с подпунктом «f» указанной статьи Конвенции, но и принципу, согласно которому подпункты «a»–«f» этой же статьи составляют исчерпывающий перечень исключений и что только узкое толкование данных исключений соответствует целям статьи 5 Конвенции. Если заключение под стражу не относится к сфере действия этих пунктов в том виде, в котором они толкуются Европейским Судом, нельзя сделать так, чтобы оно попадало под действие этих норм путем ссылки на необходимость установления баланса между интересами государства и заключенного.

172. Европейский Суд напоминает, что он неоднократно признавал интернирование и заключение под стражу в превентивных целях без предъявления обвинений не соответствующими фундаментальному праву на свободу, гарантированному пунктом 1 статьи 5 Конвенции, если отсутствует законное решение об отступлении от соблюдения обязательств по статье 15 Конвенции (см. Постановление Европейского Суда по делу «Лоулесс против Ирландии (№ 3)» (*Lawless v. Ireland*) (№ 3) от 1 июля 1961 г., §§ 13 и 14, Series A, № 3¹, а также упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Ирландия против Соединенного Королевства» (*Ireland v. United Kingdom*), §§ 194–196 и 212–213). Таким образом, Европейский Суд должен далее рассмотреть вопрос о том, было ли законным решение властей Соединенного Королевства об отступлении от соблюдения обязательств.

(b) Законно ли власти Соединенного Королевства отступили от соблюдения своих обязательств в соответствии с пунктом 1 статьи 5 Конвенции

(i) Мнение Большой Палаты Европейского Суда

173. Европейский Суд повторяет, что каждому Договаривающемуся Государству с его ответственностью за «жизнь нации» надлежало определить, угрожало ли жизни нации «чрезвычайное положение», и если да, то насколько далеко можно было зайти при попытке преодолеть его. По причине их прямого и длительного контакта с насущными потребностями органы государственной власти в принципе находятся в лучшем положении, чем международный судья, чтобы решить вопросы как о наличии такой чрезвычайной ситуации, так и о характере и пределах отступления от соблюдения обязательств, необходимых для предотвращения чрезвычайной ситуации. Соответственно, по данному вопросу следует

¹ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск «Права человека в карантине». 2020 (примеч. редактора).

оставить широкие пределы усмотрения внутригосударственным органам власти.

Тем не менее Договаривающиеся Государства не пользуются неограниченной свободой усмотрения. Европейскому Суду следовало рассмотреть вопрос о том, превысили ли государства, *inter alia*, «пределы, строго требуемые потребностями» кризиса. Таким образом, пределы усмотрения государства дополняются европейским надзором. При осуществлении этого надзора Европейский Суд должен уделять соответствующее внимание таким важным факторам, как характер прав, к которым относилось решение об отступлении от соблюдения обязательств, и обстоятельства, вызвавшие чрезвычайное положение, и срок чрезвычайного положения (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Ирландия против Соединенного Королевства» *Ireland v. United Kingdom*), § 207, Постановление Европейского Суда по делу «Брэнниган и Макбрайд против Соединенного Королевства» (*Brannigan and McBride v. United Kingdom*) от 26 мая 1993 г., § 43, Series A, № 258, упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Аксой против Турции» (*Aksoy v. Turkey*), § 68).

174. Предмет и цель, лежащие в основе Конвенции, в том виде, как они изложены в статье 1 Конвенции, состоят в том, что права и свободы должны быть гарантированы Договаривающимися Государствами в пределах их юрисдикции. Для механизма защиты, установленного Конвенцией, фундаментальное значение имеет тот факт, чтобы сами национальные системы обеспечивали компенсацию за нарушение положений Конвенции, а Европейский Суд осуществлял надзорные полномочия во исполнение принципа субсидиарности (см. Постановление Европейского Суда по делу «Z. и другие против Соединенного Королевства» (*Z. and Others v. United Kingdom*), жалоба № 29392/95, § 103, *ECHR* 2001-V). Кроме того, внутригосударственные суды являются частью «национальных органов», которым Европейский Суд предоставляет широкие пределы усмотрения в соответствии со статьей 15 Конвенции. В исключительных обстоятельствах настоящего дела, когда высший суд государства – участника Конвенции изучил вопросы, относящиеся к отступлению государства-ответчика от соблюдения обязательств, и сделал вывод о том, что в нем существовало чрезвычайное положение, угрожавшее жизни нации, и что меры, принятые в качестве реакции, строго говоря, не соответствовали потребностям ситуации, Европейский Суд приходит к выводу, что было бы оправдано сделать противоположный вывод только тогда, когда он будет убежден в том, что внутригосударственный суд неправильно истолковал или применил статью 15 Конвенции или прецедентную практику Европейского Суда по этой статье, либо сделал вывод, который был явно ненадлежащим.

(ii) Существовало ли «чрезвычайное положение в государстве, угрожающее жизни нации»

175. Заявители утверждали, что в государстве-ответчике не существовало чрезвычайной ситуации, угрожавшей жизни британской нации, по трем причинам: во-первых, чрезвычайная ситуация никогда не была ни действительной, ни неизбежной, во-вторых, она не имела временно-го характера, и, в-третьих, практика других государств, ни одно из которых не отступило от соблюдения обязательств по Конвенции, в совокупности с информированными мнениями иных национальных и международных органов, предполагала, что существование чрезвычайной ситуации в государстве не было установлено.

176. Европейский Суд напоминает, что в упомянутом выше Постановлении Европейского Суда по делу «Лоулесс против Ирландии (№ 3)» (*Lawless v. Ireland*) (№ 3) (§ 28) он признал, что в контексте статьи 5 Конвенции естественное и обычное значение слов «другое чрезвычайное положение в государстве, угрожающее жизни нации» было достаточно ясным и что они относились к «исключительной ситуации кризиса или чрезвычайного положения, которая затрагивает всё население и представляет угрозу для организованной жизни сообщества, из которого состоит государство». В «греческом деле» (*Greek Case* (1969) 12 YB1, § 153) Европейская комиссия по правам человека признала, что для того, чтобы оправдать отступление от соблюдения обязательств, чрезвычайное положение должно быть действительным или неизбежным, что оно должно затрагивать всю нацию таким образом, что продолжение организованной жизни общества находилось бы под угрозой и что кризис или опасность должны быть исключительными, вследствие чего нормальные меры или ограничения, предусмотренные Конвенцией для поддержания общественной безопасности, здоровья и порядка, были явно неадекватными. В упомянутом выше Постановлении Европейского Суда по делу «Ирландия против Соединенного Королевства» (*Ireland v. United Kingdom*) (§§ 205 и 212) стороны были согласны так же, как и Европейская комиссия и Европейский Суд, с тем, что требования статьи 15 Конвенции были соблюдены, поскольку терроризм несколько лет представлял собой «особо широкомасштабную и острую опасность для территориальной целостности Соединенного Королевства, учреждений шести стран и жителей провинций». Европейский Суд сделал аналогичные выводы в отношении ситуации с безопасностью в Северной Ирландии в упомянутом выше Постановлении Европейского Суда по делу «Брэнниган и Макбрайд против Соединенного Королевства» (*Brannigan and McBride v. United Kingdom*) и в Решении Европейского Суда по делу

«Маршалл против Соединенного Королевства» (Marshall v. United Kingdom) от 10 июля 2001 г., жалоба № 41571/98). В упомянутом выше Постановлении Европейского Суда по делу «Аксой против Турции» (Aksoy v. Turkey) Европейский Суд согласился с тем, что насилие, совершаемое курдскими сепаратистами, привело к «чрезвычайному положению» в Турции.

177. В судах Соединенного Королевства министр представил доказательства, подтверждавшие факт наличия угрозы совершения серьезных терактов, планируемых против Соединенного Королевства. Дополнительно в СИАК были представлены закрытые материалы. Все судьи на внутригосударственном уровне согласились с тем, что опасность была реальной (за исключением лорда Хоффманна, который не считал, что опасность по своему характеру представляла «угрозу для жизни нации», см. выше § 18). Хотя в тот момент, когда было принято решение об отступлении от соблюдения обязательства, «Аль-Каида» не осуществила на территории Соединенного Королевства ни одного террористического акта, Европейский Суд не посчитал, что внутригосударственные органы власти можно было критиковать с учетом имевшихся у них в рассматриваемое время доказательств за то, что они боялись, что подобный теракт был «неизбежен», так как подобное деяние могло быть совершено без предупреждения в любое время. Требование о неизбежности нельзя толковать так узко, как требование к государству дожидаться наступления катастрофы до того, как принять меры реагирования. Кроме того, опасность террористической атаки была реальной, как показали трагические взрывы и попытки взрывов в г. Лондоне в июле 2005 года. В связи с тем, что целью статьи 15 Конвенции было разрешить государствам принимать меры по отступлению от соблюдения обязательств для защиты своих жителей от будущих рисков, наличие угрозы для жизни нации следовало преимущественно оценивать на основе фактов, которые были известны во время отступления от соблюдения обязательств. Однако Европейскому Суду ничто не мешало принять во внимание информацию, которая появилась в дальнейшем (см., *mutatis mutandis*, Постановление Европейского Суда по делу «Вилвараджа и другие против Соединенного Королевства» (Vilvarajah and Others v. United Kingdom) от 30 октября 1991 г., § 107(2), Series A, № 215).

178. В то время как Комитет ООН по правам человека отметил, что меры по отступлению от соблюдения положений Международного пакта о гражданских и политических правах должны иметь «исключительный и временный характер» (см. выше § 109), прецедентная практика Европейского Суда никогда до сих пор не инкорпорировала требование о том, чтобы чрезвычайное положение было временным, хотя вопрос о соразмерности

реакции может быть связан со сроком действия чрезвычайного положения. Действительно вышеупомянутые дела, относящиеся к ситуации с безопасностью в Северной Ирландии, демонстрируют, что «чрезвычайное положение в государстве» по смыслу статьи 15 Конвенции может продолжаться много лет. Европейский Суд не считает, что меры по отступлению от соблюдения обязательств, принятые сразу после терактов, совершенных «Аль-Каидой» в Соединенных Штатах Америки, и рассматривавшиеся ежегодно парламентом, можно признать недействительными на том основании, что они не являлись «временными».

179. Довод заявителей о том, что жизнь нации не подвергалась угрозе, был основан большей частью на особом мнении лорда Хоффманна, который истолковал эту формулировку как требующую наличие угрозы для организованной жизни общества, превышающей степень угрозы причинения серьезного физического вреда и потери жизни. По его мнению, должна существовать угроза «нашим учреждениям власти или нашему существованию как гражданскому обществу» (см. выше § 18). Однако Европейский Суд в предыдущих делах был готов принять во внимание гораздо более широкий круг факторов при рассмотрении характера и степени действительной или неизбежной угрозы для «нации» и в прошлом делал вывод о наличии чрезвычайного положения даже в тех случаях, когда государственным учреждениям со стороны ничто не угрожало в пределах, рассмотренных лордом Хоффманном.

180. Как указано выше, национальные органы пользуются широкими пределами усмотрения в соответствии со статьей 15 Конвенции при оценке того, угрожало ли жизни нации чрезвычайное положение. Хотя и поразительно, что Соединенное Королевство является единственным государством – участником Конвенции, подавшим уведомление об отступлении от соблюдения обязательств в ответ на опасность, исходившую от «Аль-Каиды», хотя другим государствам также угрожала подобная опасность, Европейский Суд признает, что властям каждого государства как гаранту безопасности собственных жителей следовало осуществлять оценку угрозы на основании известных им фактов. Таким образом, следовало обратить внимание на позицию исполнительной и законодательной властей Соединенного Королевства по данному вопросу. Кроме того, следовало большое внимание уделить позициям внутригосударственных судов, которые находились в лучшем положении для того, чтобы оценивать доказательства, относившиеся к наличию чрезвычайного положения.

181. По первому вопросу Европейский Суд разделяет мнение большинства судей Палаты лордов о том, что в Соединенном Королевстве существовало чрезвычайное положение, угрожавшее жизни нации.

(iii) Были ли меры строго обусловлены чрезвычайностью обстоятельств

182. Статья 15 Конвенции предусматривает, что государства могут принимать меры в отступление от своих обязательств по указанной статье Конвенции «только в той степени, в какой это обусловлено чрезвычайностью обстоятельств». Как сказано ранее, Европейский Суд считает, что он в принципе должен был следовать решению Палаты лордов по вопросу о соразмерности содержания заявителей под стражей, если только не будет доказано, что внутригосударственный суд неправильно истолковал Конвенцию или практику Европейского Суда или сделал явно ненадлежащее заключение. Европейский Суд рассмотрел возражение властей Соединенного Королевства против выводов Палаты лордов в этом свете.

183. Власти Соединенного Королевства утверждали, во-первых, что большинство судей Палаты лордов должны были признать за исполнительными органами и парламентом гораздо более широкие пределы усмотрения по вопросу о том, было ли необходимо содержание заявителей под стражей. Аналогичный довод был выдвинут в Палате лордов, когда Генеральный атторней подчеркнул, что оценка того, что необходимо для защиты общества, должна была исходить от политиков, а не судей (см. выше § 19).

184. Когда Европейский Суд рассматривает случай отступления от обязательств на основании статьи 15 Конвенции, он признает за внутригосударственными органами широкие пределы усмотрения при решении вопроса о характере и объеме мер по отступлению от соблюдения обязательств, необходимых для предотвращения чрезвычайного положения. Тем не менее, в конечном счете, Европейский Суд определяет, были ли меры «строго необходимы». В частности, когда меры по отступлению от соблюдения обязательств посягают на фундаментальное право, гарантированное Конвенцией, такое как право на свободу, Европейский Суд должен быть убежден в том, что она является подлинным ответом на чрезвычайную ситуацию, что она всецело обоснована особой чрезвычайностью обстоятельств и что были обеспечены адекватные гарантии против злоупотреблений (см., например, упомянутые выше Постановления Европейского Суда по делам «Брэнниган и Макбрайд против Соединенного Королевства» (*Brannigan and McBride v. United Kingdom*), §§ 48–66, и «Аксой против Турции» (*Aksoy v. Turkey*), §§ 71–84, и принципы, указанные выше в § 173). Доктрина пределов усмотрения всегда использовалась в качестве инструмента для определения отношений между внутригосударственными органами и Европейским Судом. Она не может аналогичным образом применяться к отношениям между государственными органами

на национальном уровне. Как отметила Палата лордов, вопрос о соразмерности в итоге решается судом, особенно в деле, как настоящее, когда заявители были лишены возможности пользоваться своим фундаментальным правом на свободу в течение длительного времени. В любом случае, учитывая тщательность, с которой Палата лордов рассмотрела данные вопросы, нельзя сказать, что неадекватное значение было придано мнениям исполнительной власти или парламента.

185. Власти Соединенного Королевства также утверждали, что Палата лордов ошиблась, когда абстрактно изучила законодательство вместо того, чтобы рассмотреть конкретные ситуации заявителей. Однако, по мнению Европейского Суда, подход, применяемый в рамках статьи 15 Конвенции, обязательно должен быть сфокусирован на общей ситуации, существующей в соответствующей стране, в том смысле, что суд, национальный или международный, должен изучить меры, которые были приняты при отступлении от соблюдения обязательств в соответствии с Конвенцией, и оценить их на фоне характера угрозы, представляемой для нации чрезвычайным положением. Когда, как в настоящем деле, меры были признаны несоразмерными такой угрозе и дискриминационными, отсутствует необходимость далее рассматривать вопрос о том, как они были применены конкретно к каждому заявителю.

186. Третье основание для оспаривания решения Палаты лордов касалось в основном подхода, избранного Палатой лордов, которая сравнила неграждан и подданных Соединенного Королевства, подозреваемых в причастности к терроризму. Однако Европейский Суд считает, что Палата лордов правильно признала, что оспариваемые полномочия нельзя было рассматривать как иммиграционные меры, при применении которых является правомерным проведение различий между подданными Соединенного Королевства и негражданами, так как они касались национальной безопасности. Часть 4 Закона 2001 года была задумана для предотвращения реальной и неизбежной угрозы террористической атаки, которую, исходя из доказательств, представляли как подданные Соединенного Королевства, так и неграждане. Выбор правительством и парламентом меры иммиграционного характера для реагирования в отношении вопросов безопасности привел в том, что реакция на проблему не была адекватной, возложив несоразмерное и дискриминационное бремя содержания под стражей в течение неопределенного срока на одну группу лиц, подозреваемых в причастности к терроризму. Как признала Палата лордов, не было особой разницы в возможном негативном влиянии заключения под стражу без предъявления обвинений между подданными Соединенного Королевства и негражданами, которые практически не могли покинуть страну из-за страха быть подвергнутыми пыткам за рубежом.

187. Наконец, власти государства-ответчика выдвинули два довода, которые, по словам заявителей, они не поднимали в судах Соединенного Королевства. Действительно, по-видимому, ни в решениях внутригосударственных судов, ни в открытых материалах, представленных в Европейский Суд, не было упоминаний об этих доводах. При данных обстоятельствах, даже если предположить, что принцип subsidiarity не препятствует Европейскому Суду рассмотреть новые основания, в подтверждение этих доводов следовало представить убедительные доказательства.

188. Первый из новых доводов заключался в том, что государство, ограничивая пределы применения мер негражданами, вправе учитывать восприимчивость британских мусульман с целью уменьшить шансы на то, что они будут привлечены на свою сторону экстремистами. Однако власти Соединенного Королевства не представили в Европейский Суд никаких доказательств того, что британские мусульмане имели существенно больше шансов негативно отреагировать на содержание под стражей без предъявления им обвинений, как в отношении подданных Соединенного Королевства, чем на аналогичное содержание под стражей мусульман-иностранцев, на разумных основаниях подозреваемых в связях с «Аль-Каидой». В этом отношении Европейский Суд отмечает, что система приказов о введении контроля, предусмотренная Законом 2005 года «О предупреждении терроризма», не дискриминировала подозреваемых по признаку гражданства.

189. Второй из новых доводов состоит в том, что государство-ответчик могло бы лучше отреагировать на террористическую угрозу, если бы оно имело возможность содержать под стражей лиц, представляющих самый серьезный источник этой угрозы, а именно неграждан. В этой связи Европейскому Суду снова не было предоставлено доказательств, которые могли бы убедить его отменить вывод Палаты лордов о том, что разница в обращении не была оправдана. Действительно Европейский Суд отмечает, что национальные суды, включая СИАК, которые изучили открытые и закрытые материалы, не были убеждены в том, что угроза, исходившая от неграждан, была серьезней, чем угроза, исходившая от подданных Соединенного Королевства.

190. С учетом вышеизложенного Европейский Суд, как и Палата лордов, вопреки доводам властей Соединенного Королевства, приходит к выводу, что меры по отступлению от соблюдения обязательств были несоразмерными, так как они необоснованно дискриминировали неграждан по сравнению с подданными Соединенного Королевства. Следовательно, имело место нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции в отношении первого, третьего заявителей, а также с пятого по одиннадцатый.

III. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ ПУНКТА 1 СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ, ВЗЯТОГО ВО ВЗАИМОСВЯЗИ СО СТАТЬЕЙ 14 КОНВЕНЦИИ

191. Заявители жаловались на то, что дискриминацией, нарушающей статью 14 Конвенции, явилось их заключение под стражу в то время, как подданные Соединенного Королевства, подозреваемые в причастности к «Аль-Каиде», оставались на свободе.

Статья 14 Конвенции гласит:

«Пользование правами и свободами, признанными в настоящей Конвенции, должно быть обеспечено без какой бы то ни было дискриминации по признаку пола, расы, цвета кожи, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, принадлежности к национальным меньшинствам, имущественного положения, рождения или по любым иным признакам».

192. Принимая во внимание вышеприведенные доводы и заключения, сделанные в отношении вопроса о нарушении пункта 1 статьи 5 Конвенции, взятого в отдельности, Европейский Суд не усматривает необходимости отдельно рассматривать эти жалобы.

IV. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ ПУНКТА 4 СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ

193. Заявители утверждали, что процедура обжалования в судах Соединенного Королевства факта их заключения под стражу не соответствовала требованиям пункта 4 статьи 5 Конвенции, который гласит:

«Каждый, кто лишен свободы в результате ареста или заключения под стражу, имеет право на безотлагательное рассмотрение судом правомочности его заключения под стражу и на освобождение, если его заключение под стражу признано судом незаконным».

Власти Соединенного Королевства считали, что пункт 4 статьи 5 Конвенции не был нарушен.

А. ДОВОДЫ СТОРОН

1. Заявители

194. Заявители выдвинули два основных довода по пункту 4 статьи 5 Конвенции. Во-первых, они подчеркивали, хотя они могли свободно обратиться в СИАК, апелляционный суд или Палату лордов с жалобой на то, что их заключение под стражу на основании части 4 Закона 2001 года было незаконным в соответствии с Конвенцией, единственным средством правовой защиты, которого им удалось добиться, была декларация о несоответствии положениям Закона 1998 года. Эта декларация не имела обязательной силы для властей Соединенного

Королевства, и содержание под стражей оставалось законным до тех пор, пока парламент не внес изменения в соответствующее законодательство. Таким образом, не было суда, который мог бы освободить их, что нарушало пункт 4 статьи 5 Конвенции.

195. Во-вторых, заявители жаловались на процедуру рассмотрения жалоб в СИАК в соответствии со статьей 25 Закона 2001 года (см. выше § 91) и в особенности на то, что доказательства не были раскрыты никому, кроме специальных адвокатов, с которыми заключенному не разрешалось консультироваться. По их мнению, пункт 4 статьи 5 Конвенции предусматривал гарантии справедливого разбирательства, закрепленные в пункте 1 статьи 6 Конвенции, соразмерно тяжести рассматриваемого вопроса. В то время как в некоторых обстоятельствах суду может быть разрешено принять решение о неразглашении соответствующих доказательств конкретному лицу из соображений национальной безопасности, никогда суд, оценивающий правомерность заключения под стражу, не может ссылаться на такие материалы, если они имеют решающее значение для дела заключенного и если они не были раскрыты даже по сути или в краткой форме в достаточной мере, позволяющей этому лицу знать, в чем оно подозревается, и отвечать на эти подозрения. При рассмотрении всех жалоб заявителей, за исключением жалобы десятого заявителя, СИАК ссылалась на закрытые материалы и признала, что заявители были тем самым поставлены в неблагоприятное положение.

2. Власти Соединенного Королевства

196. Власти Соединенного Королевства утверждали, что пункт 4 статьи 5 Конвенции следовало понимать в свете сложившейся прецедентной практики Европейского Суда в соответствии со статьей 13 Конвенции, по отношению к которой он был специальной нормой, применяющейся к случаям заключения под стражу, согласно которой общеобязательное законодательство не могло быть оспорено в суде государства-ответчика. Данный принцип в совокупности с системой деклараций о несоответствии положениям Закона «О правах человека» отражал демократическую ценность верховенства избранного парламента.

197. Что касается второго довода заявителей, власти Соединенного Королевства утверждали, что имелся законный государственный интерес в неразглашении закрытых материалов. Право на ознакомление с доказательствами, предусмотренное статьей 6 Конвенции, а также пунктом 4 статьи 5 Конвенции, не являлось абсолютным. В практике Европейского Суда с момента вынесения упомянутого выше Постановления по делу «Чахал против Соединенного Королевства» (*Chahal v. United Kingdom*) до настоящего времени содержалась некоторая поддержка процедуры с участи-

ем специального адвоката в особо чувствительных сферах. Кроме того, в случае каждого заявителя открытые материалы обеспечивали достаточный объем информации о подозрениях, чтобы он мог подготовить эффективную защиту.

3. Третья сторона, организация «Правосудие»

198. Организация «Правосудие» (см. выше § 6) информировала Европейский Суд о том, что в то время, когда СИАК была создана Законом 1997 года «О Специальной иммиграционной апелляционной комиссии», использование закрытых материалов и участие специальных адвокатов в ходе разбирательства в СИАК считалось основанным на тех же правилах процесса, что использовались в Канаде при рассмотрении дел в Комитете по безопасности и разведке (*Security Intelligence Review Committee*, далее – КБР), когда он решал, была ли обоснована высылка постоянно проживающего иностранного гражданина по соображениям национальной безопасности. Однако хотя разбирательство в КБР предусматривало участие внутреннего представителя, имеющего доступ к секретным материалам, в слушаниях *ex parte* и *in camera* с целью представления интересов жалующегося лица оно существенно отличалось от модели СИАК, особенно тем, что оно допускало контакты специального адвоката с жалующимся лицом и его адвокатами в течение всего процесса и даже после того, как специальный адвокат был проинформирован в полном объеме о секретной информации, подтверждающей вину жалующегося лица.

199. Напротив, процедуры СИАК, включающие использование закрытых материалов и участие специальных адвокатов, подвергались сильной критике, в том числе от Апелляционного комитета Палаты лордов, Комитета по конституционным делам Палаты общин (*House of Commons Constitutional Affairs Committee*), Совместного парламентского комитета по правам человека, Комитета Сената Канады по применению Закона «О борьбе с терроризмом» (*Canadian Senate Committee on the Anti-Terrorism Act*), а также Комиссара Совета Европы по правам человека. После вынесения Палатой лордов решения в декабре 2004 года, которым часть 4 Закона 2001 года была признана несоответствующей статьям 5 и 14 Конвенции, Комитет по конституционным делам Палаты общин начал расследование в отношении деятельности СИАК и применения ею института специальных адвокатов. Среди доказательств, полученных этим комитетом, было заявление девяти из 13 действующих специальных адвокатов. В этом заявлении специальные адвокаты подчеркнули серьезные трудности, с которыми они сталкиваются при представлении интересов жалующихся лиц в закрытом производстве вследствие запрета на общение с представляемыми лицами по поводу

закрытых материалов. В частности, специальные адвокаты указали на очень ограниченную роль, которую они могли играть на закрытых слушаниях, учитывая отсутствие каких-либо поручений от лиц, которых они представляли.

В. МНЕНИЕ БОЛЬШОЙ ПАЛАТЫ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА

1. Приемлемость жалобы для рассмотрения по существу

200. Европейский Суд отмечает, что пункт 4 статьи 5 Конвенции гарантирует право «каждому, кто лишен свободы в результате ареста или заключения под стражу», на возбуждение производства по проверке законности заключения под стражу и на освобождение из-под стражи в случае, если заключение под стражу признано незаконным. В связи с тем, что второй и четвертый заявители уже были освобождены, предпочтя уехать соответственно в Марокко и во Францию к тому моменту, когда начались различные процессы по рассмотрению вопроса о законности их заключения под стражу на основании Закона 2001 года, следовательно, их жалобы на нарушение пункта 4 статьи 5 Конвенции были явно необоснованными по смыслу пункта 3 статьи 35 Конвенции (см. Постановление Европейского Суда по делу «Фокс, Кемпбелл и Хартли против Соединенного Королевства» (Fox, Campbell and Hartley v. United Kingdom) от 30 августа 1990 г., § 45, Series A, № 182) и должны быть объявлены неприемлемыми для рассмотрения по существу.

201. Европейский Суд считает, что жалобы остальных заявителей на нарушение данной нормы затрагивают сложные вопросы права и факта, рассмотрение которых должно зависеть от рассмотрения дела по существу. Следовательно, жалобы в данной части не являются явно необоснованными по смыслу пункта 3 статьи 35 Конвенции. Поскольку отсутствуют иные основания для признания жалобы в этой части неприемлемой, она должна быть объявлена приемлемой для рассмотрения по существу.

2. Существо жалобы

(а.) Принципы, вытекающие из прецедентной практики

202. Пункт 4 статьи 5 Конвенции является специальной нормой по отношению к носящей более общий характер статье 13 Конвенции (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Чахал против Соединенного Королевства» (Chahal v. United Kingdom), § 126). Он позволяет задержанному или заключенному лицу возбудить производство в отношении процессуальных

и материальных условий, существенных для «законности» лишения этого лица свободы. Понятие «законность» в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Конвенции имеет такое же значение, что и в пункте 1, в связи с чем задержанное или заключенное лицо имеет право на проверку «законности» заключения его под стражу в свете не только требований внутригосударственного законодательства, но и Конвенции, а также общих принципов, закрепленных в ней, и цели ограничений, допускаемых пунктом 1 статьи 5 Конвенции. Пункт 4 статьи 5 Конвенции не гарантирует право на судебное рассмотрение в таком объеме, чтобы суд наделялся по всем аспектам дела, включая вопросы исключительно целесообразности, полномочиями по подмене своей свободой усмотрения свободы усмотрения исполнительного органа власти. Однако пределы рассмотрения должны быть достаточно широкими, чтобы можно было изучить условия, являющиеся важными для «законного» заключения под стражу лица в соответствии с пунктом 1 статьи 5 Конвенции (см. Постановление Европейского Суда по делу «Е. против Норвегии» (E. v. Norway) от 29 августа 1990 г., § 50, Series A, № 181). «Суд», рассматривающий подобный вопрос, должен не просто иметь консультативные функции, но быть компетентен «решать» вопрос о «законности» заключения под стражу и предписывать освобождение в случае, если заключение под стражу незаконно (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Ирландия против Соединенного Королевства» (Ireland v. United Kingdom), § 200, Постановление Европейского Суда по делу «Уикс против Соединенного Королевства» (Weeks v. United Kingdom) от 2 марта 1987 г., § 61, Series A, № 114, упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Чахал против Соединенного Королевства» (Chahal v. United Kingdom), § 130).

203. Требование процессуальной справедливости, содержащееся в пункте 4 статьи 5 Конвенции, не обязывает применять единый неизменный стандарт независимо от контекста, фактов и обстоятельств. Хотя не всегда нужно, чтобы процедура, предусмотренная пунктом 4 статьи 5 Конвенции, сопровождалась такими же гарантиями, что и процедуры, требуемые статьей 6 Конвенции для уголовных и гражданских дел, она должна иметь судебный характер и обеспечивать гарантии, соответствующие конкретному виду лишения свободы (см., например, Постановление Европейского Суда по делу «Винтерверп против Нидерландов» (Winterwerp v. Netherlands) от 24 октября 1979 г., § 57, Series A, № 33, Постановление Европейского Суда по делу «Буамар против Бельгии» (Boamar v. Belgium) от 29 февраля 1988 г., §§ 57 и 60, Series A, № 129, Постановление Европейского Суда по делу «Влох против Польши» (Włoch v. Poland), жалоба № 27785/95, § 125, ECHR 2000-XI,

Постановление Европейского Суда по делу «Райнпрехт против Австрии» (Reinprecht v. Austria), жалоба № 67175/01, § 31, ECHR 2005).

204. Таким образом, процесс должен быть состязательным и обеспечивать «равноправие» сторон (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Райнпрехт против Австрии» (Reinprecht v. Austria), § 31). Устное слушание может быть обязательным, например, по делам о предварительном заключении под стражу (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Николова против Болгарии» (Nikolova v. Bulgaria), жалоба № 31195/96, § 58, ECHR 1999-II). Кроме того, по делам о предварительном заключении в связи с тем, что существование разумного подозрения о том, что лицо совершило преступления, является условием *sine qua non* законности продления срока содержания под стражей, заключенному должна быть предоставлена возможность эффективного обжалования основания подозрений, выдвинутых против него (см. Постановление Европейского Суда по делу «Бекчиев против Республики Молдова» (Becciev v. Moldova) от 4 октября 2005 г., жалоба № 9190/03, §§ 68–72). Это может потребовать от суда допроса свидетелей, показания которых на первый взгляд имеют существенное значение для законности продления срока содержания под стражей (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Бекчиев против Республики Молдова» (Becciev v. Moldova), §§ 72–76, Постановление Европейского Суда по делу «Цуркан и Цуркан против Республики Молдова» (Țurcan and Țurcan v. Moldova) от 23 октября 2007 г., жалоба № 39835/05, §§ 67–70). Также может потребоваться, чтобы заключенному или его представителю был предоставлен доступ к документам, содержащимся в материалах дела, на которых основана позиция стороны обвинения (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Влох против Польши» (Włoch v. Poland), § 127, упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Николова против Болгарии» (Nikolova v. Bulgaria), § 58, Постановление Европейского Суда по делу «Лами против Бельгии» (Lamy v. Belgium) от 30 марта 1989 г., § 29, Series A, № 151, Постановление Европейского Суда по делу «Фодале против Италии» (Fodale v. Italy) от 1 июня 2006 г., жалоба № 70148/01).

205. Европейский Суд, тем не менее, признает, что даже в процессе рассмотрения уголовных обвинений или установления вины в соответствии со статьей 6 Конвенции могут существовать ограничения права на абсолютно состязательное производство, строго необходимое в свете больших встречных интересов общества, таких как национальная безопасность, необходимость сохранить в секрете некоторые методы расследования полиции или защиты фундаментальных прав дру-

го лица. Однако судебное разбирательство не будет справедливым, если трудности, причиненные ответчику вследствие ограничения его прав, не уравновешены в достаточной мере судебными процедурами (см., например, Постановление Европейского Суда по делу «Дурсон против Нидерландов» (Doorson v. Netherlands) от 26 марта 1996 г., § 70, Reports 1996-II, Постановление Европейского Суда по делу «Ван Мехелен и другие против Нидерландов» (Van Mechelen and Others v. Netherlands) от 23 апреля 1997 г., § 58, Reports 1997-III, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Джаспер против Соединенного Королевства» (Jasper v. United Kingdom), жалоба № 27052/95, §§ 51–53, ECHR 2000-II, Постановление Европейского Суда по делу «S.N. против Швеции» (S.N. v. Sweden), жалоба № 34209/96, § 47, ECHR 2002-V, Постановление Европейского Суда по делу «Ботмех и Алами против Соединенного Королевства» (Botmeh and Alami v. United Kingdom) от 7 июня 2007 г., жалоба № 15187/03, § 37).

206. Таким образом, в то время как право на справедливое судебное разбирательство по уголовному делу в соответствии со статьей 6 Конвенции включает право на разглашение всех существенных доказательств, имеющих в распоряжении стороны обвинения, как подтверждающих, так и опровергающих вину подсудимого, Европейский Суд признавал, что иногда может быть необходимо скрыть некоторые доказательства от стороны защиты ввиду интересов общества. В упомянутом выше Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Джаспер против Соединенного Королевства» (Jasper v. United Kingdom) (§§ 51–53) Европейский Суд указал, что ограничение прав стороны защиты в достаточной степени уравновешено в случае, когда доказательства, существенные для вопросов, рассматриваемых по делу, но на которые сторона обвинения не собиралась ссылаться, изучены *ex parte* судьей, рассматривающим дело, который решил, что эти доказательства не следовало раскрывать, поскольку общественный интерес по сохранению их в секрете перевесил пользу, которую могло принести стороне защиты их раскрытие. Признавая, что статья 6 Конвенции не была нарушена, Европейский Суд считает существенным тот факт, чтобы судья, рассматривающий дело, который лучше всех знаком с рассматриваемыми вопросами, сопоставлял значение интересов сторон, а также чтобы принимались меры для обеспечения того, чтобы сторона защиты информировалась и имела право делать замечания и участвовать в процессе вынесения решения настолько, насколько это возможно, без разглашения материалов, которые сторона обвинения пыталась сохранить в секрете (см. *ibid.*, §§ 55–56). Напротив, в Постановлении Большой

Палаты Европейского Суда по делу «Эдвардс и Льюис против Соединенного Королевства» (Edwards and Lewis v. United Kingdom), жалобы №№ 39647/98 и 40461/98, §§ 46–48, ECHR 2004-X, Европейский Суд признал, что проведение процедуры *ex parte* судьей, рассматривающим дело, недостаточно для обеспечения справедливого судебного разбирательства в случаях, когда нераскрытые материалы относились или могли относиться к вопросам факта, включенным в позицию стороны обвинения, которые должны были быть изучены судьей, рассматривающим дело, а не присяжными заседателями, и которые могли иметь решающее значение для исхода разбирательства в отношении заявителей.

207. В ряде дел, в которых противоречащие общественные интересы влекли ограничение прав подсудимого на ознакомление с доказательствами, представленными против него стороной обвинения, Европейский Суд оценивал пределы, в которых уравнивающие меры могли исправить отсутствие полноценного состязательного производства. Например, в Постановлении Европейского Суда по делу «Лука против Италии» (Lucà v. Italy), жалоба № 33354/96, § 40, ECHR 2001-II, Европейский Суд признал, что необязательно не соответствовала бы пункту 1 статьи 6 Конвенции ссылка стороны обвинения на показания, данные на стадии расследования, в частности, в случае, когда свидетель отказался повторить свои показания в открытом заседании из страха за свою безопасность, если подсудимому была обеспечена адекватная и надлежащая возможность оспорить показания в тот период, когда они были сделаны, или позднее. Однако Европейский Суд подчеркивал, что, когда приговор основан исключительно или по большей части на показаниях, данных лицом, которого обвиняемый не имел возможности допросить, ни во время расследования, ни в ходе судебного разбирательства, права стороны защиты ограничиваются настолько, что не соблюдаются гарантии, предусмотренные статьей 6 Конвенции.

208. Аналогичным образом в упомянутом выше Постановлении по делу «Дурсон против Нидерландов» (Doorson v. Netherlands) (§§ 68–76) Европейский Суд пришел к выводу о том, что отсутствует нарушение статьи 6 Конвенции в случае, когда личность некоторых свидетелей скрывается от подсудимого на том основании, что они боятся мести. Тот факт, что представитель стороны защиты в отсутствие подсудимого имел возможность на стадии рассмотрения апелляционной жалобы задать вопросы анонимным свидетелям и попытаться посеять сомнения в отношении их достоверности, а также то обстоятельство, что апелляционный суд в своем решении признал, что он осторожно подходил к показаниям анонимных свидетелей, были достаточны, чтобы у равнове-

сить неудобства, причиненные стороне защиты. Европейский Суд отмечал, что обвинительный приговор не должен быть основан исключительно или в решающей степени на показаниях анонимных лиц (см. также упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Ван Мехелен и другие против Нидерландов» (Van Mechelen and Others v. Netherlands), § 55). В каждом случае Европейский Суд подчеркивал, что его задачей было выяснение того, было ли справедливым разбирательство в целом, включая порядок сбора доказательств (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Дурсон против Нидерландов» (Doorson v. Netherlands), § 67).

209. Европейский Суд неоднократно указывал на возможность использования института специальных адвокатов для уравнивания процессуальной несправедливости, возникшей вследствие неполного раскрытия информации в делах, касавшихся национальной безопасности, но ему никогда еще не требовалось определить, соответствовала ли такая процедура пункту 4 статьи 5 либо статье 6 Конвенции.

210. В вышеуказанном Постановлении Европейского Суда по делу «Чахал против Соединенного Королевства» (Chahal v. United Kingdom) заявитель был заключен под стражу в соответствии с подпунктом «f» пункта 1 статьи 5 Конвенции до депортации из соображений национальной безопасности, и министр возразил против его ходатайств об освобождении под залог и *habeas corpus* также по причинам национальной безопасности. Европейский Суд признал (см. *ibid.*, §§ 130–131), что использование конфиденциальных материалов могло стать неизбежным в случае, когда на кону была национальная безопасность, но подчеркнул, что это не означало, что исполнительные органы могли быть освобождены от эффективного контроля внутренних государственных судов каждый раз, когда они захотят сослаться на национальную безопасность и угрозу терроризма. Европейский Суд установил нарушение пункта 4 статьи 5 Конвенции с учетом того факта, что Высокий суд, рассматривавший ходатайство *habeas corpus*, не имел доступа ко всем материалам, на которых основывал свое решение министр. Хотя существовала гарантия в виде консультативного совета под председательством судьи апелляционного суда, который имел доступ ко всем материалам, касавшимся национальной безопасности, Европейский Суд решил, что этот совет нельзя было признать «судом» по смыслу пункта 4 статьи 5 Конвенции, поскольку заявитель не имел права на представление его интересов в этом разбирательстве и был лишь кратко проинформирован о касавшихся национальной безопасности доказательствах против него, а также поскольку у совета не было полномочий по принятию решения, а его рекомендации для ми-

нистра внутренних дел не были обязательными и не подлежали разглашению. Европейский Суд сослался (см. *ibid.*, §§ 131 и 144) на замечания третьих сторон (организаций «Международная амнистия» (*Amnesty International*), «Либерти», Центр AIRE (*AIRE Centre*) и Совместный совет по благополучию иммигрантов» (*Joint Council for the Joint Council for the Welfare of Immigrants*), и см. выше замечания организации «Правосудие» в настоящем деле, § 198) по поводу процедуры, применяемой по делам о депортации, связанным с национальной безопасностью, в Канаде, в соответствии с которой судья проводил *in camera* заседание для рассмотрения всех доказательств, в ходе которого депортируемому лицу предоставлялось минимально краткое изложение доказательств против него, и на котором он имел право быть представленным и требовать предоставления доказательств. Конфиденциальность материалов, касающихся безопасности, обеспечивалась требованием рассмотрения таких доказательств в отсутствие как депортируемого лица, так и его представителя. Однако в подобных случаях их место занимал представитель, имеющий доступ к тайне, поручения которому дает суд и который имел право участвовать в допросе свидетелей и оказывать суду содействие в проверке достоверности позиции обвинения. Краткое изложение доказательств, полученных в ходе такой процедуры, с необходимыми исключениями в тексте, предоставлялось депортируемому лицу. Европейский Суд дал комментарий, что он:

«считал существенным тот факт, что, как отметили лица, участвующие в деле, по поводу статьи 13... в Канаде по подобным делам выработалась более эффективная форма судебного контроля. Этот пример демонстрирует, что существуют доступные для применения средства, которые могут удовлетворить правомерные опасения за безопасность характера и источников разведывательной информации, а также обеспечить частному лицу существенную процессуальную справедливость».

211. В упомянутом выше Постановлении Европейского Суда по делу «Компания «Тиннелли и сыновья Лтд» и другие и Макэлдафф и другие против Соединенного Королевства» (*Tinnelly and Sons Ltd and Others and McElduff and Others v. United Kingdom*) от 10 июля 1998 г., § 78, *Reports* 1998-IV, и в Постановлении Европейского Суда по делу «Аль-Нашиф против Болгарии» (*Al-Nashif v. Bulgaria*) от 20 июня 2002 г., жалоба № 50963/99, §§ 93–97 и 137, Европейский Суд сослался на свои комментарии по упомянутому выше Постановлению Европейского Суда по делу «Чахал против Соединенного Королевства» (*Chahal v. United Kingdom*) относительно процедуры участия специального адвоката, но не выражал свое мнение относительно того, соответствовала ли такая процедура рассматриваемым правам, гарантированным Конвенцией.

(b) Применение вышеизложенных принципов в настоящем деле

212. В судах Соединенного Королевства имелись два подхода к жалобам заявителей на законность их заключения под стражу. Во-первых, они инициировали производство на основании статьи 30 Закона 2001 года, оспаривая законность отступления от соблюдения обязательств в соответствии со статьей 15 Конвенции и, следовательно, соответствие всей схемы заключения под стражу положениям Конвенции. Во-вторых, каждый заявитель также подал жалобу на основании статьи 25 Закона 2001 года, утверждая, что заключение под стражу было незаконным согласно законодательству, поскольку не было разумных оснований полагать, что их присутствие в Соединенном Королевстве представляло риск для национальной безопасности, или подозревать их в том, что они являются террористами.

213. Европейский Суд не считает необходимым выносить отдельное решение в отношении нарушения пункта 4 статьи 5 Конвенции по жалобам заявителей о том, что Палата лордов не имела возможности принять обязательное для исполнения предписание об их освобождении, так как он уже установил нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции на основании положений внутригосударственного законодательства.

214. Второй пункт жалобы заявителей на нарушение пункта 4 статьи 5 Конвенции касался справедливости разбирательства дела в СИАК на основании статьи 25 Закона 2001 года, в ходе которого устанавливалось, был ли разумен министр в своем убеждении в том, что присутствие каждого из заявителей в Соединенном Королевстве представляло риск для национальной безопасности, и в своем подозрении, что каждый из них был террористом. Это отдельный и независимый вопрос, о котором нельзя сказать, что он охватывается решением об установлении нарушения пункта 1 статьи 5 Конвенции, в связи с чем Европейский Суд должен был его рассмотреть.

215. Европейский Суд напоминает, что, хотя судьи, заседавшие в СИАК, имели возможность ознакомиться с «открытыми» и «закрытыми» материалами, ни заявители, ни их представители не могли увидеть закрытые доказательства. Вместо этого закрытые материалы раскрывались одному или нескольким специальным адвокатам, назначаемым Генеральным солиситором для представления интересов каждого заявителя. Во время закрытых заседаний в СИАК специальный адвокат имел право делать заявления от имени заявителей как по процессуальным вопросам (например, по поводу необходимости дальнейшего раскрытия информации), так и по существу дела. Однако с того момента, как специальный адвокат впервые ознакомится с закрытыми материалами, ему больше не разре-

шается контактировать с заявителем и его представителями, за исключением случаев, если СИАК не даст своего разрешения на такие контакты. По каждой жалобе на решение о признании подозреваемым СИАК выносила «открытое» и «закрытое» решение.

216. В качестве точки отсчета Европейский Суд принимает тот факт, что, как установили и признали суды Соединенного Королевства, в период содержания заявителей под стражей деятельность и цели «Аль-Каиды» привели к возникновению «чрезвычайного положения в государстве, угрожающего жизни нации». Поэтому следовало учитывать, что в рассматриваемое время, как предполагалось, существовала насущная необходимость в защите жителей Соединенного Королевства от атак террористов, а также, хотя власти Соединенного Королевства и не отступили от соблюдения обязательств по пункту 4 статьи 5 Конвенции, имел место большой интерес государства в получении информации об «Аль-Каиде» и ее сообщниках, а также о сохранении секретности источников получения такой информации (см. также в этой связи упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Фокс, Кемпбелл и Хартли против Соединенного Королевства» (*Fox, Campbell and Hartley v. United Kingdom*), § 39).

217. Однако на другой чаше весов по отношению к этим важным государственным интересам было право заявителей на процессуальную справедливость, гарантированную пунктом 4 статьей 5 Конвенции. Хотя Европейский Суд признавал, что, за исключением второго и четвертого заявителей, заключение заявителей под стражу не попадало ни под одно из оснований, перечисленных в подпунктах «а»–«f» пункта 1 статьи 5 Конвенции, он считал, что прецедентная практика, относящаяся к судебному контролю за предварительным заключением под стражу, применима, поскольку в подобных случаях также обязательно должна учитываться разумность подозрений, выдвинутых против лица, заключенного под стражу (см. выше § 204). Кроме того, при обстоятельствах настоящего дела и ввиду резкого влияния длительного (а в рассматриваемое время казавшегося неопределенным) лишения свободы на фундаментальные права заявителей пункт 4 статьи 5 Конвенции должен включать в основном те же гарантии справедливого судебного разбирательства, что и пункт 1 статьи 6 Конвенции в ее уголовно-правовом аспекте (см. Постановление Европейского Суда по делу «Гарсия Альва против Германии» (*Garcia Alva v. Germany*) от 13 февраля 2001 г., жалоба № 23541/94, § 39, а также упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Чахал против Соединенного Королевства» (*Chahal v. United Kingdom*), §§ 130–131).

218. На этом фоне важно, чтобы было раскрыто как можно больше информации о подозрениях

и доказательствах, выдвинутых против каждого заявителя, и при этом не пострадали бы интересы национальной безопасности и третьих лиц. В случае, когда полное раскрытие информации было невозможно, пункт 4 статьи 5 Конвенции требовал, чтобы причиняемые трудности компенсировались таким образом, чтобы у каждого заявителя оставалась возможность эффективно обжаловать выдвинутые против них подозрения.

219. Европейский Суд считает, что СИАК, которая была абсолютно независимым органом (см. выше § 91) и могла рассмотреть все значимые материалы, как закрытые, так и открытые, находилась в лучшем положении для обеспечения того, чтобы никакие материалы не скрывались от заключенного без необходимости. В этой связи специальный адвокат мог обеспечить важную дополнительную гарантию путем допроса свидетелей со стороны обвинения о необходимости сохранять секретность, а также путем представления судье, рассматривающему дело, заявлений о дополнительном раскрытии информации. Основываясь на имевшихся материалах дела, Европейский Суд не смог сделать вывод, что в отношении какой-либо из жалоб заявителей были необоснованно и чрезмерно превышены пределы секретности, а также что не существовало веских причин для неразглашения информации в каком-либо случае.

220. Далее Европейский Суд отмечает, что специальный адвокат мог играть важную роль в уравновешивании того, что не вся информация была раскрыта и что не было полноценного, открытого, состязательного разбирательства путем проверки доказательств и представления замечаний от имени заключенного на закрытых заседаниях. Однако специальный адвокат не мог выполнять эту функцию хоть сколь-нибудь надлежащим образом, если заключенному не была предоставлена информация о подозрениях, выдвинутых против него, достаточная для того, чтобы дать эффективные поручения специальному адвокату. Хотя данный вопрос следует решать по каждому делу индивидуально, Европейский Суд отмечает в целом, что, когда доказательства по большей части раскрыты и открытые материалы имеют преимущественное значение для решения по делу, нельзя сказать, что заявителю было отказано в возможности эффективного обжалования разумности убеждения или подозрений министра по его поводу. В других случаях, даже когда все или большая часть доказательств оставались нераскрытыми, если подозрения, содержащиеся в открытых материалах, были достаточно конкретными, заявитель должен был иметь возможность предоставить своим представителям и специальному адвокату информацию, на основании которой они могли бы опровергнуть эти подозрения, если такая информация имела, без необходимости знакомиться с подробностями или источниками получения доказательств, лежавших в основе подо-

зрений. В качестве примера можно привести подозрение, выдвинутое против некоторых заявителей, о том, что они посещали лагерь подготовки террористов в определенном месте в определенные даты. Учитывая ясный характер подозрения, у заявителей имелась возможность предоставить специальному адвокату оправдывавшие их доказательства, например, алиби или альтернативное объяснение факта присутствия их на указанной территории, в достаточной степени позволявшие адвокату эффективно оспорить указанное подозрение. Однако в случае, когда открытые материалы состояли исключительно из общих утверждений и решение СИАК об оставлении в силе решения о признании подозреваемым и сохранении содержания под стражей основывалось исключительно или в решающей мере на закрытых материалах, процессуальные требования пункта 4 статьи 5 Конвенции не могут быть признаны соблюденными.

221. С учетом вышеизложенного Европейский Суд должен оценить в свете всех критериев разбирательство по решению о признании подозреваемым в отношении каждого из заключенных заявителей.

222. Европейский Суд отмечает, что открытые материалы против шестого, седьмого, восьмого, девятого и одиннадцатого заявителей включали подробную информацию, например, о приобретении конкретного оборудования связи, о владении конкретными документами, относящимися к поименованным лицам, подозреваемым в причастности к терроризму, и о встречах с поименованными лицами, подозреваемыми в причастности к терроризму, в конкретные дни в определенных местах. Европейский Суд считает, что эта информация была достаточно подробной для того, чтобы позволить заявителям эффективно оспорить ее. Поэтому Европейский Суд не устанавливает нарушения пункта 4 статьи 5 Конвенции в отношении шестого, седьмого, восьмого, девятого и одиннадцатого заявителей.

223. Основные подозрения против первого и десятого заявителей состояли в том, что они были причастны к сбору средств для террористических группировок, связанных с «Аль-Каидой». В случае первого заявителя имелись открытые доказательства движения больших денежных сумм через его банковский счет, а в отношении десятого заявителя были открытые доказательства того, что он был причастен к сбору средств путем мошенничества. Однако в каждом случае доказательства, которые предположительно подтверждали факт связи между полученными средствами и финансированием терроризма, не были раскрыты заявителям. При данных обстоятельствах Европейский Суд не считает, что эти заявители могли эффективно оспорить подозрения, выдвинутые против них. Следовательно, имело место нарушение пункта 4 статьи 5 Конвенции в отношении первого и десятого заявителей.

224. Открытые доказательства против третьего и пятого заявителей имели общий характер и заключались в основном в том, что они являлись членами определенных экстремистских исламистских групп, связанных с «Аль-Каидой». СИАК указала в своих решениях об отклонении жалоб этих заявителей, что открытые материалы были несущественными и что доказательства, на которых она основывалась при вынесении своего решения против заявителей, содержались в основном в закрытых материалах. Кроме того, Европейский Суд не считал, что эти заявители могли эффективно оспорить выдвинутые против них подозрения. Таким образом, имело место нарушение пункта 4 статьи 5 Конвенции в отношении третьего и пятого заявителей.

V. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ ПУНКТА 1 СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ, ВЗЯТОГО ВО ВЗАИМОСВЯЗИ СО СТАТЬЕЙ 13 КОНВЕНЦИИ

225. Заявители утверждали в качестве альтернативного варианта, что вопросы, обжалованные в контексте пункта 4 статьи 5 Конвенции, также свидетельствовали о нарушении статьи 13 Конвенции. С учетом ранее сделанных выводов Европейский Суд не считает необходимым рассматривать эти жалобы отдельно.

VI. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ ПУНКТА 5 СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ

226. Наконец, заявители жаловались на то, что, хотя они были незаконно заключены под стражу в нарушение пунктов 1 и 4 статьи 5 Конвенции, у них не было права на компенсацию, что нарушало пункт 5 статьи 5 Конвенции, который гласит:

«Каждый, кто стал жертвой ареста или заключения под стражу в нарушение положений настоящей статьи, имеет право на компенсацию».

227. Власти Соединенного Королевства утверждали, что статья 5 Конвенции не была нарушена в настоящем деле, в связи с чем пункт 5 статьи 5 Конвенции был неприменим. Если Европейский Суд установит нарушения статьи 5, пункта 5 статьи 5 Конвенции, то возникнет «право на компенсацию», но не право на предоставление компенсации в каждом случае. В связи с тем, что внутригосударственные суды признали, что министр разумно подозревал заявителей в том, что они являлись «международными террористами», в принципе они не имели права на компенсацию от судов государства-ответчика.

A. ПРИЕМЛЕМОСТЬ ЖАЛОБЫ ДЛЯ РАССМОТРЕНИЯ ПО СУЩЕСТВУ

228. Европейский Суд отмечает, что он установил нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции

в отношении всех заявителей, кроме второго и четвертого, а также нарушение пункта 4 статьи 5 Конституции в отношении первого, третьего, пятого и десятого заявителей. Следовательно, жалобы второго и четвертого заявителей на нарушение пункта 5 статьи 5 Конституции являются неприемлемыми, а жалобы остальных заявителей приемлемыми для рассмотрения по существу.

В. СУЩЕСТВО ЖАЛОБЫ

229. Европейский Суд считает, что вышеуказанные нарушения не могли повлечь предоставление права на компенсацию заявителям в судах Соединенного Королевства. Следовательно, имело место нарушение пункта 5 статьи 5 Конвенции в отношении всех заявителей, кроме второго и четвертого (см. Постановление Европейского Суда по делу «Броган и другие против Соединенного Королевства» (Brogan and Others v. United Kingdom) от 29 ноября 1988 г., § 67, Series A, № 145-B, и упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Фокс, Кемпбелл и Хартли против Соединенного Королевства» (Fox, Campbell and Hartley v. United Kingdom), § 46).

VII. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 6 КОНВЕНЦИИ

230. Заявители утверждали в качестве альтернативы, что производство в СИАК не соответствовало пунктам 1 и 2 статьи 6 Конвенции, которые гласят:

«1. Каждый в случае спора о его гражданских правах и обязанностях или при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона. Судебное решение объявляется публично, однако пресса и публика могут не допускаться на судебные заседания в течение всего процесса или его части по соображениям морали, общественного порядка или национальной безопасности в демократическом обществе, а также когда того требуют интересы несовершеннолетних или для защиты частной жизни сторон, или – в той мере, в какой это, по мнению суда, строго необходимо – при особых обстоятельствах, когда гласность нарушала бы интересы правосудия.

2. Каждый обвиняемый в совершении уголовного преступления считается невиновным, до тех пор, пока его виновность не будет установлена законным порядком».

231. Заявители утверждали, что статья 6 Конвенции была специальной нормой по отношению к гарантии справедливого судебного разбирательства. Рассматриваемый режим представлял собой самую серьезную исполнительную меру против лиц, подозреваемых в терроризме, при-

нятую в государствах – членах Совета Европы после 2001 года. Она была принята для того, чтобы позволить властям Соединенного Королевства осуществлять производство против частных лиц на основании одного лишь разумного подозрения, вытекающего из доказательств, которые не могли быть использованы в обычных судах. Одно лишь это оправдывало осуществление анализа на предмет нарушения статьи 6 Конвенции. Производство имело целью рассмотрение уголовного обвинения в отношении заявителей в автономном значении, принятом в пункте 1 статьи 6 Конвенции, а также рассмотрение гражданских прав и обязанностей. Использование закрытых материалов влекло нарушение статьи 6 Конвенции.

232. По мнению властей Соединенного Королевства, пункт 4 статьи 5 Конвенции был специальной нормой, касавшейся заключения под стражу, и эти вопросы должны быть рассмотрены в свете данной нормы. В любом случае статья 6 Конвенции была неприменима, так как решение СИАК по вопросу о том, следовало ли применять заключение под стражу, относилось к «специальным мерам миграционного контроля» и не являлось рассмотрением ни уголовного обвинения, ни гражданских прав или обязанностей. Даже если пункт 1 статьи 6 Конвенции был применим, он не был нарушен по причинам, изложенным в отношении пункта 4 статьи 5 Конвенции.

233. Не делая каких-либо выводов относительно того, попадало ли производство в СИАК под действие статьи 6 Конвенции, Европейский Суд признает данные жалобы приемлемыми для рассмотрения по существу. Однако он отмечает, что вопросы, касающиеся применения специальных адвокатов, закрытых заседаний и неполного раскрытия информации в ходе разбирательства в СИАК, уже были изучены им выше при рассмотрении жалоб на нарушение пункта 4 статьи 5 Конвенции. В свете данного всеобъемлющего рассмотрения Европейский Суд не усматривает необходимости рассматривать жалобы на нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции.

VIII. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

234. Ссылаясь на статью 41 Конвенции, заявители требовали выплаты компенсации материального и морального вреда, причиненного в результате допущенных нарушений, а также возмещения судебных расходов и издержек. Статья 41 Конвенции гласит:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

Власти Соединенного Королевства утверждали, что присуждение справедливой компенсации в настоящем деле не является ни необходимой, ни надлежащей мерой.

А. УЩЕРБ

1. Заявители

235. Заявители утверждали, что необходимым и надлежащим было присуждение им справедливой компенсации в денежной форме. При оценке размера компенсации можно было руководствоваться решениями судов Соединенного Королевства о компенсациях за незаконное содержание под стражей, а также решениями Европейского Суда о присуждении компенсации по предыдущим делам (они сослались, *inter alia*, на Постановление Европейского Суда по делу «Перкс и другие против Соединенного Королевства» (*Perks and Others v. United Kingdom*) от 12 октября 1999 г., жалобы №№ 25277/94, 25279/94, 25280/94, 25282/94, 25285/94, 28048/95, 28192/95 и 28456/95, в котором Европейский Суд присудил 5 500 фунтов стерлингов за незаконное лишение свободы в течение шести дней, и на Постановление Европейского Суда по делу «Цирлис и Кулумпас против Греции» (*Tsirilis and Kouloumpas v. Greece*) от 29 мая 1995 г., *Reports* 1997-III, в котором заявителям была присуждена сумма, эквивалентная 17 890 фунтов стерлингов и 16 330 фунтов стерлингов соответственно за лишение их свободы сроком на 13 и 12 месяцев вследствие их отказа от прохождения военной службы).

236. Первый заявитель требовал выплаты компенсации за лишение его свободы в период с 19 декабря 2001 г. по 11 марта 2005 г., то есть в течение трех лет и 83 дней, а также за связанные с этим моральные страдания, в том числе за возникшее психическое заболевание. Он утверждал, что при расчете размера компенсации следовало учитывать также страдания, причиненные его жене и семье в результате разлучения и негативной огласки в обществе. Он предложил рассматривать 234 000 фунтов стерлингов в качестве суммы, компенсирующей моральный вред. Кроме того, в возмещение материального ущерба он требовал выплаты примерно 7 500 фунтов стерлингов для компенсации расходов его семьи на его посещение во время содержания под стражей и других расходов.

237. Второй заявитель требовал выплаты компенсации за лишение его свободы в период с 19 декабря 2001 г. по 11 марта 2005 г., а также за связанные с этим моральные страдания, в том числе за возникшее психическое заболевание, и за страдания, причиненные его жене и детям. Он предложил рассматривать 230 000 фунтов стерлингов в качестве суммы, компенсирующей мораль-

ный вред, а также потребовал выплаты в качестве возмещения материального ущерба 200 фунтов стерлингов для компенсации транспортных расходов его жены, и сумму, компенсирующую потерю им возможности заниматься бизнесом в Соединенном Королевстве.

238. Пятый заявитель требовал выплаты компенсации за содержание под стражей в период с 19 декабря 2001 г. по 22 апреля 2004 г. и его последующее содержание под домашним арестом до 11 марта 2005 г., а также за связанные с этим моральные страдания, в том числе за возникшее психическое заболевание, и за страдания, причиненные его жене и детям. Он предложил рассматривать 240 000 фунтов стерлингов в качестве суммы, компенсирующей моральный вред, а также потребовал в качестве возмещения материального ущерба выплаты 5 500 фунтов стерлингов для компенсации транспортных расходов и расходов по присмотру за детьми, понесенных его женой, а также денежных переводов, которые она направляла ему в тюрьму.

239. Шестой заявитель требовал выплаты компенсации за содержание под стражей в период с 19 декабря 2001 г. по 11 марта 2005 г., а также за связанные с этим моральные страдания, причиненные ему, его жене и детям. Он предложил рассматривать 217 000 фунтов стерлингов в качестве суммы, компенсирующей моральный вред, а также потребовал в качестве возмещения материального ущерба 51 410 фунтов стерлингов для компенсации потери им заработка курьера, работающего не по найму, и транспортных расходов его жены.

240. Седьмой заявитель требовал выплаты компенсации за содержание под стражей в период с 8 февраля 2002 г. по 11 марта 2005 г., а также за связанные с этим моральные страдания, в том числе за возникшее психическое заболевание. Он предложил рассматривать 197 000 фунтов стерлингов в качестве суммы, компенсирующей моральный вред. Он не предъявил каких-либо требований о компенсации материального ущерба.

241. Восьмой заявитель требовал выплаты компенсации за лишение свободы в период с 23 октября 2002 г. по 11 марта 2005 г., а также за связанные с этим моральные страдания, причиненные ему, его жене и детям. Он предложил рассматривать 170 000 фунтов стерлингов в качестве суммы, компенсирующей моральный вред, а также потребовал в качестве возмещения материального ущерба 4 750 фунтов стерлингов для компенсации сумм, направленных ему в тюрьму женой, и ее расходов на смену места жительства с тем, чтобы избежать внимания прессы.

242. Девятый заявитель требовал выплаты компенсации за лишение его свободы в период с 22 апреля 2002 г. по 11 марта 2005 г., а также за связанные с этим моральные страдания, в том числе за возникшее психическое заболевание, и за

страдания, причиненные его жене и детям. Он предложил сумму в размере 215 000 фунтов стерлингов рассматривать в качестве суммы, компенсирующей моральный вред, а также потребовал в качестве возмещения материального ущерба выплаты 7 725 фунтов стерлингов для компенсации сумм, которые ему пришлось занять для того, чтобы помочь его жене с расходами по домашнему хозяйству, сумм, направленных ему в тюрьму женой, и транспортных расходов его жены, понесенных для посещения его в тюрьме. Он также просил компенсировать потерю им возможности заниматься бизнесом в Соединенном Королевстве.

243. Десятый заявитель требовал выплаты компенсации за лишение его свободы в период с 14 января 2003 г. по 11 марта 2005 г., а также за связанные с этим моральные страдания, в том числе за возникшее психическое заболевание. Он предложил рассматривать 144 000 фунтов стерлингов в качестве суммы, компенсирующей моральный вред, а также потребовал выплаты в качестве возмещения материального ущерба 2 751 фунт стерлингов, включая компенсацию потери его еженедельного пособия в размере 37 фунтов стерлингов, которое он получал от Государственной службы поддержки беженцев (*National Asylum Support Service*) до заключения его под стражу, а также расходы на телефонную связь с его представителями.

244. Одиннадцатый заявитель требовал выплаты компенсации за лишение его свободы в период со 2 октября 2003 г. по 11 марта 2005 г., а также за связанные с этим моральные страдания. Он предложил рассматривать 95 000 фунтов стерлингов в качестве суммы, компенсирующей моральный вред, но не предъявил каких-либо требований о компенсации материального ущерба.

2. Власти Соединенного Королевства

245. Ссылаясь на Постановление Европейского Суда по делу «Макканн и другие против Соединенного Королевства» (*McCann and Others v. United Kingdom*) от 27 сентября 1995 г., § 219, Series A, № 324, власти Соединенного Королевства утверждали, что заявители в принципе были не вправе получить какую-либо компенсацию, так как они надлежащим образом подозревались по объективным и разумным основаниям в причастности к терроризму и не смогли опровергнуть эти подозрения.

246. Власти Соединенного Королевства подчеркивали, что часть 4 Закона 2001 года была принята, и приказ об отступлении от соблюдения обязательств был добросовестным, имея целью преодолеть то, что воспринималось как весьма серьезная ситуация, которая может быть приравнена к чрезвычайному положению, угрожающему жизни нации. Ключевой проблемой схемы заключения под стражу на основании Закона 2001 года,

установленной СИАК и Палатой лордов, было то, что он не применялся к подданным Соединенного Королевства так же, как к иностранным гражданам. После вынесения решения Палаты лордов в срочном порядке был рассмотрен вопрос о том, что следовало сделать с заявителями с учетом чрезвычайного положения в государстве, и было принято решение о том, что должна быть создана система приказов о введении контроля. На этом фоне нельзя предположить, что власти Соединенного Королевства действовали цинично или явным образом не соблюдали права человека.

247. Кроме того, власти Соединенного Королевства утверждали, что не следовало присуждать какой-либо справедливой компенсации в отношении процессуальных нарушений, установленных Европейским Судом (например, по пунктам 4 и 5 статьи 5 Конвенции), так как не было возможности строить предположения о том, что бы произошло, если бы не было допущено нарушения Конвенции (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Кингсли против Соединенного Королевства» (*Kingsley v. United Kingdom*), жалоба № 35605/97, *ECHR* 2002-IV, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Худ против Соединенного Королевства» (*Hood v. United Kingdom*), жалоба № 27267/95, *ECHR* 1999-I).

248. В случае, если Европейский Суд решит присудить денежную компенсацию, он должен внимательно рассмотреть каждое из требований на предмет наличия исчерпывающих подтверждающих доказательств и установить, были ли требования достаточно тесно связаны с нарушением и насколько был разумен размер представленных требований.

3. Мнение Большой Палаты Европейского Суда

249. Во-первых, Европейский Суд напоминает, что он не установил нарушения статьи 3 Конвенции в настоящем деле. Следовательно, он не может присудить компенсацию за моральные страдания, в том числе за возникшее психическое заболевание, предположительно причиненные условиями содержания под стражей или неограниченным характером заключения под стражей на основании части 4 Закона 2001 года.

250. Однако Европейский Суд установил наличие нарушения пунктов 1 и 5 в отношении первого, третьего, пятого, шестого, седьмого, восьмого, девятого, десятого и одиннадцатого заявителей и нарушение пункта 4 статьи 5 Конвенции в отношении первого, третьего, пятого и десятого заявителей. В соответствии со статьей 41 Конвенции Европейский Суд может присудить этим заявителям денежную компенсацию, если он признает ее «необходимой». У Европейского Суда имеются широкие полномочия по определению того, когда должна присуждаться компенсация вреда, и он

часто признает, что вывод о наличии нарушения сам по себе является достаточной компенсацией, и не присуждает дополнительно компенсации в денежном виде (см. среди многих прочих примеров упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Николова против Болгарии» (*Nikolova v. Bulgaria*), § 76). При осуществлении своих полномочий Европейский Суд учитывает все обстоятельства дела, в том числе характер установленных нарушений, а также иные особые обстоятельства, имеющиеся в контексте дела.

251. Европейский Суд напоминает, что в упомянутом выше Постановлении по делу «Макканн и другие против Соединенного Королевства» (*McCann and Others v. United Kingdom*) (§ 219) он не стал присуждать какую-либо компенсацию в качестве компенсации материального ущерба и морального вреда в связи с нарушением статьи 2 Конвенции, учитывая тот факт, что трое подозреваемых в терроризме, которые были убиты, намеревались совершить взрыв в Гибралтаре. Европейский Суд считает, что настоящее дело отличается от того дела, так как не было установлено, что кто-либо из заявителей был причастен или мог быть причастен к какому-либо насильственному террористическому акту.

252. Решение о том, присуждать ли денежную компенсацию в настоящем деле, и если да, то в каком размере, должно приниматься с учетом ряда факторов. Заявители содержались под стражей в течение длительного периода, что нарушало пункт 1 статьи 5 Конвенции, и Европейский Суд ранее присуждал крупные суммы справедливой компенсации в случае незаконного заключения под стражу (см., например, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Ассанидзе против Грузии» (*Assanidze v. Georgia*), жалоба № 71503/01, *ECHR* 2004-II, или дела, процитированные заявителями в выше, в § 235). Однако настоящее дело сильно отличается от них. После терактов «Аль-Каиды» в Соединенных Штатах Америки 11 сентября 2001 г. в ситуации, которая являлась, как признали суды Соединенного Королевства и Европейский Суд, чрезвычайным положением в государстве, угрожающим жизни нации, власти были обязаны защищать своих жителей от насилия, совершаемого террористами. Схема заключения под стражу, предусмотренная частью 4 Закона 2001 года, была разработана с добрыми намерениями как попытка примирить необходимость предотвращения терактов с обязательством по статье 3 Конвенции не высылать и не депортировать ни одно лицо в страну, в которой оно может быть подвергнуто реальному риску ненадлежащего обращения (см. выше § 166). Хотя Европейский Суд, как и Палата лордов, установил, что меры по отступлению от соблюдения обязательств были несоразмерными,

стержнем этого вывода было то, что законодательство было дискриминационным в связи с тем, что оно применялось только к негражданам. Кроме того, после вынесения решения Палаты лордов схема заключения под стражу на основании Закона 2001 года была заменена на систему приказов о введении контроля на основании Закона 2005 года «О предупреждении терроризма». Все заявители, в отношении которых Европейский Суд установил нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции, сразу же после освобождения из-под стражи в марте 2005 года стали субъектами применения контрольных мер. Поэтому нельзя предположить, что, даже если нарушения в настоящем деле не были бы допущены, заявители не были бы подвергнуты некоторым ограничениям свободы.

253. С учетом вышеизложенного Европейский Суд признает, что обстоятельства дела оправдывают присуждение компенсации в размере значительно меньшем, чем он присуждал ранее по делам о незаконном заключении под стражу. Европейский Суд присуждает 3 900 евро первому, третьему и шестому заявителям, 3 400 евро пятому заявителю, 3 800 евро седьмому заявителю, 2 800 евро восьмому заявителю, 3 400 евро девятому заявителю, 2 500 евро десятому заявителю, 1 700 евро одиннадцатому заявителю плюс любые налоги, которые могут быть начислены на эти суммы.

В. СУДЕБНЫЕ РАСХОДЫ И ИЗДЕРЖКИ

254. Заявители не требовали возмещения расходов, понесенных в судах Соединенного Королевства, так как они были компенсированы в результате вынесения приказа Палатой лордов. Общая сумма требования о возмещении расходов, понесенных в Европейском Суде, составили 144 752,64 фунтов стерлингов, включая налог на добавленную стоимость (НДС). Эта сумма включала 599 часов работы солиситоров по ставке 70 фунтов стерлингов час плюс НДС, 342,5 часа работы представителя по ставке 150 фунтов стерлингов плюс НДС и 85 часов работы старшего представителя по ставке 200 фунтов стерлингов в час плюс НДС при подготовке жалобы, замечаний и требования о справедливой компенсации в Палате Европейского Суда и в Большой Палате Европейского Суда, а также расходы на составление экспертного заключения и на участие в открытом слушании в Большой Палате. Заявители утверждали, что необходимо было проконсультироваться со множеством различных представителей с разной специализацией, учитывая количество рассматриваемых вопросов и имеющихся доказательств, охватывающих события за предыдущие десять лет.

255. Власти Соединенного Королевства утверждали, что размер требования был чрезмерным. В частности, неоправданным являлось количество

часов, затраченных солиситорами и представителями для подготовки дела, особенно если учесть, что каждый заявитель был представлен в течение всего разбирательства во внутригосударственных судах, в ходе которого должны были быть даны подробные поручения и рассмотрены практически все вопросы, затронутые при рассмотрении жалобы в Европейском Суде. Кроме того, ставки представителей были завышенными.

256. Европейский Суд напоминает, что заявитель имеет право на возмещение расходов, которые были действительно и вынужденно понесены в разумном размере для предотвращения или исправления нарушения Конвенции (см. упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Кингсли против Соединенного Королевства» (*Kingsley v. United Kingdom*), § 49). Хотя Европейский Суд признает, что количество заявителей неизбежно должно было повлечь дополнительную работу со стороны их представителей, он отмечает, что большая часть индивидуальных материалов, поданных в Европейский Суд, касалась жалоб заявителей на нарушение статьи 3 Конвенции и их требований о справедливой компенсации, касавшихся жалоб, которые Европейский Суд отклонил. Кроме того, Европейский Суд соглашается с доводом властей Соединенного Королевства о том, что ряд вопросов, особенно те, что касались отступления от соблюдения обязательств на основании статьи 15 Конвенции, уже были рассмотрены в судах Соединенного Королевства, что должно было уменьшить время, необходимое для подготовки этой части дела. Принимая во внимание вышеизложенное, Европейский Суд считает, что заявителям следовало присудить совокупно 60 000 евро в качестве возмещения судебных расходов и издержек плюс любые налоги, которые могут быть взысканы с заявителей.

С. ПРОЦЕНТНАЯ СТАВКА ПРИ ПРОСРОЧКЕ ПЛАТЕЖЕЙ

257. Европейский Суд полагает, что процентная ставка при просрочке платежей должна определяться исходя из предельной кредитной ставки Европейского центрального банка плюс три процента.

На основании изложенного Большая Палата Европейского Суда единогласно:

1) *объявила* жалобы второго заявителя на нарушение статей 3 и 13 Конвенции неприемлемыми для рассмотрения по существу, а жалобы первого, с третьего по одиннадцатого заявителей на нарушение статей 3 и 13 Конвенции приемлемыми;

2) *постановила*, что отсутствует нарушение статьи 3 Конвенции взятой как отдельно, так и во взаимосвязи со статьей 13 Конвенции в отно-

шении первого заявителя и заявителей с с третьего по одиннадцатый (§§ 126–136 настоящего Постановления);

3) *отклонила* предварительные возражения заявителей о том, что власти Соединенного Королевства должны были быть лишены возможности строить свою защиту на основании подпункта «f» пункта 1 статьи 5 Конвенции и оспаривать вывод Палаты лордов о том, что отступление от соблюдения обязательств на основании статьи 15 Конвенции было незаконным (§§ 153–159 настоящего Постановления);

4) *объявила* жалобы заявителей на нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции приемлемыми для рассмотрения по существу (§ 160 настоящего Постановления);

5) *постановила*, что не было допущено нарушения пункта 1 статьи 5 Конвенции в отношении второго и четвертого заявителей (§§ 162–168 настоящего Постановления);

6) *постановила*, что имело место нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции в отношении заявителей первого, третьего и с пятого по одиннадцатый (§§ 162–190 настоящего Постановления);

7) *постановила*, что отсутствует необходимость рассматривать жалобы заявителей на нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции, взятого во взаимосвязи со статьей 14 Конвенции (§ 192 настоящего Постановления);

8) *объявила* жалобы второго и четвертого заявителей на нарушение пункта 4 статьи 5 Конвенции неприемлемыми для рассмотрения по существу, а жалобы заявителей первого, третьего, с пятого по одиннадцатый на нарушение пункта 4 статьи 5 Конвенции приемлемыми (§§ 200–201 настоящего Постановления);

9) *постановила*, что отсутствует необходимость рассматривать жалобы заявителей первого, третьего и с пятого по одиннадцатый на нарушение пункта 4 статьи 5 Конвенции в связи с тем, что Палата лордов не могла вынести обязательный для исполнения приказ об их освобождении (§ 213 настоящего Постановления);

10) *постановила*, что имело место нарушение пункта 4 статьи 5 Конвенции в отношении первого, третьего, пятого и десятого заявителей, но что не было допущено нарушения пункта 4 статьи 5 Конвенции в отношении с шестого по девятого и одиннадцатого заявителей (§§ 202–224 настоящего Постановления);

11) *постановила*, что отсутствует необходимость рассматривать жалобы заявителей на нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции, взятого во взаимосвязи со статьей 13 Конвенции (§ 225 настоящего Постановления);

12) *объявила* жалобы второго и четвертого заявителей на нарушение пункта 5 статьи 5 Конвенции неприемлемыми для рассмотрения по существу, а жалобы заявителей первого, третьего,

с пятого по одиннадцатый на нарушение пункта 5 статьи 5 Конвенции приемлемыми (§ 228 настоящего Постановления);

13) постановила, что имело место нарушение пункта 5 статьи 5 Конвенции в отношении заявителей первого, третьего, с пятого по одиннадцатый заявителей (§ 229 настоящего Постановления);

14) объявила жалобы заявителей на нарушение статьи 6 Конвенции приемлемыми для рассмотрения по существу (§ 233 настоящего Постановления);

15) постановила, что отсутствует необходимость рассматривать жалобы заявителей на нарушение статьи 6 Конвенции (§ 233 настоящего Постановления);

16) постановила, что власти государства-ответчика обязаны в течение трех месяцев со дня вступления настоящего Постановления в силу выплатить следующие суммы, подлежащие переводу в фунты стерлингов по курсу, действующему на день выплаты:

(а) в качестве компенсации материального ущерба и морального вреда 3 900 (три тысячи девятьсот) евро первому, третьему и шестому заявителям, 3 400 (три тысячи четыреста) евро пятому заявителю, 3 800 (три тысячи восемьсот) евро седьмому заявителю, 2 800 (две тысячи восемьсот) евро восьмому заявителю, 3 400 (три тысячи четы-

реста) евро девятому заявителю, 2 500 (две тысячи пятьсот) евро десятому заявителю, 1 700 (одну тысячу семьсот) евро одиннадцатому заявителю плюс любые налоги, которые могут быть начислены на эти суммы;

(b) в качестве компенсации судебных расходов и издержек всем заявителям совместно в размере 60 000 (шестидесяти тысяч) евро плюс любые налоги, которые могут быть начислены на данную сумму;

(с) по истечении указанного трехмесячного срока и до момента выплаты на указанные суммы должны начисляться простые проценты в размере предельной годовой кредитной ставки Европейского центрального банка, действующей в период невыплаты, плюс три процента (§§ 249–257 настоящего Постановления);

17) отклонила оставшуюся часть требований заявителей о справедливой компенсации.

Совершено на английском и французском языках, передано сторонам на открытом слушании во Дворце прав человека 19 февраля 2009 г.

Майкл О'БОЙЛ
Заместитель
Секретаря-канцлера
Европейского Суда

Жан-Поль КОСТА
Председатель
Большой Палаты
Суда

Дело «Молла Сали (Molla Sali) против Греции»¹

(Жалоба № 20452/14)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ²

(справедливая компенсация)

г. Страсбург, 18 июня 2020 г.

По делу «Молла Сали против Греции» Европейский Суд по правам человека, рассматривая дело Большой Палатой в составе:

Роберта Спано, *Председателя Большой Палаты Суда,*

Линос-Александра Сицилианоса,

Пауля Лемменса,

Леди Бианку,

Анны Юджовской,

Кристины Пардалос,

Юлии Лаффранк,

Алеша Пейхала,

Эгидиуса Куриса,

Бранко Лубарды,

Карла Ранзони,

Мартиньша Митса,

Армена Арутюняна,

Алёны Полачковой,

Паулиине Коскело,

Тима Эйке,

Раффаэле Сабато, *судей,*

а также при участии Йохана Каллеварта, *заместителя Секретаря Большой Палаты Суда,*

рассмотрев дело в закрытых заседаниях 13 февраля и 30 апреля 2020 г.,

вынес в последнюю указанную дату следующее Постановление:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано жалобой (№ 20452/14), поданной против Греческой Республики в Европейский Суд по правам человека (далее – Европейский Суд) в соответствии

со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция) гражданкой Греции Чатитзе Молла Сали (*Chatitze Molla Sali*) (далее – заявительница) 5 марта 2014 г.

2. Интересы заявительницы в Европейском Суде представляли адвокаты И. Ктистакис (*Y. Ktistakis*) и К. Цицеликис (*K. Tsitselikis*), практикующие в городах Афины и Салоники соответственно. Власти Греции были представлены делегатами от Уполномоченного Греции при Европейском Суде К. Георгиадисом (*K. Georghiadis*) и В. Пелеку (*V. Pelekou*), советниками Государственного совета по правовым вопросам Греции, а также помощником советника Государственного совета по правовым вопросам Греции А. Магриппи (*A. Magrippi*) и директором юридического департамента Министерства иностранных дел М. Телалиан (*M. Telalian*).

3. Дело касалось применения судами Греции священного исламского права (закона шариата) к спору о наследстве между гражданами Греции, принадлежащими к мусульманскому меньшинству, несмотря на волю наследодателя (умершего супруга заявительницы – гражданина Греции, принадлежащего к мусульманскому меньшинству), который завещал всё свое имущество супруге, составив завещание в соответствии с гражданским законодательством Греции. Суды Греции признали это завещание недействительным, постановив, что к делу должно было применяться исламское наследственное право, которое действовало в отношении граждан Греции исламского вероисповедания. Заявительница, которая была лишена трех четвертей завещанного ей имущества, утверждала, что она подверглась дискриминации по признаку религии, поскольку если бы ее супруг не исповедовал ислам, она бы унаследовала его имущество в полном объеме.

4. В Постановлении от 19 декабря 2018 г.³ (далее – основное Постановление) Европейский Суд установил нарушение статьи 14 Конвенции во взаимосвязи со статьей 1 Протокола № 1 к Конвенции. Европейский Суд постановил, в частности, что различие в обращении, которому подверглась заявительница в качестве наследницы по завещанию, оформленному в соответствии с Гражданским кодексом Греции завещателем исламского вероисповедания, по сравнению с наследником по завещанию, составленному согласно Гражданскому кодексу Греции завещателем неисламского вероисповедания, не имело объективных и обоснованных причин.

5. Поскольку Гражданский процессуальный кодекс Греции не предусматривал возобновление производства в судах Греции в случае установления Европейским Судом нарушения Конвенции по

¹ Перевод с английского языка И.В. Артамоновой.

² Настоящее Постановление вступило в силу 18 июня 2020 г. в соответствии с положениями пункта 1 статьи 44 Конвенции (*примеч. редактора*).

³ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск. 2019. № 3 (*примеч. редактора*).

такому спору, как рассматриваемый в настоящем деле, заявительница в соответствии со статьей 41 Конвенции требовала выплаты справедливой компенсации материального ущерба и морального вреда, которые, по ее мнению, были ей причинены в результате выявленных нарушений по настоящему делу, а также возмещения расходов и издержек, понесенных в ходе разбирательства в Европейском Суде.

6. Поскольку вопрос о применении статьи 41 Конвенции не был готов к рассмотрению, Европейский Суд отложил его рассмотрение и предложил властям Греции и заявительнице в течение 12 месяцев представить письменные комментарии по данному вопросу и, в частности, уведомить Европейский Суд о возможном достижении мирового соглашения (см. § 166 и пункт 4 резолютивной части основного Постановления).

7. Поскольку стороны не смогли достичь соглашения, заявительница представила свои замечания 19 апреля и 28 мая 2019 г., а власти Греции – 18 апреля и 28 мая 2019 г.

8. Состав Большой Палаты Европейского Суда был определен в соответствии с положениями пунктов 4 и 5 статьи 26 Конвенции и правилом 24 Регламента Европейского Суда.

РАЗВИТИЕ СОБЫТИЙ ПОСЛЕ ВЫНЕСЕНИЯ ОСНОВНОГО ПОСТАНОВЛЕНИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА

9. 13 февраля 2019 г. по запросу Государственного совета по правовым вопросам Греции, а также в целях рассмотрения дела в Европейском Суде налоговая инспекция г. Комотины (*Komotini*) составила документ, отражающий следующую стоимость имущества, завещанного заявительнице ее умершим супругом:

(а) 50% доли в собственности на квартиру с парковочным местом и подвальным помещением (зарегистрированы под №№ 420170469058/2/8, 420170469058/3/4 и 420170469058/2/22) стоимостью 34 067,08 евро;

(б) 25% доли в собственности на земельный участок (зарегистрированный под № 420170460019/0/0) площадью 24,45 кв. м, на котором в настоящее время расположен магазин, стоимостью 15 337,41 евро;

(с) 33,3% доли в собственности на земельный участок сельскохозяйственного назначения (зарегистрированный под № 420173428146/0/0) стоимостью 5 400 евро;

(д) 75% доли в собственности на магазин, расположенный на участке площадью 31,30 кв. м в г. Комотины (зарегистрирован под № 420170494076) стоимостью 12 777,45 евро (это имущество было впоследствии изъято).

10. После вынесения Кассационным судом Греции постановления от 6 апреля 2017 г. сестры умершего супруга заявительницы обратились в суд первой инстанции нома¹ Родопы (*Rodopi*) 19 апреля 2017 г. Они требовали внесения исправлений в земельный кадастр в целях признания их совладелицами имущества наследодателя, зарегистрированного под №№ 420170469058/2/8, 420170469058/3/4, 420170469058/2/22, 420170460019/0/0 и 420173428146/0/0. Решением от 20 ноября 2018 г. № 114/2018 суд первой инстанции признал право собственности двух сестер на каждый из видов имущества, зарегистрированных под №№ 420170469058/2/8, 420170469058/3/4 и 420170469058/2/22 в размере доли 18,75%, зарегистрированное под № 420170460019/0/0 в размере доли 9,375% и зарегистрированное под № 420173428146/0/0 в размере доли 12,5%. Суд первой инстанции также распорядился внести изменения в сведения о регистрации рассматриваемого имущества в земельном кадастре в соответствии с условиями постановления. Наконец, суд первой инстанции решил, что заявительница по-прежнему владеет одной четвертой частью завещанного ей имущества и обязана заново зарегистрировать право на свою долю в земельном кадастре.

11. 24 декабря 2018 г. заявительница обжаловала указанное решение во Фракийском апелляционном суде. Ссылаясь, во-первых, на основное Постановление Европейского Суда, она утверждала, что сестры ее умершего супруга более не могли зарегистрировать свои наследственные права в земельном кадастре в соответствии с законами шариата. Во-вторых, она ссылалась на статью 281 Гражданского кодекса Греции (злоупотребление правом), отмечая, что сестры ее умершего супруга ранее приняли наследство их отца в соответствии с Гражданским кодексом Греции, создав тем самым у заявительницы правомерное ожидание того, что они не будут пытаться применить законы шариата к наследству их брата в ущерб ей.

12. 23 октября 2019 г. Фракийский апелляционный суд вынес постановление № 281/2019.

Со ссылкой на свое предыдущее окончательное постановление от 15 декабря 2015 г. № 183/2015 Фракийский апелляционный суд отметил, что в указанном постановлении, имеющем силу *res judicata*, которым он был связан, было установлено, что к имуществу умершего лица применялись законы шариата. В соответствии с законами шариата доли наследников, участвовавших в споре, в наследственном имуществе составили 6/24 для

¹ Но́мы (префектуры) – упраздненные с 1 января 2011 г. административные единицы второго уровня Греции. В результате реформ но́мы стали периферийными подразделениями в составе периферий (административных регионов). Границы периферийных подразделений в основном, но не всегда совпадают с границами номов (*примеч. редактора*).

заявительницы и 9/24 для каждой из двух сестер, признанных совместными собственницами. Фракийский апелляционный суд также отметил, что записи в земельном кадастре о том, что заявительница владела 100% долей в имуществе, зарегистрированном под №№ 420170469058/2/22, 420170469058/2/8 и 420170469058/3/4, 25% долей в собственности на имущество, зарегистрированное под № 420170460019/0/0, и 33,33% долей в собственности на имущество, зарегистрированное под № 420173428146/0/0, были неверными. Фракийский апелляционный суд постановил, что указанные записи в земельном кадастре нарушали имущественные права сестер умершего лица и должны были быть исправлены. Он признал долю сестер в размере 18,75% в собственности на каждое из видов имущества, зарегистрированных под №№ 420170469058/2/22, 420170469058/2/8 и 420170469058/3/4, в размере 9,375% – на имущество, зарегистрированное под № 420170460019/0/0, и в размере 12,5% – на имущество, зарегистрированное под № 420173428146/0/0.

20 декабря 2019 г. заявительница обжаловала вышеуказанное постановление по вопросам права.

13. На дату вынесения настоящего Постановления производство по делу еще не было завершено.

14. Записи в земельном кадастре г. Комотини еще не были исправлены на основании решений, вынесенных судом первой инстанции 20 ноября 2018 г. и Фракийскими апелляционным судом 23 октября 2019 г., в целях признания сестер умершего супруга заявительницы сособственницами имущества завещателя. Соответствующие записи могут быть исправлены только при наличии окончательного решения, вынесенного в пользу сестер умершего лица. В земельном кадастре был указан только иск, поданный сестрами умершего супруга заявительницы.

15. Земельный участок, зарегистрированный под № 420170494076, не был включен в иск, поданный сестрами умершего супруга заявительницы. Таким образом, право собственности заявительницы на данный участок не оспаривалось. Кроме того, как признала заявительница, данное имущество было изъято, и ей была положена выплата компенсации в связи с этим.

16. Что касается производства в Турции, заявительница обратилась в Суд по гражданским делам первой инстанции района Бакыркёй (*Bakırköy*) с требованием применения завещания к имуществу, находящемуся в Турции. Одновременно с этим сестры умершего лица подали иск о признании завещания недействительным по причине его несоответствия законодательству Турции. 18 января 2018 года Суд по гражданским делам первой инстанции района Бакыркёй вынес решение, согласно которому отсутствует необходимость рассматривать иск

сестер умершего супруга заявительницы, поскольку завещание последнего будет признано недействительным в соответствии с принципами международного частного права, установленными в Гражданском кодексе Турции (вследствие противоречия публичной политике Турции). Суд по гражданским делам первой инстанции района Бакыркёй пришел к выводу, что постановление Кассационного суда Греции является окончательным и в соответствии с международным частным правом Турции обязательным для суда, поэтому отсутствует необходимость пересматривать дело. Как заявительница, так и сестры ее умершего супруга обжаловали данное постановление в Апелляционном суде г. Стамбула. В настоящее время их жалобы находятся на рассмотрении.

ПРАВО

17. Статья 41 Конвенции гласит:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

I. ДОВОДЫ СТОРОН

A. ДОВОДЫ ЗАЯВИТЕЛЬНИЦЫ ОТ 19 АПРЕЛЯ И 28 МАЯ 2019 г.

1. Материальный ущерб

18. Заявительница отмечала, что ее супруг завещал ей всё свое движимое и недвижимое имущество. Однако завещание имело последствия в двух государствах, Греции и Турции, поскольку в рассматриваемый период недвижимое имущество умершего включало четыре объекта в Греции (в настоящее время три, а именно из одной третьей части земельного участка сельскохозяйственного назначения площадью 2 000 кв. м, одной второй части квартиры площадью 127 кв. м с парковочным местом и подвальным помещением, из одной четвертой части магазина в г. Комотини площадью 24 кв. м (см. выше § 9)), а также из четырех объектов в Турции.

19. Заявительница утверждала, что Гражданский кодекс Греции не предусматривает возобновления производства в судах Греции после установления факта нарушения Конвенции Европейским Судом. Кроме того, она указывала, что в Турции у нее отсутствовали эффективные средства правовой защиты для оспаривания постановления Суда по гражданским делам первой инстанции района

Бакыркёй от 18 января 2018 г., согласно которому постановления Кассационного суда Греции являются окончательными и имеют обязательную силу для судов Турции и что, следовательно, не требовался пересмотр дела. Следовательно, постановления Кассационного суда Греции послужили единственной правовой основой для лишения заявительницы ее имущества в Турции.

20. С учетом обстоятельств настоящего дела заявительница считала, что восстановление права на рассматриваемое имущество будет являться единственной приемлемой формой компенсации за допущенное нарушение Конвенции. Такое восстановление прав могло бы быть обеспечено, если бы Европейский Суд вынес распоряжение об исправлении записи о регистрации унаследованного имущества в земельном кадастре на имена сестер ее умершего супруга.

21. В отсутствие *restitutio in integrum* заявительница просила Европейский Суд присудить ей компенсацию в размере 44 103 евро, что соответствовало трем четвертым частям стоимости рассматриваемых трех объектов недвижимости в Греции (зарегистрированных под №№ 420170469058/2/8, 420170469058/3/4, 420170469058/2/22, 420170460019/0/0 и 420173428146/0/0), а также компенсацию в размере 936 912,50 евро в отношении четырех объектов недвижимости в Турции (указанная сумма была основана на экспертных заключениях, представленных заявительницей в Турции).

2. Моральный вред

22. Заявительница требовала выплатить ей 30 000 евро в качестве компенсации морального вреда. Она утверждала, что подверглась чрезмерному стрессу из-за гласности, связанной с производством по ее делу в судах Греции и в Европейском Суде, а также вследствие ее изображения в глазах общественности в качестве пожилой вдовы мусульманина, решившей бороться с применением законов шариата в Греции.

3. Судебные расходы и издержки

23. Заявительница требовала выплатить ей 5 828,33 евро в качестве компенсации расходов и издержек, понесенных в ходе разбирательств в судах Греции и в Европейском Суде, из которых 2 401,05 евро составляли расходы на юридическое представительство в судах Греции, 1 364 евро – стоимость услуг адвоката И. Ктистакиса за представительство интересов в Европейском Суде, 1 100 евро – стоимость услуг адвоката К. Цицеликиса за представительство интересов в Европейском Суде и 963,28 евро – стоимость расходов, связанных с проведением слушания в Большой Палате Европейского Суда.

В. ДОВОДЫ ВЛАСТЕЙ ГРЕЦИИ ОТ 18 АПРЕЛЯ И 28 МАЯ 2019 г. (ПРЕДСТАВЛЕННЫЕ ДО ВЫНЕСЕНИЯ ФРАКИЙСКИМ АПЕЛЛЯЦИОННЫМ СУДОМ ПОСТАНОВЛЕНИЯ ОТ 23 ОКТЯБРЯ 2019 г. № 281/2019)

1. Материальный ущерб

(а) Имущество, находящееся в Греции

24. На момент представления своих замечаний власти Греции в первую очередь утверждали, что оценка материального ущерба, причиненного заявительнице, была преждевременной, неопределенной и гипотетической. Регистрация имущества, завещанного заявительнице, в земельном кадастре еще не была исправлена, как того требовали сестры ее умершего супруга, поскольку апелляционная жалоба заявительницы на постановление суда первой инстанции, вынесенное в пользу сестер завещателя, еще не была рассмотрена Фракийским апелляционным судом. Фактически регистрация соответствующего имущества на имя заявительницы (в отношении доли, унаследованной от ее супруга) может быть изменена только на основании окончательного решения в соответствии с положениями статьи 7 Закона № 2664/1998. Таким образом, согласно земельному кадастру заявительница на настоящий момент времени является единственной владелицей указанной унаследованной доли.

25. Кроме того, власти Греции подчеркивали, что основное Постановление Европейского Суда было доведено до сведения Фракийского апелляционного суда. Очевидно, что невозможно было предвидеть решение последнего указанного суда, но, если он удовлетворит апелляционную жалобу заявительницы, то регистрация не будет исправлена, и правовой статус заявительницы как бенефициара по завещанию ее супруга останется неизменным. Если, напротив, Фракийский апелляционный суд отклонит апелляционную жалобу заявительницы, она сможет подать апелляцию по вопросам права. Кроме того, заявительница также сможет подать иск о возмещении ущерба против сестер своего умершего супруга в соответствии со статьей 904 Гражданского кодекса Греции (необоснованное обогащение) или иск о возмещении ущерба против органов государственной власти в соответствии со статьей 105 Вводного закона к Гражданскому кодексу Греции (обязанность государства возместить любой ущерб, причиненный незаконными действиями или бездействием его органов при осуществлении публичных полномочий).

26. Власти Греции пояснили, что, принимая наследственное имущество супруга на основании нотариально заверенного акта и регистрируя унаследованное имущество в земельном кадастре г. Комотины, заявительница приняла имущество, завещанное ей супругом, которое он ранее заде-

кларировал в налоговых органах. Данное имущество включало в себя:

(а) 50% доли в совместной собственности на квартиру (зарегистрированы под №№ 420170469058/2/8, 420170469058/3/4 и 420170469058/2/22) стоимостью 34 067,08 евро, остальные 50% доли уже принадлежали заявительнице на основании приобретения;

(b) 25% доли в совместной собственности на земельный участок (зарегистрированный под № 420170460019/0/0) площадью 24,45 кв. м, на котором в настоящее время расположен магазин, стоимостью 15 337,41 евро;

(с) 33,3% доли в собственности на земельный участок сельскохозяйственного назначения (зарегистрированный под № 420173428146/0/0) стоимостью 5 400 евро, оставшаяся часть которого уже принадлежала сестрам наследодателя;

(d) 75% доли в совместной собственности на земельный участок (зарегистрирован под № 420170494076) стоимостью 12 777,45 евро, оставшиеся 25% доли принадлежали сестре и матери заявительницы. Власти Греции отметили, что данное имущество не было включено в состав объектов, право собственности на которые оспаривалось сестрами наследодателя в иске, который они подали 19 апреля 2017 г.

27. Наконец, власти Греции отмечали, что заявительница не подала налоговую декларацию в отношении 25% доли в собственности на имущество, которое она унаследовала, и не выплатила имущественный налог на него.

(b) Имущество, находящееся в Турции

28. Власти Греции утверждали, что любое требование, предъявленное заявительницей в отношении имущества, находящегося в Турции, было неприемлемым, необоснованным, неопределенным и не поддающимся оценке. Они подчеркнули, что это имущество находится за пределами юрисдикции судов Греции. Оно не было предметом разбирательства в судах Греции на каком-либо этапе производства по делу и не является предметом жалобы, рассматриваемой Европейским Судом. Вопрос о данном имуществе еще рассматривается в судах Турции, и, следовательно, вопрос о наследственных правах заявительницы в Турции был преждевременным в такой ситуации. Кроме того, заявительница не установила право собственности на это имущество или его правовой статус с момента смерти ее супруга до настоящего времени.

29. Власти Греции также отмечали, что заявительница не предприняла необходимые усилия для обеспечения признания и исполнения завещания ее супруга в Турции до того, как оно было признано недействительным Кассационным судом Греции, и не установила, что, даже если предположить, что завещание было бы действительным в Греции, оно

также было бы действительным в Турции для целей его исполнения, особенно с учетом того, что применимым правом являлось право Турции. Если бы Кассационный суд Греции не признал завещание недействительным, то суды Турции рассмотрели бы вопрос о том, противоречило ли завещание публичной политике Турции по иным основаниям.

2. Моральный вред

30. Власти Греции считали, что требование заявительницы по данному основанию было неопределенным, чрезмерным и необоснованным с учетом обстоятельств дела, то есть его сложности, возраста и социально-экономического положения заявительницы, а также экономической ситуации в Греции.

3. Судебные расходы и издержки

31. Власти Греции утверждали, что заявительница не обосновала свое требование или не представила каких-либо подтверждающих его доказательств. Она предоставила четыре счета на оплату юридических услуг, но они были выставлены на имя адвоката, который не представлял ее интересы в Европейском Суде. Кроме того, два из четырех счетов относились к ее апелляционной жалобе по вопросам права от 8 февраля 2016 г. и к слушаниям в Кассационном суде Греции, то есть к действиям и событиям, которые имели место после подачи жалобы в Европейский Суд и которые выходили за пределы ее предмета. Наконец, власти Греции утверждали, что требуемая заявительницей сумма была чрезмерной.

II. МНЕНИЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА

A. ОБЩИЕ ПРИНЦИПЫ

32. Европейский Суд напоминает о своей устоявшейся прецедентной практике, согласно которой решение о признании нарушения налагает на власти государства-ответчика юридическое обязательство прекратить нарушение и устранить его последствия таким образом, чтобы восстановить, насколько это возможно, ситуацию, существовавшую до нарушения (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Курич и другие против Словении» (*Kurić and Others v. Slovenia*) (справедливая компенсация), жалоба № 26828/06, § 79, *ECtHR* 2014). Договаривающиеся Государства, которые являются сторонами в деле по общему правилу вправе свободно выбирать средства исполнения постановления, в котором Европейский Суд установил нарушение Конвенции. Данное усмотрение в отношении способа исполнения постановления отражает свободу выбора, связанную

с основным обязательством Договаривающихся Государств в соответствии с Конвенцией обеспечивать гарантированные права и свободы (статья 1 Конвенции). Если характер нарушения позволяет осуществить *restitutio in integrum*, то это должны сделать власти государства-ответчика, поскольку сам Европейский Суд не имеет ни полномочий, ни практической возможности для этого. Если, с другой стороны, законодательство государства-ответчика не предусматривает устранение последствий нарушения или допускает возможность лишь частичного устранения таких последствий, то статья 41 Конвенции предоставляет Европейскому Суду право присудить потерпевшей стороне такую компенсацию, которая представляется ему надлежащей (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Брумареску против Румынии» (*Brumărescu v. Romania*) (справедливая компенсация), жалоба № 28342/95, § 20, *ECHR* 2001-I, и Постановление Европейского Суда по делу «Гуизо-Галлизай против Италии» (*Guiso-Gallisay v. Italy*) (справедливая компенсация) от 22 декабря 2009 г., жалоба № 58858/00, § 90). Европейский Суд обладает определенными пределами усмотрения в осуществлении данного полномочия, как следует из прилагательного «справедливый» и из выражения «в случае необходимости» (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Компания “Комингерсол С.А.” против Португалии» (*Comingersoll S.A. v. Portugal*), жалоба № 35382/97, § 29, *ECHR* 2000-IV). В указанных целях Европейский Суд может принимать во внимание нормы права справедливости (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Вистиньш и Перепёлкин против Латвии» (*Vistiņš and Perējolkins v. Latvia*) (справедливая компенсация) от 25 марта 2014 г., жалоба № 71243/01, § 36, *ECHR* 2014, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Бывший Король Греции и другие против Греции» (*Former King of Greece and Others v. Greece*) (справедливая компенсация) от 28 ноября 2002 г., жалоба № 25701/94, § 79, Постановление Европейского Суда по делу «Компания “Эс Си Гранитул С.А.” против Румынии» (*S.C. Granitul S.A. v. Romania*) (справедливая компенсация) от 24 апреля 2012 г., жалоба № 22022/03, § 15, и Постановление Европейского Суда по делу «Крывенький против Украины» (*Kryvenkyi v. Ukraine*) от 16 февраля 2017 г., жалоба № 43768/07, § 52).

33. Европейский Суд также напоминает об отсутствии прямого положения о материальном ущербе или моральном вреде. В Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Варнава и другие против Турции» (*Varnava and Others v. Turkey*), жалоба № 16064/90 и восемь других жалоб¹, § 224,

ECHR 2009, и в Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Республика Кипр против Турции» (*Cyprus v. Turkey*) (справедливая компенсация), жалоба № 25781/94, § 56, *ECHR* 2014, Европейский Суд подтвердил следующие принципы, которые постепенно развивались в его прецедентной практике. Ситуации, когда заявителю была причинена очевидная травма, будь то физическая или психологическая, либо он испытал боль и страдания, мучение, беспокойство, разочарование, чувства несправедливости или унижения, при затянувшейся неопределенности, разрушении жизни или реальной утраты возможности, следует отличать от тех, когда публичное подтверждение правонарушения в отношении заявителя в постановлении, имеющем обязательную силу для государства – участника Конвенции, само по себе является надлежащей формой возмещения. В некоторых случаях, когда законодательство, процедура или практика не соответствуют конвенционным стандартам, этого достаточно, чтобы исправить положение. В других ситуациях последствия нарушения могут рассматриваться как имеющие характер и степень, которые настолько сильно повлияли на психическое состояние заявителя, что могут потребовать принятия более действенных мер. Такие элементы не поддаются явному расчету или точной количественной оценке. Роль Европейского Суда также не аналогична роли внутригосударственного деликтного механизма в суде при распределении вины и компенсационных убытков между сторонами в гражданском споре. Руководящим принципом Европейского Суда является справедливость, которая предполагает гибкость и объективное рассмотрение вопроса о том, что является справедливым и разумным при всех обстоятельствах дела, включая не только ситуацию заявителя, но и общий контекст, в котором имело место нарушение. Компенсация морального вреда служит признанию того факта, что он был причинен в результате нарушения основных прав человека, и отражает в самом широком смысле тяжесть ущерба (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Саргсян против Азербайджана» (*Sargsyan v. Azerbaijan*) (справедливая компенсация) от 12 декабря 2017 г., жалоба № 40167/06², § 39).

В. ПРИМЕНЕНИЕ ВЫШЕИЗЛОЖЕННЫХ ПРИНЦИПОВ В НАСТОЯЩЕМ ДЕЛЕ

1. Материальный ущерб

34. Европейский Суд напоминает, что в своем основном Постановлении он установил нарушение статьи 14 Конвенции во взаимосвязи со статьей 1 Протокола № 1 к Конвенции по следующим

¹ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск. 2020. № 3 (примеч. редактора).

² См.: там же. 2018. № 5 (примеч. редактора).

основаниям: в то время как супруг заявительницы решил в своем завещании, удостоверенном нотариусом согласно гражданскому законодательству Греции, завещать всё свое имущество заявительнице, Кассационный суд Греции счел, что в данном случае подлежало применению исламское наследственное право. В результате заявительница была лишена преимуществ, возникших у нее на основании завещания, составленного ее супругом, а именно права на три четвертых части завещанного ей имущества.

35. Европейский Суд также отметил, что в своих требованиях в соответствии со статьей 41 Конвенции заявительница требовала выплаты компенсации ущерба, понесенного в отношении имущества ее супруга, находившегося как в Греции, так и в Турции.

(а) Имущество, находящееся в Греции

36. Европейский Суд отмечает, что согласно документам, предоставленным земельным кадастром, завещание супруга заявительницы распространялось на такое имущество, как:

(а) квартира, парковочное место и подвальное помещение (зарегистрированные под №№ 420170469058/2/8, 420170469058/3/4 и 420170469058/2/22) стоимостью 34 067,08 евро, которые на 50% принадлежали супругу заявительницы, а на оставшиеся 50% заявительнице;

(b) земельный участок (зарегистрированный под № 420170460019/0/0) и расположенный на нем магазин площадью 24,45 кв. м стоимостью 15 337,41 евро, который на 25% принадлежал супругу заявительницы, на 18,75% первой и второй сестрам умершего соответственно и на 25% еще одному неустановленному лицу;

(с) земельный участок сельскохозяйственного назначения (зарегистрированный под № 420173428146/0/0) стоимостью 5 400 евро, который на 33,33% принадлежал супругу заявительницы, на 33,33% первой и второй сестрам умершего соответственно;

(d) 75% доли в собственности на земельный участок (зарегистрирован под № 420170494076) стоимостью 12 777,45 евро, оставшиеся 25% доли принадлежали сестре и матери заявительницы. Указанный земельный участок впоследствии был изъят, и сестры завещателя не оспаривали право собственности на него в иске, который они подали 19 апреля 2017 г.

37. Европейский Суд также отмечает, что после того, как Кассационный суд Греции вынес постановление от 6 апреля 2017 г., сестры умершего супруга заявительницы 19 апреля 2017 г. обратились в суд первой инстанции нома Родопы с требованием внесения исправлений в земельный кадастр в целях признания их сособственниками имущества завещателя. В решении от 20 ноября 2018 г. суд первой

инстанции признал обеих сестер сособственниками и распорядился внести изменения в регистрацию собственности в кадастре в соответствии с условиями постановления. Наконец, суд первой инстанции пришел к выводу, что заявительница по-прежнему владела одной четвертой частью завещанного ей имущества и была обязана заново зарегистрировать право на свою долю в земельном кадастре. 24 декабря 2018 г. заявительница обжаловала указанное решение во Фракийском апелляционном суде, который 23 октября 2019 г. оставил это решение в силе. Он сослался на свое предыдущее окончательное постановление № 183/2015 и отметил, что в указанном постановлении, имеющем силу *res judicata*, которым он был связан, было установлено, что к имуществу умершего лица применялись законы шариата. 20 декабря 2019 г. заявительница обжаловала вышеуказанное постановление Фракийского апелляционного суда по вопросам права.

38. По мнению Европейского Суда, хотя производство в Кассационном суде Греции еще продолжается, отсутствует необходимость ожидать результатов этого производства до вынесения постановления Европейским Судом. В связи с этим он напоминает о своей прецедентной практике, согласно которой в соответствии со статьей 41 Конвенции он может продолжать применять указанную статью, если законодательство государства-ответчика «допускает возможность лишь частичного устранения» последствий установленного нарушения. Если потерпевший после тщетного исчерпания внутрисудовых средств правовой защиты до подачи жалобы в Европейский Суд на нарушение его прав был вынужден сделать это во второй раз, чтобы иметь возможность получить справедливую компенсацию от Европейского Суда, то общая продолжительность процедуры, установленной Конвенцией, едва ли будет соответствовать задаче эффективной защиты прав человека. Такое требование приведет к ситуации, несовместимой с целью и предметом Конвенции (см. Постановление Европейского Суда по делу «Де Вильде, Оомс и Версип против Бельгии» (*De Wilde, Ooms and Versyp v. Belgium*) (статья 50 Конвенции) от 10 марта 1972 г., § 16, Series A, № 14, и Постановление Европейского Суда по делу «Барбера, Мессеге и Хабардо против Испании» (*Barberà, Messegue and Jabardo v. Spain*) (статья 50 Конвенции) от 13 июля 1994 г., § 17, Series A, № 285-C).

39. По мнению заявительницы, наиболее эффективным средством возмещения ущерба за нарушение Конвенции и Протокола № 1 к ней было бы указание Европейского Суда о *restitutio in integrum*, что в настоящем деле означало бы исправление в ее пользу сведений о регистрации завещанного имущества в земельном кадастре.

40. По информации, предоставленной сторонами, в земельный кадастр еще не были внесены изменения в соответствии с решением суда первой

инстанции от 20 ноября 2018 г. и постановлением Фракийского апелляционного суда от 23 октября 2019 г. в целях признания сестер умершего супруга заявительницы сособственницами имущества завещателя. Соответствующие записи не могут быть исправлены без вынесения окончательного решения в пользу сестер умершего наследодателя. Только в этом случае они могут быть признаны сособственницами имущества завещателя.

41. Европейский Суд, во-первых, отмечает, что последствия нарушения Конвенции, которые он установил в своем основном Постановлении, еще не стали ощутимыми. Во-вторых, он напоминает, что по общему правилу его задача не состоит в том, чтобы точно определять, каким образом государство-ответчик должно положить конец нарушению Конвенции и устранить его последствия.

42. Тем не менее очевидно, что восстановление «положения, максимально близкого к тому, которое бы существовало, если бы рассматриваемое нарушение не было допущено» (см. Постановление Европейского Суда по делу «Папамихалопулос и другие против Греции» (Paramichalopoulos and Others v. Greece) (статья 50 Конвенции) от 31 октября 1995 г., § 38, Series A, № 330-B, упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Вистињш и Перепёлкин против Латвии» (Vistiņš and Perepjolkins v. Latvia) (справедливая компенсация), § 33, и Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Чирагов и другие против Армении» (Chiragov and Others v. Armenia) (справедливая компенсация) от 12 декабря 2017 г., жалоба № 13216/05¹, § 59, ECHR 2017), будет состоять в принятии мер, гарантирующих сохранение за заявительницей права собственности на имущество, находящееся в Греции и завещанное ей супругом, или в случае внесения изменений в земельный кадастр, обеспечивающих восстановление ее имущественных прав.

43. По мнению Европейского Суда, если власти Греции не примут указанные меры в течение одного года после вынесения настоящего Постановления, они должны будут выплатить заявительнице компенсацию с учетом стоимости завещанного ей имущества пропорционально доли, которой она была лишена на основании законов шариата.

44. Общая стоимость данного имущества, составляющая 54 804,49 евро, была указана властями Греции налоговой инспекцией г. Комотины, и заявительница согласилась с данной суммой в своих замечаниях.

45. Учитывая, что исходя из постановления Кассационного суда Греции о применении к оспариваемому имуществу законов шариата заявительница была лишена трех четвертей такого

имущества (оставаясь собственницей одной четверти), она имеет право на компенсацию, соответствующую трем четвертям стоимости данного имущества, то есть в размере 41 103,36 евро, если власти Греции не примут указанные выше меры в течение установленного срока.

46. Вместе с тем у заявительницы не может возникнуть право на двойную компенсацию или на необоснованное обогащение на основании постановления Европейского Суда. Следовательно, если результаты производства по делу, которое в настоящее время проводится в Греции, будут соответствовать основному Постановлению, она должна будет вернуть соответствующую сумму властям Греции, если они к этому времени произведут ей выплаты.

(b) Имущество, находящееся в Турции

47. Европейский Суд отмечает, что жалоба, послужившая основанием для вынесения основного Постановления, была подана исключительно против Греции. Вопрос о последствиях завещания умершего в той степени, в которой они затрагивают имущество в Турции, является предметом производства, по-прежнему находящегося на рассмотрении в судах Турции. Вмешательство судов Турции в наследственный спор между заявительницей и сестрами завещателя было обусловлено как иском, поданным заявительницей в Суд по гражданским делам первой инстанции района Бакыркёй в попытке применить завещание к имуществу, расположенному в Турции, так и ходатайством сестер завещателя о признании завещания недействительным на основании его несовместимости с законодательством Турции (см. выше § 16, а также § 88 основного Постановления). 18 января 2018 г. суд первой инстанции решил, что с учетом постановлений судов Греции суды Турции не были обязаны пересматривать дело. Апелляции, поданные как заявительницей, так и сестрами завещателя против указанного постановления, в настоящее время находятся на рассмотрении Апелляционного суда г. Стамбула.

48. В связи с этим Европейский Суд не усматривает какие-либо особые обстоятельства, которые могли бы считаться равносильными осуществлению Грецией своей юрисдикции в отношении разбирательств, происходящих в Турции.

49. Также следует отметить, что, хотя умерший супруг заявительницы составил завещание в общих выражениях, не делая различия между объектами недвижимости, находящимися в Турции и Греции, нотариально заверенный акт заявительницы о принятии завещания относится только к имуществу умершего в Греции и описывает только это имущество (см. § 10 основного Постановления²).

¹ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск. 2018. № 5 (примеч. редактора).

² Так в тексте. По-видимому, допущена техническая ошибка, так как в § 10 основного Постановления данный текст отсутствует (примеч. редактора).

50. В любом случае, как отмечает Европейский Суд, даже если заявительница считала имущество, находящееся в Турции, частью «наследства», которого она была лишена, то Европейский Суд, признав применимой статью 1 Протокола № 1 к Конвенции, в § 130 основного Постановления прямо указал на то, что «заявительница зарегистрировала переход прав на недвижимое имущество в кадастровой палате г. Комотины, оплатив соответствующие государственные пошлины». Это относится только к имуществу, находящемуся в Греции. Только на данном основании Европейский Суд в своем основном Постановлении продолжил рассматривать вопрос о нарушении статьи 14 Конвенции во взаимосвязи со статьей 1 Протокола № 1 к Конвенции. Таким образом, Европейский Суд в своем основном Постановлении не высказал какой-либо позиции по существу относительно предполагаемых прав заявительницы по статье 1 Протокола № 1 к Конвенции в отношении имущества, находящегося в Турции. Следовательно, это имущество не может служить основанием для предъявления каких-либо требований о справедливой компенсации в отношении властей государства-ответчика в настоящем отложенном производстве по статье 41 Конвенции.

51. Кроме того, Европейский Суд напоминает, что в соответствии со статьей 46 Конвенции любое постановление Европейского Суда является обязательным только для государств-участников, участвовавших в судебном разбирательстве, в связи с которым оно было принято. В настоящем деле Турция не являлась таким государством в отношении основного Постановления. При этом ничто не препятствует судам Турции принимать во внимание основное Постановление при вынесении решения.

52. Европейский Суд также отмечает, что заявительница в случае необходимости будет иметь возможность обратиться с жалобой против Турции в связи с окончательным решением судов Турции относительно последствий завещания ее супруга для имущества, находящегося в Турции, если такое решение не будет учитывать основное Постановление Европейского Суда о признании властей Греции нарушившими статью 14 Конвенции во взаимосвязи со статьей 1 Протокола № 1 к Конвенции и если из основного Постановления не будет сделан вывод о необходимых последствиях, вытекающих из статуса Турции как государства – участника Конвенции.

53. Таким образом, Европейский Суд считает, что в указанных обстоятельствах в контексте настоящего дела он не обладает юрисдикцией для рассмотрения требований заявительницы, касающихся имущества ее супруга в Турции.

2. Моральный вред

54. Европейский Суд признает, что заявительнице, несомненно, был причинен моральный

вред в связи с дискриминацией, которой она подверглась. Принимая решение на основе принципа справедливости, как того требует статья 41 Конвенции, Европейский Суд присуждает ей 10 000 евро в качестве компенсации морального вреда.

3. Судебные расходы и издержки

55. Европейский Суд напоминает, что право на компенсацию судебных издержек и расходов в соответствии со статьей 41 Конвенции возникает у потерпевшей стороны только в том случае, если она фактически и с необходимостью понесла такие расходы и издержки. В частности, пункт 2 правила 60 Регламента Европейского Суда предусматривает, что заявитель должен представить все свои требования в соответствии со статьей 41 Конвенции в виде расчета с распределением по рубрикам вместе со всеми подтверждающими документами. В отсутствие этого Европейский Суд вправе отклонить требование полностью или в части. Кроме того, судебные издержки и расходы могут быть возмещены только в том объеме, в котором они относятся к установленному нарушению (см. среди многих прочих примеров упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Вистињш и Перепёлкин против Латвии» (*Vistiņš and Perepjolkins v. Latvia*), § 50).

56. В настоящем деле Европейский Суд установил нарушение статьи 14 Конвенции во взаимосвязи со статьей 1 Протокола № 1 к Конвенции. Необходимо признать, что, даже если бы данные положения не были нарушены, заявительница понесла бы расходы на производство в судах Греции. Таким образом, принимая во внимание документы, которые она представила для обоснования своего требования, Европейский Суд полагает, что ей следует возместить требуемую сумму в отношении производств в судах государства-ответчика, то есть 2 401,05 евро в качестве компенсации расходов на судебное представительство. Кроме того, принимая во внимание имеющиеся в его распоряжении документы и свою прецедентную практику, Европейский Суд считает разумным присудить заявительнице в полном объеме суммы, требуемые ею в отношении производства в Европейском Суде, то есть 3 427,28 евро в качестве оплаты услуг адвоката и компенсации расходов, связанных с рассмотрением дела в Большой Палате Европейского Суда.

4. Процентная ставка при просрочке платежей

57. Европейский Суд полагает, что процентная ставка при просрочке платежей должна определяться исходя из предельной кредитной ставки Европейского центрального банка плюс три процента.

На основании изложенного Большая Палата Европейского Суда:

1) постановила единогласно, что:

(а) принятие властями государства-ответчика мер, обеспечивающих сохранение за заявителем права собственности на имущество в Греции, завещанное ее супругом, или в случае внесения изменений в земельный кадастр восстановление ее имущественных прав, будет представлять собой надлежащую компенсацию за нарушение ее прав;

(б) в случае непринятия таких мер в течение одного года власти государства-ответчика должны выплатить заявителю сумму в размере 41 103,36 (сорока одной тысячи ста трех евро и тридцати шести центов), а также любой налог, который может быть начислен на указанную сумму, в качестве компенсации материального ущерба;

(с) с даты истечения указанного срока в один год и до момента выплаты на указанную выше сумму должны начисляться простые проценты, размер которых определяется предельной кредитной ставкой Европейского центрального банка, действующей в период неуплаты, плюс три процента;

2) постановила единогласно, что:

(а) власти государства-ответчика обязаны в течение трех месяцев выплатить заявителю следующие суммы:

(i) 10 000 (десять тысяч) евро, а также любой налог, который может быть начислен на указанную сумму, в качестве компенсации морального вреда;

(ii) 5 828,33 (пять тысяч восемьсот двадцать восемь евро и тридцать три цента), а также любой налог, обязанность уплаты которого может быть возложена на заявителя, в качестве компенсации судебных расходов и издержек;

(б) с даты истечения указанного трехмесячного срока и до момента выплаты на указанные выше суммы должны начисляться простые проценты, размер которых определяется предельной кредитной ставкой Европейского центрального банка, действующей в период неуплаты, плюс три процента;

3) отклонила 14 голосами «за» при трех – «против» оставшуюся часть требований заявителя о справедливой компенсации.

Совершено на английском и французском языках, уведомление о настоящем Постановлении направлено в письменном виде 18 июня 2020 г. в соответствии с пунктом 1 правила 71 и пунктами 2 и 3 правила 77 Регламента Европейского Суда.

Йохан КАЛЛЕВАРТ
Заместитель Секретаря
Большой Палаты
Суда

Роберт СПАНО
Председатель
Большой Палаты
Суда

В соответствии с пунктом 2 статьи 45 Конвенции и пунктом 2 правила 74 Регламента Европейского Суда к настоящему Постановлению прилагается отдельное мнение судей Пауля Лемменса, Паулине Коскело и Тима Эйке.

СОВМЕСТНОЕ ЧАСТИЧНО ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЕЙ ПАУЛЯ ЛЕММЕНСА, ПАУЛИНЕ КОСКЕЛО И ТИМА ЭЙКЕ

ВВЕДЕНИЕ

1. Мы согласны с большинством судей в отношении формулировки общих принципов, применимых к оценке справедливой компенсации согласно статье 41 Конвенции (в принципе), как изложено в §§ 32–33 настоящего Постановления, и проголосовали за пункты 1 и 2 резолютивной части настоящего Постановления.

2. К сожалению, мы не можем согласиться с большинством судей в том, что касается применения указанных принципов к виду требования заявителя о справедливой компенсации в отношении имущества, находящегося в Турции, и с выводом большинства судей по данному виду требования.

3. При всем уважении, по причинам, которые подробно изложены ниже, мы считаем, что в настоящем Постановлении не только делается неверный вывод в отношении этого вида требования, но и, что еще важнее, оно основано на неоправданно узком толковании основного Постановления (Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Молла Сали против Греции» (Molla Sali v. Greece) от 19 декабря 2018 г., жалоба № 20452/14¹), а также в нем методологически и процедурно смешиваются и отождествляются два отдельных и отличных друг от друга этапа оценки жалобы заявителя в соответствии с Конвенцией.

4. При этом большинство судей избежали необходимости разрешить некоторые более сложные вопросы, возникающие в контексте оценки материального ущерба в соответствии со статьей 41 Конвенции. Кроме того, они не воспользовались данной возможностью, чтобы внести некоторую ясность в отношении прецедентной практики Европейского Суда, которая недостаточно развита в этой области. По сути в контексте постановлений Европейского Суда, в которых вопросы о приемлемости, существовании жалобы и справедливой компенсации почти всегда рассматриваются совместно, такому аспекту жалобы, как справедливая компенсация, уделяется лишь поверхностное внимание, практически как бы между прочим, без под-

¹ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2019. № 3 (примеч. редактора).

робного изложения или ссылки на применимые правовые принципы. Кроме того, как в настоящем деле, подобный поверхностный подход зачастую наносит ущерб заявителю, для которого присуждение справедливой компенсации (и иные меры индивидуального характера) в соответствии со статьей 41 Конвенции, вытекающее из постановления Европейского Суда, может быть единственным ощутимым (и желаемым) результатом возбуждения производства по делу в Европейском Суде (в отношении обратного риска чрезмерной компенсации см. отдельное мнение судей П. Коскело и Т. Эйке в Постановлении Европейского Суда по делу «Чапский и Есхкеова против Чешской Республики» (*Čapský and Jeschkeová v. Czech Republic*) от 9 февраля 2017 г., жалобы №№ 25784/09 и 36002/09). Это особенно актуально в тех случаях, когда заявителю пришлось ожидать значительный период до вынесения решения, и с течением времени *restitutio in integrum* стала практически невозможной.

5. Еще одним следствием текущей прецедентной практики Европейского Суда является то, что такие возможности, какую представляет собой настоящее дело, когда Европейскому Суду приходится заниматься отдельно (и исключительно) вопросом о справедливой компенсации в связи с уже установленным нарушением Конвенции, становятся всё более редкими. По этой причине вызывает сожаление тот факт, что большинство судей решили не заниматься сложными вопросами, как правовыми, так и фактическими и доказательственными, касающимися взаимосвязи между *restitutio in integrum* и компенсацией, а также о причинно-следственной связи и количественной оценке. В настоящем Постановлении явно упущена эта возможность, хотя любое указание Большой Палаты Европейского Суда в таком деле, каковым является настоящее, могло бы быть полезно не только различным составам Европейского Суда, которым необходимо получать информацию в целях ежедневного рассмотрения дел, связанных с вопросом о справедливой компенсации в соответствии со статьей 41 Конвенции, но и сторонам в Европейском Суде. Вместе с тем Большая Палата Европейского Суда могла бы предоставить сторонам более четкое руководство по сравнению с тем, что доступно в настоящее время, в отношении подхода, который будет занимать Европейский Суд, а также доказательств (и ходатайств), которые могут быть необходимы (или желательны) для того, чтобы убедить Европейский Суд присудить или нет справедливую компенсацию в отношении представленных видов требований и/или требуемых сумм.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

6. 18 декабря 2018 г. Европейский Суд вынес основное Постановление по настоящему делу.

В нем он решил, что «имело место нарушение статьи 14 Конвенции во взаимосвязи со статьей 1 Протокола № 1 к Конвенции» (см. пункт 3 резолютивной части). Осуществляя свою юрисдикцию в соответствии со статьей 19 Конвенции, Европейский Суд, таким образом, с необходимостью установил, что, не соблюдая «обязательств, принятых в рамках Конвенции и Протоколов к ней», власти Греции нарушили свою обязанность, предусмотренную Конвенцией, по обеспечению прав и свобод (статья 1 Конвенции) и совершили противоправное деяние на международном уровне, которое повлекло за собой их (государственную) ответственность согласно международному праву и праву Конвенции.

7. Что касается вопроса о справедливой компенсации в соответствии со статьей 41 Конвенции, Европейский Суд отметил:

«Заявительница требовала выплаты 967 686,75 евро в качестве компенсации материального ущерба, причиненного в результате нарушения статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции. В подтверждение своих требований она представила документы, выданные налоговыми органами Греции в отношении завещанного ей имущества, расположенного в Греции, и экспертные заключения, составленные в Турции в отношении имущества, расположенного на территории Турции. Заявительница также требовала выплаты 30 000 евро в качестве компенсации морального вреда, причиненного ей нарушением статей 6 и 14 Конвенции. Наконец, она требовала выплаты 8 500 евро в качестве возмещения судебных расходов и издержек» (см. § 164 основного Постановления).

8. Однако Европейский Суд пришел к выводу, что вопрос о применении статьи 41 Конвенции (еще) не был готов к рассмотрению, и отложил его рассмотрение на более позднюю стадию, установив первоначальный срок в три месяца для возможного заключения властями Греции и заявителем мирового соглашения (пункт 1 правила 75 Регламента Европейского Суда).

ЗНАЧЕНИЕ ОСНОВНОГО ПОСТАНОВЛЕНИЯ

9. С учетом формулировок настоящего Постановления, в частности, §§ 49 и 50, важно пояснить то, что мы понимаем под контекстом и содержанием выводов, сделанных в основном Постановлении. К сожалению, мы не признаем узкое толкование основного Постановления, изложенное в данных параграфах. В § 50 настоящего Постановления утверждается, что:

«...даже если заявительница считала имущество, находящееся в Турции, частью “наследства”, которого она была лишена, то Европейский Суд, признав применимой статью 1 Протокола № 1 к Конвенции, в § 130 основного Постановления прямо указал на то, что “заявительница зарегистрировала переход прав на недвижимое имущество в кадастровой палате г. Комотины, оплатив соответствующие государственные

пошлины». Это относится только к имуществу, находящемуся в Греции. Только на данном основании Европейский Суд в своем основном Постановлении продолжил рассматривать вопрос о нарушении статьи 14 Конвенции во взаимосвязи со статьей 1 Протокола № 1 к Конвенции. Таким образом, Европейский Суд в своем основном Постановлении не высказал какой-либо позиции по существу относительно предполагаемых прав заявительницы по статье 1 Протокола № 1 к Конвенции в отношении имущества, находящегося в Турции. Следовательно, это имущество не может служить основанием для предъявления каких-либо требований о справедливой компенсации в отношении властей государства-ответчика в настоящем отложенном производстве по статье 41 Конвенции».

10. Мы согласны с тем, что в отношении имущества, находящегося в Турции, которое было оставлено заявительнице на основании завещания, составленного в соответствии с гражданским законодательством, действительно не было высказано какой-либо позиции по существу. Однако это утверждение верно и в отношении имущества, находящегося в Греции, оставленного заявительнице на основании того же завещания. Причина состоит в том, что вопрос об имуществе, на которое распространяется завещание супруга заявительницы, на самом деле не представлял собой значимое или необходимое соображение для решения вопросов, возникающих в соответствии со статьей 14 Конвенции во взаимосвязи со статьей 1 Протокола № 1 к Конвенции. Однако также верно и обратное, а именно то, что ни в основном Постановлении, ни в иных случаях Европейский Суд не давал заявительнице каких-либо указаний на то, что имущество, находящееся в Турции, не является частью соответствующего «наследства», со ссылкой на которое в основном Постановлении было установлено нарушение статьи 14 Конвенции во взаимосвязи со статьей 1 Протокола № 1 к Конвенции. Если необходимо найти подтверждение этому, то им может служить тот факт, что это имущество составило значительную часть требований заявительницы в соответствии со статьей 41 Конвенции, как кратко изложено в §§ 18–21 настоящего Постановления.

11. Также нельзя предположить, что характер ее требования (в том числе в отношении имущества, находящегося в Турции, которое было оставлено ей по завещанию ее супруга) не был ясен на протяжении всего производства по существу жалобы. В сущности, как указано в основном Постановлении, наследство, которое должно было быть передано заявительнице на основании нотариально заверенного завещания, составленного ее супругом-греком (исламского вероисповедания), и которое, следовательно, являлось предметом производства по делу в Европейском Суде, включало в себя «всё его имущество, а именно, одну третью часть земельного участка сельскохозяйственного назначения

площадью 2 000 кв. м, расположенного неподалеку от г. Комотины; одну вторую часть квартиры площадью 127 кв. м; машиноместо и подвальное помещение в многоквартирном доме в г. Комотины; одну четвертую часть магазина, расположенного в г. Комотины, площадью 24 кв. м; магазин площадью 31 кв. м в г. Комотины, который позднее был изъят с выплатой заявительнице компенсации за изъятие, а также четыре объекта недвижимости в г. Стамбуле» (см. § 9 основного Постановления, подчеркнуто нами).

12. Это отражает тот факт, что в своих замечаниях от 29 января 2017 г., представленных в ходе рассмотрения дела по существу в ответ на замечания властей Греции о приемлемости и существовании жалобы, заявительница прямо утверждала, *inter alia*, что «завещатель имел в Турции (г. Стамбул) следующие объекты недвижимости», и указала как в своих замечаниях, так и в подтверждающих доказательствах один объект недвижимости в районе Фатих в г. Стамбуле и еще три объекта недвижимости в районе Бакыркёй в г. Стамбуле (см., *inter alia*, §§ 8 и 44). В дополнение к указанным замечаниям заявительница также представила экспертные оценки этого имущества, составленные экспертами из Турции.

13. Большинство судей пытаются преодолеть эту сложность, (а) утверждая, что, «хотя умерший супруг заявительницы составил завещание в общих выражениях, не делая различия между объектами недвижимости, находящимися в Турции и Греции, нотариально заверенный акт заявительницы о принятии завещания относится только к имуществу умершего в Греции и описывает только это имущество (см. § 10 основного Постановления¹)» (см. § 49 настоящего Постановления), и (b) ссылаясь на то, что Европейский Суд «в § 130 основного Постановления прямо указал на то, что «заявительница зарегистрировала переход прав на недвижимое имущество в кадастровой палате г. Комотины, оплатив соответствующие государственные пошлины» (см. § 50 настоящего Постановления). Однако ни одно из данных утверждений не дает четкого указания (если какое-либо вообще имеется) на то, что Европейский Суд исключил из своего рассмотрения имущество, находящееся в Турции, которое было оставлено заявительнице на основании завещания ее супруга.

14. В действительности § 10 основного Постановления не содержит четких и недвусмысленных формулировок, как это предполагают большинство судей. В нем просто отмечается, что «решением от 10 июня 2008 г. № 12.785/2003 суд первой инстанции г. Комотины на основании представленного заявительницей свидетельства, подтверждающего близкое родство с умершим, официально утвер-

¹ Так в тексте. По-видимому, допущена техническая ошибка, так как в § 10 основного Постановления данный текст отсутствует (*примеч. редактора*).

дил завещание. 6 апреля 2010 г. заявительница оформила у нотариуса акт о вступлении в наследство. Казначейство было уведомлено об этом, и заявительница зарегистрировала переход прав на недвижимое имущество в кадастровой палате г. Комотины, оплатив соответствующие государственные пошлины. В материалах дела отсутствовали сведения об уплате заявительницей каких-либо налогов на наследство в отношении переданного ей по завещанию имущества». Отсутствуют какие-либо указания (и какие-либо доказательства) на то, что нотариально заверенный акт о вступлении заявительницы в наследство относился только к объектам недвижимости, находящимся в Греции. Напротив, он предполагал, что принятие заявительницей наследства, как и само удостоверенное завещание, касалось всего имущества ее супруга, то есть включало в себя имущество в Турции. Кроме того, что касается регистрации в земельном кадастре, можно предположить, что в земельном кадастре в Греции можно было регистрировать только объекты недвижимости, находящиеся в Греции. Следовательно, сам факт того, что заявительница зарегистрировала греческую недвижимость в земельном кадастре Греции, не может служить доводом для исключения имущества, находящегося в Турции, из ее требования, предъявленного в Европейском Суде.

15. Аналогичным образом, ссылка на § 130 основного Постановления не дает достаточного (или какого-либо) подтверждения вывода о том, что такое имущество не может служить основанием для требования заявительницы о справедливой компенсации в настоящем деле. Да, в § 130 основного Постановления действительно подтверждается, что заявительница «зарегистрировала переход прав на недвижимое имущество», но опять же он не содержит каких-либо упоминаний о том, включало ли оно в себя или исключало те объекты недвижимости, указанные в завещании (и принятые заявительницей на основании нотариального акта), которые находятся в Турции. Однако любое подтверждение подхода, принятого большинством судей, с помощью этого фактического утверждения еще сильнее ослабляется тем, что оставшаяся часть указанного параграфа сразу возвращает к обсуждению завещания и наследства в совокупности (вместо того, чтобы сконцентрироваться на каких-либо конкретных объектах недвижимости, которые могут являться частью данного имущества):

«Суд первой инстанции нома Родопы и Фракийский апелляционный суд рассмотрели иски о требованиях сестер умершего и признали завещание действительным, отметив, что завещатель добровольно решил оформить завещание в соответствии с положениями Гражданского кодекса Греции. Единственной причиной, по которой у заявительницы не было свидетельства о праве на наследство, предусмотренного статьей 1956 Гражданского кодекса Греции, было то, что сестры

умершего оспорили действительность завещания сразу же после его открытия судом первой инстанции нома Родопы (см. выше § 11). Следовательно, заявительница унаследовала бы имущество ее супруга в полном объеме, если бы тот не исповедовал ислам».

16. Основное Постановление не содержит каких-либо иных указаний, которые могли бы привлечь внимание заявительницы к тому, что ее требование по статье 41 Конвенции, по мнению Европейского Суда, было настолько узким, как это следует из настоящего Постановления. Фактически, скорее наоборот, оставшаяся часть основного Постановления вновь подтверждает мнение о том, что Европейский Суд рассматривал завещание или имущество супруга в совокупности, не исключая из своей оценки имущество, находящееся в Турции. См., *inter alia*:

а) краткое изложение жалобы заявительницы, которая утверждала, что, «применив к завещанию ее супруга законы шариата вместо гражданского законодательства Греции, Кассационный суд Греции лишил ее трех четвертей завещанного ей имущества» (§ 84 основного Постановления), а также

б) следующие параграфы основного Постановления:

«...Европейский Суд считает, что имущественный интерес заявительницы по вступлению в наследство в отношении имущества ее супруга был достаточно значимым и признанным для того, чтобы оно могло являться “собственностью” по смыслу первого предложения статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции...» (§ 131);

«Нет сомнений в том, что заявительница ожидала, как и любой другой гражданин Греции на ее месте, что после смерти супруга его имущество будет распределено в соответствии с завещанием, составленным в надлежащем порядке» (§ 139);

«Таким образом, заявительница как наследница по завещанию, оформленному в соответствии с положениями Гражданского кодекса Греции завещателем исламского вероисповедания, находилась в ситуации, сходной с той, в которой находятся лица, наследующие по завещанию, оформленному согласно положениям Гражданского кодекса Греции завещателем неисламского вероисповедания, и она подверглась различному обращению по “иному признаку”, в данном случае на основании вероисповедания завещателя» (§ 141).

«Европейский Суд прежде всего отмечает, что применение законов шариата к наследственному делу заявительницы имело для последней серьезные последствия, а именно лишило ее трех четвертей завещанного ей имущества» (§ 145);

«Основным следствием подхода Кассационного суда Греции, занимаемого начиная с 1960 года этим судом и некоторыми другими судами первой инстанции, согласно которому законы шариата применялись к наследственным отношениям лиц, принадлежащих к мусульманскому меньшинству, стало то, что завещание, оформленное в присутствии нотариуса гражданином Греции

исламского вероисповедания, не имеет юридической силы, поскольку законы шариата признают только наследование *ab intestat*, за исключением случаев, когда составлено исламское завещание» (§ 148);

«Таким образом, принимая во внимание вышеизложенное, Европейский Суд считает, что различие в обращении, которому подверглась заявительница в качестве наследницы по завещанию, оформленному в соответствии с Гражданским кодексом Греции завещателем исламского вероисповедания, по сравнению с наследником по завещанию, составленному согласно Гражданскому кодексу Греции завещателем неисламского вероисповедания, не имело объективных и обоснованных причин» (§ 161).

17. Несомненно, в частности, если принять во внимание доводы, по которым большинство судей пришли к своим выводам в настоящем Постановлении, было бы возможно и необходимо разъяснить заявительнице в основном Постановлении, что такое имущество не может «составлять основу какого-либо требования о справедливой компенсации» в данном производстве. Если это не было сделано раньше, то вышеупомянутый § 164 основного Постановления являлся для этого последней возможностью, и справедливость по отношению к сторонам требовала, чтобы это было выражено в максимально ясных формулировках. Это особенно актуально в тех случаях, когда, как в настоящем деле, из доказательств следует, что такой подход лишил бы заявительницу возможности выступить в защиту или получить компенсацию за то, что является наиболее ценной частью ее наследства, оцененного экспертами в размере 936 912,50 евро (см. § 21 настоящего Постановления, в отличие от стоимости объектов недвижимости, находящихся в Греции, с согласованной стоимостью 41 103,36 евро (см. §§ 9, 21, 26 и 36 настоящего Постановления)).

18. Наконец, с правовой точки зрения, позиция, которую сейчас занимают большинство судей в стремлении сузить толкование основного Постановления, также не лишена трудностей.

19. Более того, в § 127 основного Постановления явно указано на то, что Европейский Суд, определяя соответствующую «собственность» для целей подачи жалобы заявительницы в рамках статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции, прямо сослался на Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Фабри против Франции» (*Fabris v. France*), жалоба № 16574/08, § 52, *ECHR* 2013, в том смысле, что «в случаях подачи жалобы на нарушение статьи 14 Конвенции во взаимосвязи со статьей 1 Протокола № 1 к Конвенции, когда заявитель целиком или частично лишен конкретного актива по дискриминационным основаниям, охватываемым статьей 14 Конвенции, Европейский Суд должен выяснить, имел бы заявитель право на данный актив, осуществимое в соответствии с законодательством государства-ответчика, если бы

он не подвергся предполагаемой дискриминации» (см. также, *mutatis mutandis*, Решение Большой Палаты Европейского Суда по делу «Стек и другие против Соединенного Королевства» (*Stec and Others v. United Kingdom*), жалобы №№ 65731/01 и 65900/01, § 55, *ECHR* 2005-X, и Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Андреева против Латвии» (*Andrejeva v. Latvia*), жалоба № 55707/00, § 79, *ECHR* 2009).

20. При этом в §§ 131 и 140 основного Постановления далее говорится о том, что (а), применяя данный принцип, «Европейский Суд считает, что имущественный интерес заявительницы по вступлению в наследство в отношении имущества ее супруга был достаточно значимым и признанным для того, чтобы оно могло являться “собственностью” по смыслу первого предложения статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции», и (b) дискриминация в настоящем деле следует из того, что «[в] постановлении от 7 октября 2013 г. Кассационный суд Греции... отметил, что завещанное супругом заявительницы имущество относилось к категории имущества “в полной собственности” (*mulkia*), вследствие чего рассматриваемое публичное завещание должно было быть признано не влекущим правовых последствий». Как далее утверждал Европейский Суд, именно в результате принятия данного постановления Кассационным судом Греции «...заявительница оказалась в ситуации, отличавшейся от положения замужней женщины, наследующей на основании завещания супруга, не исповедующего ислам».

21. Напротив, если бы основное внимание, как теперь полагают большинство судей, было уделено только (зарегистрированному) имуществу в Греции, то, очевидно, что важнейшие (и, возможно, решающие) вопросы о приемлемости и по существу жалобы не были бы рассмотрены. Ведь Европейский Суд, проведя непосредственный анализ в отношении дискриминации, не выявил какого-либо различия в обращении (и тем более дискриминации) относительно зарегистрированных объектов недвижимости либо факта или процедуры их регистрации. Кроме того, что касается приемлемости жалобы, то, как следует из настоящего Постановления, большинство судей по сути признают, что возможность реализации прав заявительницы на это (находящееся в Греции) имущество по-прежнему остается предметом споров в судах Греции, и окончательное решение (в том числе для целей пункта 1 статьи 35 Конвенции) еще не было принято.

22. В связи с вышеизложенным нам представляется очевидным, что соответствующей «собственностью» в основном Постановлении могло быть только «имущество» или «наследство», завещанное заявительнице ее умершим супругом в совокупности, что неизбежно включало в себя объекты недвижимости, находящиеся в Турции. Следовательно,

требование о справедливой компенсации, которое было определено в § 164 основного Постановления и рассмотрение которого было отложено, также охватывало требование в отношении объектов недвижимости в Турции, которые составляли часть «имущества» или «наследства». Если не считать это простым недосмотром, то вышеуказанный вывод подтверждается еще и тем, что в резолютивной части основного Постановления ни один из аспектов требования заявительницы не был объявлен неприемлемым для рассмотрения по существу или отклонен.

СИТУАЦИЯ С ОБЪЕКТАМИ НЕДВИЖИМОСТИ, НАХОДЯЩИМИСЯ В ТУРЦИИ

23. Как в основном Постановлении (§ 31), так и в настоящем Постановлении (§ 16) отмечается, что исполнение завещания супруга в отношении имущества, находящегося в Турции, в настоящее время является предметом (отдельного) судебного разбирательства в судах Турции. Как указано в § 16 настоящего Постановления, соответствующее разбирательство было инициировано заявительницей, которая обратилась в Суд по гражданским делам первой инстанции района Баыркёй с требованием применения завещания к имуществу, находящемуся в Турции. Одновременно с этим сестры наследодателя подали иск о признании завещания недействительным по причине его несоответствия законодательству Турции. Предварительно отложив рассмотрение этого дела в ожидании результатов производства по делу в судах Греции,

«...18 января 2018 г. Суд по гражданским делам первой инстанции района Баыркёй постановил, что отсутствует необходимость рассматривать иск сестер умершего супруга заявительницы, поскольку завещание последнего будет признано недействительным в соответствии с принципами международного частного права, установленными в Гражданском кодексе Турции (вследствие противоречия публичной политике Турции). Суд пришел к выводу, что постановление Кассационного суда Греции является окончательным и в соответствии с международным частным правом Турции, обязательным для суда, поэтому отсутствует необходимость пересматривать дело».

24. Указанное постановление еще не вступило в законную силу, и на момент производства по делу в Большой Палате Европейского Суда апелляционная жалоба на это постановление находилась на рассмотрении Апелляционного суда г. Стамбула.

МЕТОДОЛОГИЯ ПОСЛЕ УСТАНОВЛЕНИЯ НАРУШЕНИЯ

25. Прежде, чем перейти к рассмотрению подхода, который Европейский Суд, на наш взгляд, должен был принять в отношении требования

о возмещении материального ущерба в настоящем деле и, в частности, в отношении объектов недвижимости, находящихся в Турции, важно сделать два предварительных замечания.

26. Во-первых, с учетом того, что, по нашему мнению, предметом основного Постановления было «наследство» или «имущество», оставленное заявительнице ее супругом на основании завещания, в целях статьи 41 Конвенции принципы, подлежащие применению к части наследства, состоящей из объектов недвижимости в Греции, аналогичны тем, что применяются к наследству, состоящему из объектов недвижимости, находящихся в Турции. Однако результат применения данных принципов (и любого вынесенного вследствие этого корректирующего распоряжения) может отличаться.

27. Во-вторых, как указано выше, прецедентная практика Европейского Суда относительно принципов, подлежащих применению в контексте статьи 41 Конвенции, недостаточно развита. Как следствие, нам представляется, что исходным пунктом любого анализа должны стать принципы возмещения вреда, применимые в соответствии с общим международным публичным правом и наиболее наглядно изложенные в Статьях об ответственности государств за международно-противоправные деяния Комиссии международного права (далее – Статьи об ответственности) и в комментариях к ним, по крайней мере, до тех пор, пока Европейский Суд сам четко не определит различные принципы и не приведет не только доводы в их пользу, но и обоснования для иного подхода.

28. Пункт 1 статьи 31 Статей об ответственности, которые «направлены на точную кодификацию текущих норм общего международного права» (см. Постановление Суда Европейского союза по делу «Аксель Уолц против компании “Кликэйр СА”» (*Axel Walz v. Clickair SA*) от 6 мая 2010 г., дело № C-63/09, ECLI: EU: C:2010:251, § 28), предусматривает, ссылаясь, *inter alia*, на Постановление № 8 Постоянной палаты Международного правосудия по делу «О фабрике в г. Хожуве» (*Factory at Chorzów*) (юрисдикция), 1927 год, P.C.I.J., Series A, № 9, п. 21, что:

«Ответственное государство обязано предоставить полное возмещение вреда, причиненного международно-противоправным деянием».

29. Данное утверждение равносильно обязательству о том, что «возмещение должно, насколько это возможно, устранить все последствия противоправного деяния и восстановить ситуацию, которая, по всей вероятности, существовала бы, если бы такое деяние не было совершено» (см. упомянутое выше постановление Постоянной палаты Международного правосудия по делу «О фабрике в г. Хожуве» (*Factory at Chorzów*), п. 47, а также постановление Международного суда ООН по делу

«О применении Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него» (Босния и Герцеговина против Сербии и Черногории) (Application of the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide) (Bosnia and Herzegovina v. Serbia and Montenegro), *I.C.J. Reports* 2007, p. 43, § 460).

30. Следующий вопрос, который Европейский Суд должен задать в данном контексте, заключается в том, какой «вред» или «ущерб» был причинен заявительнице в результате установленных нарушений. Как следует из пункта 2 статьи 31 Статей об ответственности, в данном контексте в рамках международного права

«вред включает любой ущерб, материальный или моральный, причиненный международно-противоправным деянием государства» (подчеркнуто нами).

31. Таким образом, акцент сделан на «полном» возмещении и на необходимости устранить «любые» последствия, «вызванные» противоправным деянием, и в настоящем деле это любые последствия лишения заявительницы наследства путем помещения ее «в положение, отличавшееся от положения замужней женщины, наследующей на основании завещания супруга, не исповедующего ислам», что противоречило запрету дискриминации по признаку вероисповедания, содержащемуся в статье 14 Конвенции (см. § 141 основного Постановления).

32. Именно вопрос о причинно-следственной связи, хотя и не без сложностей (как правовых, так и фактических), лежит в основе данного расхождения и будет рассмотрен ниже.

33. Как только причинно-следственная связь установлена (или предполагается), как объясняет настоящее Постановление (§§ 32–33), в соответствии со статьей 41 Конвенции (как и в контексте общего публичного международного права) подлежащее выплате возмещение может принимать различные формы, что и подтверждается прецедентной практикой Европейского Суда:

(а) если характер нарушения позволяет осуществить *restitutio in integrum*, то ее должны осуществить власти государства-ответчика, но,

(б) с другой стороны, если или в той степени, в которой *restitutio in integrum* в существенной степени невозможна или несоразмерна, будь то по причине внутригосударственного законодательства или по иным причинам, то любой ущерб, исчисляемый в финансовом выражении (как материальный, так и моральный), должен быть компенсирован (см. статью 36 Статей об ответственности), и в указанных целях статья 41 Конвенции предоставляет Европейскому Суду право присудить потерпевшей стороне такую компенсацию, которая представляется ему надлежащей.

34. Статья 36 Статей об ответственности («Компенсация») подтверждает, что:

«1. Государство, ответственное за международно-противоправное деяние, обязано компенсировать ущерб, причиненный таким деянием, насколько такой ущерб не возмещается реституцией.

2. Компенсация охватывает любой исчислимый в финансовом выражении ущерб, включая упущенную выгоду, насколько она установлена».

35. В данном контексте мы также согласны с изложением принципа, сформулированного в § 46 настоящего Постановления, о том, что у заявительницы «не может возникнуть право на двойную компенсацию... на основании постановления Европейского Суда». Это также отражает позицию, существующую в общем публичном международном праве, согласно которой жертва международно-противоправного деяния «имеет право на полную компенсацию ущерба, причиненного непосредственно противоправным поведением [ответственного государства]; однако жертва не может быть поставлена в более выгодное положение по сравнению с тем, в котором она оказалась бы в отсутствие такого противоправного поведения» (см., например, Решение о компенсации Постоянной палаты третейского суда по делу «О корабле “Арктик Санрайз”» (Королевство Нидерландов против Российской Федерации) (The Arctic Sunrise Arbitration) (Netherlands v. Russia) от 10 июля 2017 г., дело № 2014–02, § 49).

ИМУЩЕСТВО, НАХОДЯЩЕЕСЯ В ГРЕЦИИ

36. Именно вследствие применения вышеуказанных принципов в настоящем Постановлении без какого-либо подробного анализа предполагается наличие необходимой причинно-следственной связи между «противоправным деянием», то есть дискриминационным признанием Кассационным судом Греции завещания супруга заявительницы недействительным, и (потенциальным) изменением ее права собственности на данные объекты, зарегистрированного в земельном кадастре. Кроме того, что, по нашему мнению, справедливо, настоящее Постановление ставит присуждение компенсации материального ущерба по требованию заявительницы, касающемуся имущества в Греции, в зависимость от невозможности *restitutio in integrum* (в форме подтверждения или восстановления ее права собственности на данные объекты недвижимости) в течение одного года с даты вынесения настоящего Постановления.

ИМУЩЕСТВО, НАХОДЯЩЕЕСЯ В ТУРЦИИ

37. Напротив, в настоящем Постановлении вообще не затрагивается вопрос о наличии необходимой причинно-следственной связи между «противоправным деянием», то есть дискриминационным признанием Кассационным судом Греции

завещания супруга заявительницы недействительным и ущербом, заявленным в отношении объектов недвижимости в Турции, которые она унаследовала на основании завещания ее супруга.

38. Большинство судей стремились не просто обойти данный вопрос, утверждая в § 50 настоящего Постановления о том, что Европейский Суд в основном Постановлении не высказал «какой-либо позиции по существу» в отношении такого имущества, и, следовательно, оно «не может служить основанием для каких-либо требований о справедливой компенсации в отношении властей государства-ответчика в настоящем отложенном производстве по статье 41 Конвенции». Представляется, что большинство судей в §§ 48 и 51 настоящего Постановления также, по нашему мнению, ошибочно предполагают (не говоря об этом), что не может существовать причинно-следственной связи между нарушением Конвенции властями государства-ответчика и ущербом, причиненным заявительнице за пределами территории данного государства-ответчика.

39. Таким образом, большинство судей, по-видимому, предполагают, что требование заявительницы в отношении убытков, понесенных в связи с имуществом в Турции, могло быть удовлетворено только в том случае, если бы она подала жалобу в соответствии с Конвенцией против Турции. При этом они используют формулировки, напоминающие формулировки атрибуции, рассматривая вопрос о том, осуществляет ли Греция как (единственное) государство-ответчик по данной жалобе «свою юрисдикцию в отношении разбирательств, происходящих в Турции» (см. § 48 настоящего Постановления). Данный подход также находит свое отражение в том, что большинство судей ссылаются на тот факт, что в соответствии со статьей 46 Конвенции любое постановление Европейского Суда является обязательным только для государств-участников, участвовавших в судебном разбирательстве, в связи с которым оно было принято (см. § 51 настоящего Постановления), и на предположение о том, что заявительница всегда «будет иметь возможность обратиться с жалобой против Турции в связи с окончательным решением судов Турции» (см. *ibid.*).

40. Однако по изложенным выше причинам это в корне неверное толкование вопроса, который Европейский Суд рассматривает на данной (окончательной) стадии производства по делу, возбужденному заявительницей против Греции. Предметом жалобы (как и основного Постановления) против Греции является признание Кассационным судом Греции завещания, составленного супругом заявительницы в соответствии с гражданским законодательством, недействительным, и лишение ее наследства, которое он намеревался ей оставить, и Европейский Суд в соответствии со статьей 41 Конвенции вовсе не рассматривает законность дей-

ствий судов Турции или каких-либо иных действий властей Турции. Напротив, единственный вопрос, возникающий на данной стадии производства, состоит в том, что представляет собой «вред», «причиненный» «противоправным деянием», совершенным властями государства-ответчика и установленным в основном Постановлении, в отношении которого должно быть вынесено постановление о «возмещении»/«справедливой компенсации».

41. Конечно, может иметь место факт того, что ввиду нахождения объектов недвижимости за пределами юрисдикции Греции, нельзя вести речь о *restitutio in integrum*. С учетом довода заявительницы о том, что окончательное решение судов Греции, вынесенное в ее пользу, будет в равной степени подлежать исполнению в Турции и подтверждать ее право собственности на данные объекты недвижимости, мы согласны с тем, что реституция этих объектов недвижимости не относится (и не может относиться) к полномочиям властей государства-ответчика и, следовательно, физически невозможна.

42. В результате Европейский Суд должен был задаться вопросом о наличии достаточной причинно-следственной связи между постановлением Кассационного суда Греции о признании гражданского завещания, составленного умершим супругом заявительницы, недействительным (что, по мнению Европейского Суда, было равносильно нарушению ее конвенционных прав) и отказом (до настоящего времени) судов Турции привести в исполнение гражданское завещание ее супруга, чтобы вышеуказанные составляющие ее утраченного наследства стали компенсируемым «ущербом» в целях статьи 41 Конвенции.

43. Рассматривая данный вопрос, справедливо отметить, как это делает Комиссия международного права в пункте 10 своего Комментария к статье 31 Статей об ответственности, о том, что:

«В международном, как и в национальном праве вопрос об удаленности ущерба “не является частью права, которую можно удовлетворительно урегулировать путем изыскания одной словесной формулы”. Концепция достаточной причинно-следственной связи, которая не является слишком отдаленной, воплощена в общем требовании статьи 31 о том, что ущерб должен являться следствием противоправного деяния, однако без добавления какой-либо конкретной ограничивающей фразы».

44. При этом с учетом нерассмотрения Европейским Судом данного вопроса, а также в отсутствие надлежащего критерия можно воспользоваться некоторым руководством, сформулированным на основании критерия причинно-следственной связи, принятого Международным судом ООН в недавнем деле «Об определенной деятельности, осуществляемой Никарагуа в пограничном районе» (Коста-Рика против Никарагуа) (*Certain Activities Carried Out by Nicaragua in the Border Area*) (*Costa Rica v. Nicaragua*)

(компенсация), *I.C.J. Reports* 2018 (хотя и в ином контексте экологического ущерба):

«В целях присуждения компенсации Суд выяснит, можно ли определить и в какой степени каждый из различных видов ущерба, возмещения которых требует заявитель, и являются ли они следствием неправомерного поведения ответчика, путем установления “наличия достаточно прямой и определенной причинно-следственной связи между противоправным деянием... и ущербом, причиненным заявителю”» (р. 15, § 32).

45. Аналогичным образом без какого-либо подробного изучения данного вопроса большинством судей в настоящем деле нам кажется, что этот критерий вполне может быть удовлетворен в обстоятельствах, когда, как в настоящем деле, суды Турции не применили какое-либо отдельное положение публичной политики Турции для отказа в приведении в исполнение гражданского завещания супруга заявительницы (чтобы потенциально разорвать причинно-следственную связь). Как указано в настоящем Постановлении, суды Турции до настоящего момента основывали свое(-и) решение(-я) исключительно и явно на том, что постановление Кассационного суда Греции было «обязательным» для них, то самое постановление, которое, как было установлено в основном Постановлении Европейского Суда, нарушало конвенционные права заявительницы.

46. В любом случае нам представляется недостаточным обосновывать решение об отказе заявительнице в средствах правовой защиты в связи с утратой (явно) большей части ее наследства без какого-либо рассмотрения (не говоря уже о подробном рассмотрении) вопроса о причинно-следственной связи и удаленности только потому, что окончательные решения, приводящие в исполнение неправомерное постановление Кассационного суда Греции, были приняты судом другого государства, не являющегося участником разбирательства.

47. Тот факт, что два разных государства или субъекта могут способствовать причинению заявителю ущерба, *per se* не дает ответа на вопрос, анализируемый Европейским Судом на данной стадии производства по делу. Европейский Суд уже имел повод рассмотреть соответствующий вопрос и прийти к выводу, что поведение, равносильное международному правонарушению, может быть приписано нескольким субъектам: см., *inter alia*, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Аль-Джедда против Соединенного Королевства» (*Al-Jedda v. United Kingdom*), жалоба № 27021/08, § 80, *ECHR* 2011, а также в порядке необходимой презумпции Постановление Европейского Суда по делу «Стефенс против Мальты (№ 1)» (*Stephens v. Malta*) (№ 1) от 21 апреля 2009 г., жалоба № 11956/07, §§ 50–54, и Постановление Европейского Суда по делу «Василичук против Республики Молдова» (*Vasiliciuc*

v. Republic of Moldova) от 2 мая 2017 г., жалоба № 15944/11, §§ 21–25. Пункт 1 статьи 47 Статей об ответственности подтверждает данный подход:

«Если несколько государств несут ответственность за одно и то же международно-противоправное деяние, в связи с данным деянием можно призвать к ответственности каждое из этих государств».

48. Кроме того, как пояснила Комиссия международного права в пунктах 12 и 13 своего комментария к статье 31 Статей об ответственности (сноски опущены):

«(12) Зачастую два отдельных фактора взаимно накладываются в причинении ущерба. В деле о дипломатическом и консульском персонале США в г. Тегеране (*United States Diplomatic and Consular Staff in Tehran*) первоначальный захват заложников воинствующими студентами (не действовавшими в то время в качестве органов или представителя государства) объяснялся совокупностью собственных независимых действий студентов и непринятием властями Ирана необходимых мер по защите посольства. В деле о проливе Корфу (*Corfu Channel*) ущерб британским судам был причинен как действиями третьего государства, установившего мины, так и действиями Албании, не предупредившей об их наличии. Хотя в подобных случаях вред, о котором идет речь, в действительности был причинен в результате совокупности факторов, лишь один из которых может быть отнесен на счет несущего ответственность государства, международная практика и решения международных судов не поддерживают уменьшения или смягчения возмещения за ущерб, наступивший в результате совпадающих причин, за исключением случаев способствующей вины. Например, по делу о проливе Корфу Соединенное Королевство получило компенсацию в полном объеме по своему иску против Албании, основанием для чего послужило неправомерное отсутствие предупреждения со стороны последней о минах, хотя Албания и не устанавливала эти мины...

(13) Случаи, когда различимый элемент вреда может быть надлежащим образом отнесен на счет лишь одной из нескольких совпадающих причин, действительно могут иметь место. Однако несущее ответственность государство должно признаваться ответственным за все последствия своего противоправного поведения, за исключением слишком удаленных, если нельзя доказать, что некоторая часть ущерба может быть отделена с точки зрения причинно-следственной связи от того ущерба, который вменяется этому государству...».

49. В окончательном Постановлении Постоянной палаты третейского суда по делу «Компания “Халлей Энтерпрайзис Лимитед” (Кипр) против Российской Федерации» (*Hulley Enterprises Limited (Cyprus) v. the Russian Federation*) от 18 июля 2014 г., дело № АА 226, § 1775 (см. для сравнения Постановление Европейского Суда по делу «ОАО “Нефтяная компания “ЮКОС” против Российской Федерации (ОАО Neftyanaya Kompaniya “YUKOS” v. Russia) от 20 сентября 2011 г., жало-

ба № 14902/04¹, § 524, арбитраж истолковал приведенные выше параграфы как подтверждающие, что:

«...сам факт того, что ущерб был причинен не только нарушением, но и сопутствующим деянием, которое не является нарушением, как таковой не разрушает причинно-следственную связь, которая в противном случае существовала бы между нарушением и ущербом. Скорее, ответчик должен доказать, что конкретное последствие его действий может быть отделено с точки зрения причинно-следственной связи (вследствие вмешательства истца или третьей стороны) или быть слишком удаленным, чтобы повлечь за собой обязанность ответчика возместить ущерб».

Опять же, власти государства-ответчика не выдвинули каких-либо доводов или доказательств (и подобные доводы или доказательства не были рассмотрены Европейским Судом), которые могли бы установить, что убытки, понесенные в Турции, могут быть отделены с точки зрения причинно-следственной связи или что по иным причинам они являются слишком удаленными.

50. В качестве возражения против нашего подхода может служить тот довод, что, принимая решение о том, был ли ущерб, причиненный заявительнице в связи с частью ее наследства в Турции, вызван нарушением властями Греции прав заявительницы в соответствии со статьей 14 Конвенции во взаимосвязи со статьей 1 Протокола № 1 к Конвенции, Европейский Суд будет недопустимым образом осуществлять свою юрисдикцию по существу (в соответствии со статьей 19 Конвенции) в отношении действий или бездействия судов Турции, ссылаясь на обязательства властей Турции по (статье 1) Конвенции (применяя то, что иногда называют принципом дела «О монетарном золоте» или принципом «обязательной стороны в деле»). Однако по причинам, изложенным выше, Европейский Суд явно не затрагивает этот вопрос на данном этапе производства. Вопрос о юрисдикции является необходимой предпосылкой прежде всего для того, чтобы Европейский Суд начал рассмотрение жалобы заявительницы в соответствии с Конвенцией. Принимая и вынося решение по существу жалобы заявительницы, которая, как указано выше, всегда включала в себя требование в отношении объектов недвижимости в Турции, составляющих часть ее наследства согласно гражданскому завещанию ее умершего супруга, в своем основном Постановлении (без объявления какого-либо аспекта жалобы неприемлемым для рассмотрения по существу) Большая Палата Европейского Суда неизбежно признала наличие у нее юрисдикции в отношении всей жалобы заявительницы. Не ясно, на каком основании данное решение может или должно быть пересмотрено.

51. В любом случае, даже если бы вопрос о юрисдикции Европейского Суда был уместен для рассмотрения на данной стадии производства по делу, необходимо учитывать контекст сотрудничества судебных органов между государствами. В этом контексте Европейский Суд не будет лишен возможности осуществлять юрисдикцию в отношении постановления Кассационного суда Греции, даже если (или в той степени, в которой) оно будет приведено в исполнение судами другого государства.

52. В связи с этим мы также ссылаемся на Постановление Международного трибунала по морскому праву по делу «О торговом судне “Норстар”» (Панама против Италии) (The M/V «Norstar» Case) (Panama v. Italy) от 4 ноября 2016 г. (предварительные возражения). В данном деле власти Испании арестовали и задержали зарегистрированное в Панаме судно во исполнение постановления об аресте, вынесенного судами Италии на основании запроса о судебной помощи со стороны прокурора суда г. Савоны в соответствии со статьей 15 Европейской конвенции о взаимной правовой помощи по уголовным делам 1959 года и статьей 53 Шенгенского соглашения от 14 июня 1985 года. Италия, выступая в качестве ответчика перед Международным трибуналом по морскому праву, утверждала, что именно арест и задержание судна были предметом иска Панамы и, таким образом, составляли саму суть постановления, которое она просила трибунал вынести. Соответственно, если бы Международный трибунал по морскому праву подтвердил свою юрисдикцию в отношении жалобы, это неизбежно повлекло бы за собой установление законности поведения другого государства, не являвшегося участником разбирательства. Трибунал настойчиво отклонил это возражение по причинам, которые в равной степени применяются в настоящем деле:

«172. Трибунал признает, что концепция обязательной стороны в деле является устоявшейся процессуальной нормой в международных судебных разбирательствах, разработанной главным образом на основе решений Международного суда ООН. В рамках указанной концепции, если “насуточный вопрос, подлежащий урегулированию, касается международной ответственности третьего государства” или если правовые интересы третьего государства могут стать “самим предметом” спора, суд или трибунал не может без согласия такого третьего государства осуществлять юрисдикцию в отношении спора (Постановление Международного суда ООН по делу “О монетарном золоте, вывезенном из г. Рима в 1943 году” (Италия против Франции, Соединенного Королевства и Соединенных Штатов Америки) (Monetary Gold Removed from Rome in 1943) (Italy v. France, United Kingdom and United States of America), *I.C.J. Reports* 1954, p. 19, 32–33, Постановление Международного суда ООН по делу “О Восточном Тиморе” (Португалия против Австралии) (East Timor) (Portugal v. Australia), *I.C.J. Reports* 1995, p. 90, 92, § 29,

¹ См.: Российская хроника Европейского Суда. 2012. № 3 (примеч. редактора).

Постановление Международного суда ООН по делу «О военной и военизированной деятельности в Никарагуа и против Никарагуа» (Никарагуа против Соединенных Штатов Америки) (*Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua*) (*Nicaragua v. United States of America*) (юрисдикция и приемлемость жалобы) *I.C.J. Reports* 1984, р. 392, 431, § 88, Постановление Международного суда ООН по делу «О некоторых районах залегающих фосфатных руд в Науру» (Науру против Австралии) (*Certain Phosphate Lands in Nauru*) (*Nauru v. Australia*) (предварительные возражения) *I.C.J. Reports* 1992, р. 240, 259–262, §§ 50–55, Постановление Международного суда ООН по делу «О вооруженных действиях на территории Конго» (Демократическая Республика Конго против Уганды) (*Armed Activities on the Territory of the Congo*) (*Democratic Republic of the Congo v. Uganda*), *I.C.J. Reports* 2005, р. 168, 237–238, §§ 203–204).

173. Трибунал не считает, что Испания является обязательной стороной в настоящем деле. Как указано в § 167, спор, рассматриваемый трибуналом, касается прав и обязанностей Италии. Участие Испании в настоящем споре ограничивается исполнением запроса Италии об аресте торгового судна «Норстар» в соответствии со Страсбургской конвенцией 1959 года. Соответственно, именно правовые интересы Италии, а не Испании составляют предмет решения, которое будет вынесено трибуналом по существу жалобы Панамы. Решение трибунала о юрисдикции и приемлемости жалобы не требует предварительного определения прав и обязанностей Испании. Таким образом, отсутствует необходимость, а тем более обязанность, участия Испании в настоящем производстве по делу в трибунале в целях установления того, нарушила ли Италия положения Конвенции».

53. Аналогичная ситуация возникла при рассмотрении упомянутого выше Постановления Европейского Суда по делу «Василичук против Республики Молдова» (*Vasiliciuc v. Republic of Moldova*) (§ 23). В Постановлении по указанному делу Европейский Суд признал, что содержание заявления под стражей в Греции (на основании международного ордера на арест, выданного Интерполом по запросу властей Республики Молдова в целях приведения в исполнение распоряжения о заключении под стражу) влечет за собой ответственность властей Республики Молдова в соответствии со статьей 5 Конвенции:

«...в контексте процедуры выдачи запрашиваемое государство должно иметь возможность исходить из презумпции действительности правовых документов, выданных запрашивающим государством, на основании которых запрашивается лишение свободы... Соответственно, оспариваемое заявителем действие, инициированное властями Республики Молдова на основании своего внутреннего законодательства и осуществленное властями Греции в рамках ее международных обязательств, должно быть приписано властям Республики Молдова, несмотря на то, что такое действие было совершено в Греции (см. Постановление Европейского Суда по делу

«Стефенс против Мальты (№ 1)» (*Stephens v. Malta*) (№ 1) от 21 апреля 2009 г., жалоба № 11956/07, §§ 50–54».

54. Кроме того, в настоящем контексте значимым представляется Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Авотиньш против Латвии» (*Avotins v. Latvia*) от 23 мая 2016 г., жалоба № 17502/07¹. В этом деле жалоба была направлена против исполняющего государства (Латвии) в связи с выдачей декларации о принудительном исполнении (предыдущего) решения властей Кипра, которое, по мнению заявителя, имело явные недостатки и было вынесено с нарушением его права на защиту, тем самым нарушив его право на справедливое судебное разбирательство в соответствии со статьей 6 Конвенции. Возможно, именно такое исполнительное производство имеют в виду большинство судей, когда в § 52 настоящего Постановления отмечают, что заявительница может обратиться в Европейский Суд с жалобой против властей Турции в связи с окончательным решением судов этой страны, которые приводят в исполнение постановление Кассационного суда Греции.

55. Хотя здесь не место для размышлений о перспективах благоприятного исхода подобной (будущей) жалобы, если она будет направлена в Европейский Суд, мы хотели бы отметить следующее. В деле «Авотиньш против Латвии» жалоба на инициирующее разбирательство (в Республике Кипр) была основана на несоблюдении процессуальных требований, предусмотренных статьей 6 Конвенции, которая применялась не только в равной степени в обоих государствах, но и как раз в отношении разбирательств, касающихся исполнения иностранных судебных решений (см. упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Авотиньш против Латвии» (*Avotins v. Latvia*), § 96). В результате недостатки инициирующего разбирательства по сути были закреплены исполнением последующего судебного решения. Напротив, настоящее дело касается нарушения материального (а не процессуального) обязательства по Конвенции (статья 14 Конвенции во взаимосвязи со статьей 1 Протокола № 1 к Конвенции) в (достаточно конкретном) контексте обязательств властей Греции (в толковании Кассационного суда Греции) в отношении мусульманского меньшинства в соответствии с серией договоров Лиги Наций.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

56. По вышеизложенным причинам мы полагаем, что Европейский Суд должен был рассмотреть вопрос о причинно-следственной связи прежде,

¹ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск. 2017. № 7 (примеч. редактора).

чем отклонить требование заявительницы в отношении имущества в Турции, которое являлось частью наследства, оставленного ей ее умершим супругом на основании его гражданского завещания. К сожалению, Европейский Суд в настоящем Постановлении не сделал этого, что придает основному Постановлению, вынесенному в пользу заявительницы, характер Пирровой победы.

57. Если бы указанный подход был принят, на основании имеющихся в настоящее время доказательств мы пришли бы к выводу о том, что существует достаточная причинно-следственная связь между, с одной стороны, решениями судов Турции об отказе заявительнице в наследстве по гражданскому завещанию ее умершего супруга, если бы решение суда первой инстанции было подтверждено в ясных выражениях окончательным решением судов Турции, и, с другой стороны, постановлением Кассационного суда Греции, которым гражданское завещание умершего супруга заявительницы было признано недействительным, постановлением, которое, как установил Европейский Суд, представляет собой нарушение ее прав в соответствии со статьей 14 Конвенции во взаимосвязи со статьей 1 Протокола № 1 к Конвенции. Таким образом, отказ судами Турции в наследстве должен рассматриваться как часть «ущерба», в связи с которым заявительница имеет право на справедливую компенсацию в виде возмещения материального ущерба.

58. Разумеется, после установления причинно-следственной связи по-прежнему будет необходимо рассмотреть такие вопросы, как количественная оценка данного требования и достаточность фактически бесспорных доказательств, подтверждающих требование заявительницы. Отсутствуют основания, по которым власти государства-ответчика могли бы правомерно утверждать, что ввиду нахождения соответствующего имущества на территории другого государства (или принятия решений судами другого государства) они не могли рассмотреть или были несправедливо ущемлены в возможности рассмотреть доказательства, относящиеся как к причинно-следственной связи, так и к количественной оценке. В действительности отсутствуют какие-либо основания (по крайней мере, они не были приведены), по которым власти государства-ответчика сами не могли представить необходимые доказательства, полученные через двусторонние правительственные каналы связи, по дипломатическим или консульским каналам или просто путем инструктирования своих собственных экспертов (или посредством сочетания двух или более из указанных способов), чтобы удовлетворить требование заявительницы в отношении причинно-следственной связи и/или количественной оценки. При этом по изложенным выше причинам мы не затрагиваем вопрос об осуществле-

нии властями государства-ответчика полномочий, суверенитета или юрисдикции, мы касаемся, главным образом, вопроса о (фактических) доказательствах (которые включают в себя доказательства, относящиеся к иностранному праву).

59. Может также возникнуть вопрос о том, можно ли считать, что заявительница не смогла минимизировать причиненный ей ущерб (см., например, Постановление Европейского Суда по делу «Баггетта против Италии» (*Baggetta v. Italy*) от 25 июня 1987 г., § 20, Series A, № 119, а также пункт 11 комментария к статье 31 Статей об ответственности о том, что «даже в полной мере безвинная жертва противоправного поведения должна действовать разумно, когда ей причинен вред. Хотя в данном отношении часто применяется выражение “обязанность смягчать”, это не является правовым обязательством, которое само по себе порождает ответственность»). Что касается последнего замечания, то в отсутствие какого-либо подробного изучения со стороны Европейского Суда (или сторон) и на основе имеющихся у нас доказательств мы приходим к выводу, что отсутствуют основания полагать, что заявительница каким-либо образом не исполнила свою «обязанность по смягчению последствий», чтобы оправдать уменьшение количественной оценки материального ущерба/компенсации, причитающейся ей. В конце концов, *inter alia*, из § 47 настоящего Постановления следует, что заявительница сама инициировала разбирательство в судах Турции, чтобы добиться признания завещания в той части, в которой оно относится к объектам недвижимости, находящимся в Турции. Это говорит о том, что она приняла разумные меры, чтобы добиться признания завещания в Турции, и, хотя в настоящее время производство по делу еще не завершено, заявительница продолжает стремиться к получению права собственности на данные объекты недвижимости в силу завещания и, соответственно, избежать связанного с этим материального ущерба.

60. Таким образом, чтобы привести в исполнение различные выводы, изложенные выше, мы бы обязали власти Греции выплатить компенсацию материального ущерба (в размере, подтвержденном доказательствами) в связи с последующими убытками, которые заявительница может понести в отношении имущества, находящегося в Турции, оставленного ей по завещанию ее умершего супруга, в зависимости от (или при условии) вынесения судами Турции окончательного решения, подтверждающего позицию Суда по гражданским делам первой инстанции района Бакыркёй. Хотя такое постановление может быть необычным для Европейского Суда, отсутствуют принципиальные причины, по которым оно не может быть вынесено.

Права и ограничение ответственности

Электронное периодическое издание «Прецеденты Европейского Суда по правам человека» (свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС 77 – 58098) является средством массовой информации в соответствии с Законом Российской Федерации от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации» и предназначено для обеспечения доступа к информации о деятельности Европейского Суда по правам человека и Совета Европы.

Исключительные права на литературные произведения и переводы, опубликованные в печатных и электронных изданиях издательского дома «Развитие правовых систем», принадлежат ООО «Развитие правовых систем».

Использование указанных материалов возможно только с письменного разрешения правообладателя.

Единственно аутентичными текстами постановлений и решений Европейского Суда по правам человека, а также документов иных органов Совета Европы, опубликованных в изданиях ООО «Развитие правовых систем», являются тексты на французском и/или английском языках. Переводы на русский язык не носят официального характера и не обязывают Совет Европы и его органы, в том числе Европейский Суд по правам человека.

В случае возникновения каких-либо вопросов в отношении содержания упомянутых документов просим обращаться непосредственно в соответствующие органы Совета Европы. Текст перевода соответствующего документа в изданиях ООО «Развитие правовых систем» будет изменен только в случае изменения указанного текста в первоначальной публикации на сайте Европейского Суда по правам человека или иного соответствующего органа Совета Европы. В то же время в случае необходимости уточнения или исправления каких-либо положений, относящихся непосредственно к переводу данных текстов на русский язык, издатель может внести необходимые изменения, оставляя за собой право принятия решения о возможности сохранения ранее опубликованной редакции текста.